

Оксана Рум

ИСКУПИТЕЛЬНЫЙ ГРЕХ

*Иногда мы просим судьбу о милости.
Но когда она отвечает нам,
готовы ли мы принять ее дары...*

Потерять все. Опуститься на самое дно. Призывать смерть. Не это ли цена за ошибки. Простить себя и начать все сначала. Станет ли это искуплением...

Она — это страх, желание выжить и защитить самое ценное, несмотря ни на что.

Он — это лишь чувство вины и жалкое существование от попойки до похмелья.

Он для нее — надежда и вера в лучшее.

Она для него — искупление.

Оксана Рум

Искупительный грех

До своей женитьбы Ян не верил в Бога. Да и вообще считал все это ерундой. Но иногда наступает момент, когда ты понимаешь, что есть то, что сильнее тебя. И возникает потребность открыть душу, перед кем невозможно лукавить. Говоря с Богом, тебе не удастся обмануть Его или себя. И тогда, ты выворачиваешь душу наизнанку и словно вскрываешь нарыв, источающий гной. За пять лет своего супружества Ян молился больше чем за всю свою жизнь. Он не ходил в церковь, потому что не верил в нее и в служащих там людей. Но он молился Богу.

Но, как и все люди, он был эгоистичен и просил милости для себя. Молил не забирать у него то, что дороже ему собственной жизни. Оставить жить ту, кто и является жизнью для него. Его жену — Мелину.

А сейчас он не мог даже и этого. Ян уже ни чего не просил. Просто сидел в палате, впитывая такие знакомые больничные запахи, и держал холодную руку в своей ладони, тщетно пытаясь ее согреть. Смотрел на свою жену и жалел, что не может просто расплакаться. Видел ее бледное лицо, круги под глазами, худые руки, исколотые капельницами, и чувствовал, как чувство вины, непомерным грузом давит на плечи.

В том, что произошло, была только его вина. Ян всегда потакал всем прихотям жены. Еще когда они были детьми, он выполнял все ее желания. Они играли только в те игры, в которые хотела играть девочка, не обращая внимания на насмешки соседских мальчишек. Когда выросли, они вместе поступили учиться туда, куда пожелала она. Когда поженились, они переехали жить в тот город, который выбрала его жена. Всегда все было так, как хотела Она.

И в тот день, когда она решила, что готова стать матерью, он был счастлив. В то время, на втором году своей супружеской жизни, он считал себя самым счастливым человеком на планете. Он безумно любил свою красавицу-жену, которая носила их первенца. Он занимался любимым делом, и думал, что так будет всегда.

А потом все изменилось. Мел потеряла ребенка, на пятом месяце беременности. Но они пережили это, потому что были вместе и верили в будущее. Но второй выкидыш подкосил Мел. Глубокая депрессия затягивала ее все глубже, и Яну иногда казалось, что он не сможет вытащить жену из нее.

Но новая беременность стала тем, что подарило им надежду. Мел была безумно счастлива, и словно парила по небу, а не ходила по земле.

Удар судьбы был неумолим. Ребенок умер во чреве матери, и Мел пришлось рожать его, зная, что она не услышит его первый крик.

А потом наступили дни бесконечных обследований, лечения и безрезультатных попыток забеременеть. И вновь надежда. Но такая короткая и мимолетная...

И сейчас он сидит перед, лежащей на больничной койке, женой, желающий чтобы она скорее очнулась и, вместе с тем, боясь этого момента.

Как вновь смотреть в ее наполненные болью глаза, являющиеся полным отражением его собственной боли. Как с сотый раз повторять, что все будет хорошо, когда сам в это не веришь. И как сказать "нет", когда она попросит еще один шанс.

Но он должен будет сказать "нет". Даже если она будет впадать в ярость и бить посуду, угрожая покончить с собой. Он не должен соглашаться на новую беременность, даже если

она будет плакать. А ее слезы были словно яд для него.

За последний год его жена стала совсем другой. Что-то безвозвратно ушло, он это понимал. Но Ян все равно любил ее. Он любил ее даже сильнее чем в юности, сильнее, чем в первые дни их брака. А еще он чувствовал вину перед ней. Что не сдержал клятвы сделать ее счастливой. Вместо этого каждый раз убивает ее, позволяя уговорить себя на новую попытку.

Но больше он не допустит такого. Больше он не позволит ей забеременеть. Он готов жить без детей, но не готов жить без Мел.

Острый запах псины ударил в ноздри, а влажный нос, лохматой зверюги, холодил щеку.
— Пошла вон, гадкая скотина!

Ну и чертовщина. Пересохший язык, словно намертво приклеился к небу, и к досаде его обладателя, гневного окрика не получилось. Да и какая разница, все равно псина бы не отстала. Этот пес был чрезвычайно настырным. И ведь даже не был его собственным. Прибился к нему пару месяцев назад, и не в какую, не хотел уходить. Он был страшен как смертный грех. Хромой, одноглазый и весь облезлый, он был прекрасным символом жизни Яна, отражением того, в кого превратился он сам.

Мужчина знал, что надо встать и выпустить его на улицу, но одна мысль, о том, что надо шевелиться, наполняло все тело болью. И он предпочитал терпеть настырного пса, тыкающегося в него мордой, и слушать поскуливание, чем вставать.

Кажется, он забылся еще на пару минут, погрузившись в забытье, потому как следующее что он услышал, было подвывание и скрежет когтей по древесине.

— Иду, черт возьми! — прохрипел мужчина и застонал, с трудом сев на диване. — Когда-нибудь я пристрелю тебя, шелудивый пес.

Комната закружилась перед глазами, а в голове словно разорвалась граната. Проклятое похмелье. И почему за несколько часов блаженного забытья он должен расплачиваться такими муками. Утешало одно — терпеть не долго. Если все сложится хорошо, то уже через несколько часов он вновь пошлет к черту весь этот мир.

Только вот у псины, что подвывала под дверью, не было ни капли сочувствия к страданиям хозяина. Ян на не твердых ногах поднялся и поплелся в прихожую, на ходу пнув пару, брошенных на полу, пустых бутылок. Впрочем, это было лишь ничтожным элементом того беспорядка что творился вокруг.

Ну, твою же мать! Кажется, он вновь крушил мебель в пьяном угаре. Такое с ним бывало не часто. В основном, он просто напивался до такой степени, что падал там, где его колени подогнуть. Или отправлялся в местный бар, и, усевшись за дальний столик, весь вечер и полночи глушил выпивку, жалея себя и ненавидя всех вокруг. Но бывали дни, когда он становился неуправляемым. Тогда местные старались держаться от него подальше. И не, потому что он представлял для них опасность. Просто все знали, что ему надо выпустить пар. И просыпаясь по утрам в комнате, где вся мебель была перевернута, Ян уже не удивлялся.

Открыв перед псиной дверь, Ян пару минут стоял, не двигаясь, наблюдая за тем, как Бродяга мчит в сторону ближайших кустов. Оставив дверь открытой, Ян побрел в душ, на ходу прихватив полупустую бутылку с виски. Ледяные струи должны были освежить его и привести в чувство.

По крайней мере, он надеялся, что будет чувствовать себя чуть лучше чем, если бы его прокрутили в мясорубке.

Включив воду, Ян присел на край ванной и отхлебнул из горлышка обжигающий напиток, раздражая пересохшее горло. Искушение напиться было слишком велико. Хотелось вновь забыться и перестать ощущать себя ничтожеством. В другой день он может и позволил себе подобное, как бывало не редко, но не сегодня. Сегодня он должен быть в более или менее приличном виде. Сегодня приедет его брат, чтобы в очередной раз прочитать ему

лекцию о том, какую не правильную жизнь ведет его старший брат. И что пора вернуться домой, в родной город и их семейный бизнес. Но в первую очередь, брат придет просто убедиться, что он все еще жив. Что Ян не пустил себе пулю в лоб, как пытался уже неоднократно.

Пара часов. Всего пара часов и он вновь сможет напиться. Это было все, что ему нужно. А пока надо было принять душ, побриться. Напялить костюм и в очередной раз убедить брата, что он в порядке и продолжает жить. И плевать, что это жизнь не стоит и дерьма, что он выгребает из конюшни, в которой работает, пытаясь заработать на дешевое пойло, только названием напоминающее виски, что он когда-то пил.

Ян поставил бутылку на пол и стянул футболку, небрежно бросив ту на пол. Джинсы, одетые еще вчера утром, и порядком перепачканные, последовали за футболкой. С трудом преодолевая боль в каждой мышце, мужчина забрался под обжигающе ледяные струи.

Пара часов. Ему надо продержаться еще пару часов

Ни кто не удивился, когда Ян, побритый и одетый в костюм, вошел в двери маленького ресторанчика. Городок был маленьким и за три года, проведенные им среди местных, он успел стать своим, как бы сильно он не противился этому. Выбирая захолустный городок, Ян не подумал о том, что ему вряд ли удастся затеряться среди местных жителей, когда испокон веков тут каждый друг друга знает и приходится то крестным, то братом, то троюродным или двоюродным племянником. По наивности, Ян решил, что посмотрев на его поведение и образ жизни, люди отвернутся от него и оставят в покое, позволив захлебнуться в собственной боли. Но он не думал, что его пьянки подтолкнут местное сообщество кумушек взяться за спасение заблудшей души, и они зададутся целью поставить его на путь истинный. Они даже присели на уши своим мужьям, намереваясь воздействовать на него через мужчин.

Это было бы смешно, если было бы не так печально. Яну не нужны были друзья, не нужна была нормальная жизнь. Он жил так, как заслуживал, не иначе. И не собирался ни чего менять. Вскоре страсти по его социальному возрождению поутихли, и все встало на круги своя. Если не учитывать, что его по прежнему жалели и стремились при случае сделать внушение о том, что такому молодому и привлекательному мужчине не пристало губить себя в расцвете сил.

И так же все прекрасно знали, зачем он пришел в ресторанчик, владелицей которого была, самая упрямая женщина, из всех. Она относилась так же к тем, кто не оставил попыток вернуть его к нормальной жизни. И сейчас, завидев его, со своего места за барной стойкой, она словно корабль, плыла к нему, расправив все паруса. Это была широкой души женщина, с не менее широкой душой, но с железным характером и острым языком. Ее объемные формы колыхались при ходьбе, а красного оттенка волосы, словно маленький костер полыхали над добрым лицом.

Она подошла, и, не смотря на свой небольшой рост, очень шустро и метко шлепнула его по щеке.

— Явился, наконец! — вскричала Полли. — Дрянной мальчишка! Я уж боялась, что тебя съели дикие псы. Ты не показывался в городе две недели. Тебя не видели даже बारे у Ло. Если бы ты не явился сегодня, я бы точно отправилась к шерифу.

— Он здесь? — без предисловий спросил Ян.

— Конечно, здесь, а как же иначе. Уже час дожидается тебя. — не обидевшись на отсутствие приветливости с его стороны, ответила Полли, зная, что сейчас ни чего другого и не чего ждать.

Она знала, что через час сможет вволю поворчать и посетовать, а так же попытаться скормить ему половину меню, но в данный момент лучше оставить его в покое. Но, тем не менее, пока он шел к одной из кабинок, в направлении которой указала Полли, она не упустила возможности воззвать к его совести.

— Вот удивляюсь я, как могут два брата так отличаться друг от друга. — ворчала женщина, семеня за Яном, пытаясь подстроиться под его широкие шаги. — Один такой ладненький, вежливый. А другой просто дикарь. И когда только ты перестанешь дичиться и станешь приветливей. Уверенна, с такой внешностью, будь ты чуть помягче, отбоя бы от девок у тебя не было. Да я и сама, будь на десяток годков помоложе, не отказалась бы прогуляться с тобой.

— Ну, вот видишь, Полли. Тебя мне уже не заполучить, а других мне не надо. — ответил Ян, входя в импровизированную кабинку, где его уже ждал мужчина в темном костюме.

Брат Яна всегда отличался умением стильно одеваться. Весь его внешний вид говорил о роскоши, не переходя в напыщенность. Темные волосы были лишь немного светлее, чем у Яна, а вот глаза имели один оттенок зеленого. Оба высокие и прекрасно сложенные, они отличались характерами настолько, насколько были похожи внешне. Майк всегда был любимчиком родителей, не стремясь к этому ни единого дня. Своей покладистостью и терпимостью к окружающим, Майк получил симпатию и любовь всего их окружения.

Ян же всегда был бунтарем. И не по тому, что хотел насолить родителям или что то доказать. Просто не желая соперничать с братом, да и понимая тщетность этого, он еще с юности решил привлекать их внимание иным способом. И если брат выбирал белое, то Ян выбирал черное. И так во всем. Единственное в чем они всегда были едины, так это в любви и уважении друг к другу. Наверное, по этому, Ян только брату дал знать, где находится и позволил раз в месяц приезжать к нему.

Ян сел напротив Майка, стараясь не обращать внимания на облегчение, промелькнувшее на лице брата. Как понял Ян, Полли уже сообщила, что он не заходил к ней две недели, чем заставила брата волноваться. А если учесть, что и на звонки брата он не отвечал, то его страх был понятен.

— Неужели так трудно ответить на звонок! — без предисловий, и не нужных формальностей начал Майк, всматриваясь в, хоть и побритое, но хранившее отпечаток бурных дней, лицо Яна. — мог бы просто ответить, послав меня к черту, но дать знать, что не валяешься в придорожной канаве! И где вообще твой телефон?

— В придорожной канаве. — сухо ответил Ян.

— Ты намеренно заставляешь нас волноваться?

— Волноваться? А что вас волнует? Что я пушу пулю между глаз? Брось, Майк. Я уже сказал, что не буду пытаться делать это снова. Так что успокойся, брат. Дождусь своей смерти.

— Усердно способствуя ее скорому приходу?

— А вот это уже не твое дело, Майк! — рыкнул Ян, не желая обсуждать свой образ жизни с братом.

Это было табу. Все на что Ян был согласен — это посидеть с Майком в кафе несколько минут. Если все шло более или менее хорошо, то иногда они выпивали по чашке кофе, и Майк рассказывал, как поживают его жена и племянники Яна. И немного о родителях. Но не более.

— Ты по-прежнему пьешь?

— Я же сказал, не твое...

— А чье?! Чье, черт возьми!?! Ты мой брат и я не могу смотреть, как ты горишь свою жизнь! Хорошо, мое мнение тебя не интересует, но пожалей отца и мать!

— Я это и делаю. Я убрался от вас подальше, чтобы вы не видели меня таким. Что еще тебе от меня нужно?

— Чтобы ты вернулся...

— И что дальше, Майк?! Что дальше? Жить так, словно и не было ни чего. Словно не было ее ни когда?

— Нет, Ян. Конечно, нет. Мы все помним твою жену. И ты помни. Но ты должен...

— Я ни кому, ни чего не должен! Теперь уже нет! Я был должен ей! Своей жене. Был

просто обязан! Но оказался не способен уберечь ее. Теперь ее нет, а ты мне говоришь, что я должен жить дальше! Ну, так я и живу, Майк. Живу. А как, вот это уже не твое дело.

— Я понимаю, Ян. И все равно это не правильно. Мне все время кажется, что я занимаю чужое место. Я сижу в кресле, в котором должен сидеть ты. Руководжу фирмой, которой должен руководить ты. Ты мой старший брат, Ян. И ты нужен мне.

— Я у тебя есть, Майк. Но я не вернусь.

— И что же дальше, брат?

— Как и всегда, Майк. Ты уедешь, а я останусь.

— Будешь и дальше выгребать навоз, когда как тебя ждет директорское кресло...

— Мне пора. — отрезал Ян, вставая с обтянутого искусственной кожей стула. — Рад был повидаться.

Ян, не оглядываясь, вышел из кабинки, а брат не пытался его остановить. Он знал, что тот не обернется.

— Мне и правда, пора, Полли. Я все равно не смогу насытиться на месяц вперед, так что перестань суетиться. Лучше дай чего ни будь для Бродяги. Он-то уж точно оценит твои блюда по достоинству.

— Прекрати пытаться обидеть меня, мальчишка. Но ты прав. Этот страшный пес куда покладистей тебя и благодарный. Сейчас соберу ему, что ни будь.

Полли направилась на кухню, где сутились повара, оставив Яна в основном зале, за столиком, заставленным разной едой, наблюдать за слаженной работой официантов. У Полли был уютный ресторанчик, но по атмосфере напоминал маленькое кафе. Теплые оттенки бежевого и красного придавали ему какой-то домашний вид. Все посетители могли смело называться завсегдатаями, и чувствовали себя тут как у себя дома на кухне, зная друг друга в лицо. Даже Ян, прожив здесь всего три года, мог многое рассказать о каждом из посетителей, что сидели сейчас за столиками. Но единственное чего ему хотелось, это скорее убраться отсюда, остаться вновь одному. Или на худой конец в компании лошадей, которых ему предстояло сегодня почистить. Но он послушно дожидался хозяйку ресторана, носившего ее имя. Потому как она была единственной жительницей этого города, которую он не стремился обидеть.

Только ей он позволял читать ему нотации. Именно ей удалось устроить его на работу в конюшню к ее брату. И дом, в котором сейчас жил Ян, он купил у Полли.

Ян просидел еще минут пять, в ожидании Полли, когда услышал шум у выхода. Он обернулся и увидел, как в двери ресторанчика вошла девушка. Но не это заставило Яна сжаться на своем стуле, желая оказаться отсюда за сто километров, и в то же время безотрывно вглядываться в ее лицо.

Яну показалось, что он сходит с ума. И это было поистине сладкое сумасшествие. Он словно вернулся назад в прошлое. Туда где было все иначе. Туда где он смотрел в будущее, думая, что оно встречает его с распростертыми объятиями.

Его жена. Господь всемогущий! Перед его безумным взором стояла его жена! Те же невероятно рыжие волосы, непослушно падающие на лицо. Те же темные раскосые глаза. Такого же небольшого роста и худенькая, она была одета в такую ему привычную одежду. В

длинную свободную юбку и простую блузку. Девушка встряхнула огненной гривой и отвернулась, придерживая для кого то дверь. Солнце засверкало в ее прядях, ослепляя мужчину. И Ян, в полубезумном бреде, вскочил со стула и на негнувшихся ногах пошел к ней. К той, что, как он думал, ушла безвозвратно.

Перед глазами стоял туман, а кровь в ушах ревела, оглушая Яна. Ничтожное расстояние в несколько шагов, от его столика до входа, сейчас казалось Яну непреодолимым. Наконец подойдя, он, не думая ни о чем, схватил девушку за плечи, даже не ощущая, что его руки дрожат. Резко развернув ее к себе лицом, Ян жадно вгляделся, ища знакомые черты. Он готов был признать, что спятил, лишь бы снова увидеть ее.

Отрезвление было болезненным. Таким болезненным, что Ян с трудом сглотнул, проталкивая застрявший ком в горле. Девушка и правда была поразительно похожа на его жену. Но ее глаза, имея тот же оттенок, были более взрослыми, словно в них поселилась вековая усталость, а маленький носик был весь усеян золотыми веснушками, тогда как его Мел всегда прятала лицо от солнца, опасаясь солнечных отметин. И это была не его жена. Ян продолжал сжимать плечи девушки, не обращая внимания на ее попытки освободиться. Он уже видел страх в ее карих глазах, но был не в силах разжать пальцы. Слишком близко было блаженное безумие, и слишком скорым отрезвление.

— Мама.

— Мама, это кто?

— Отпустите маму!

— Уберите от нее руки!

Это было сродни удару. Мама? Ян отпустил девушку так резко, что та пошатнувшись, инстинктивно хотела ухватиться за него, в попытке удержать равновесие. Но Ян отскочил от нее словно от прокаженной. Он смотрел на детей, окруживших девушку, и чувствовал, как его проспиртованное сердце начинает кровоточить. Две девочки, лет четырех, совершенно одинаковые, и невероятно похожие на девушку, смотрели на него, враждебно насупившись и испуганно прижимаясь к ногам матери. Мальчик, почти подросток, встал перед Яном, загородив собой еще одного мальчика, лет шести. У его видения были дети. Дети!

Яна захлестнула волна боли. Эта девушка не могла быть его женой. Не могла, как бы не была на нее похожа. У его бедной Мел не было детей. Не было и уже ни когда не будет. А значит и у него тоже. Никогда.

— Что тут происходит? — прогремел голос Полли.

Ян обвел воспаленными глазами всех собравшихся. Полли, с беспокойством переводившую взгляд с него на перепуганную девушку, окруженную детьми. На детей, предупреждающе выпятивших губы.

Но вновь посмотреть на девушку, так сильно похожую на Мел, Ян не смог. Он выскочил из ресторана как безумный.

Выпить. Ему надо было выпить, иначе он сойдет с ума. Иначе его голова просто взорвется. Виски. Бутылка или две, а может и три. Вот все что ему было нужно, чтобы пережить еще один день

Несколько секунд, Линда не могла пошевелиться. Она стояла и, как безмолвная кукла, смотрела вслед удаляющемуся мужчине, пока ресторанный дверь медленно не закрылась за ним. Она понимала, что должна что-то сказать детям или женщине, что хмурилась, оглядывая ее с ног до головы, сложив руки на необъятной груди, но не могла. словно мышка, парализованная гипнотическим взглядом удава. А потом она услышала тихое:

— Он уфол, мама?

И это привело ее в чувство. Линда быстро обвела детей взглядом и, заметив их тревогу, попыталась взять себя в руки.

Сердце все еще тревожно билось в груди, но на лице Линды была уже веселая улыбка. Только спустя пять дней изнурительного пути, она вряд ли сможет обмануть даже

четырёхлетних близняшек, не говоря о старших мальчиках. И они наверняка больше не поверят в ее "Все будет хорошо", когда после того как она сказала это в последний раз, им пришлось идти пешком три часа под изнурительным солнцем, из-за того что их машина сломалась, о чем возвестила черным дымом из под капота.

Ее ржавая старушка видимо посчитала, что с нее достаточно кочевой жизни хозяйки. Линде было до слез жаль машину. И даже не по тому, что без нее им вряд ли удастся добраться до следующего города, где возможно до сих пор жил ее сводный брат. Надежды, конечно, было мало, а связь с ним была давно потеряна, но это была последняя надежда Линды. А только Господь Бог знал, как ей нужна была эта надежда.

Линда трянула рыжей гривой, чтобы сбросить с себя липкий дух отчаяния, что уже давно подбирался к ней. Но это было бы слишком большой роскошью для нее. Разве имела она право пролить хоть одну слезинку, когда на нее смотрели четыре пары детских глаз.

Стараясь не обращать внимания на неудобство, из-за вцепившихся в ее ноги близняшек, Линда улыбнулась Саймону, самому старшему из детей, но он, как и обычно, не ответил ей тем же, и она в поисках взаимности перевела взгляд на Курта, словно приклеившегося к руке брата.

— Ладно, дети. — как можно беззаботнее сказала девушка. — Поздоровайтесь с миссис... ммм... — Линда посмотрела на женщину, сурово смотревшую на нее.

— Полли Дойл. — отчеканила та, учительским тоном.

— С миссис Дойл. — повторила Линда.

Но ни кто из детей и не думал последовать ее указанию. А Линде стало жутко неудобно в образовавшейся тишине ресторана. Те немногие посетители, что занимали пару столиков и не думали наслаждаться едой. Им, по-видимому, было куда интереснее наблюдать за развернувшейся картиной у входа.

Девушка смущенно опустила голову и наткнулась взглядом на запыленные сандалии и ноги, а еще и полинявшую от частых стирок юбку. Линда так же знала, что и ее легкая блузка выглядит не лучше, и осознавала, как она выглядит. Как они все выглядят. Хотя дети были одеты куда лучше нее. Совсем недавно, они купили Саймону джинсы, а Курту и девочкам новую обувь, и, по крайней мере, их сандалики не были перетянуты

проволокой как ее собственные. Хорошо, что ее юбка чуть длинновата, и почти полностью скрывала ступни.

Но все равно они, пыльные, усталые и растрепанные не совсем подходили к интерьеру

этого маленького ресторанчика.

Снаружи он выглядел куда скромнее. Простое деревянное здание и белая вывеска с черной надписью "У Полли", не давала представления о том, что ждет внутри. Хоть ресторан и не отличался роскошью, но был таким чистеньким, уютным и светлым, что Линда чувствовала себя здесь инородным телом. Но как бы ни хотела она уйти и избавиться от неловкости, она не могла. Прежде всего, ей надо было думать о детях. Они устали и проголодались.

— Простите, миссис Дойл. — Начала вновь Линда. — Дети немного... растеряны. Тот мужчина, он... В общем, мы хотели бы пообедать.

— Это вряд ли. — отчеканила в ответ женщина и шумно дунула на красную челку, падающую на глаза.

Линда опешила от такой категоричности. Она пару раз открыла и закрыла рот, в безнадежной попытке что-то сказать. Но если честно, то от усталости она буквально валилась с ног. И все чего она хотела сейчас это хоть на минуту присесть и выпить хоть глоток воды. И ей было очень нужно накормить детей.

— Но разве это не заведение, куда приходят люди, чтобы поесть. Мы просто что ни будь перекусим и...

— Я ни за что не позволю хоть одному из вас сесть за столик моего ресторана...

— Но...

— Пока вы все, как следует, не умоетесь. И советую поторопиться. Скоро ленч и вам вряд ли посчастливиться отвоевать хоть местечко.

Туалетные комнаты справа.

И пышнотелая хозяйка ресторана довольно проворно, для своих габаритов, поспешила прочь, в направлении двери с надписью "Кухня". Линда смотрела ей в след и не могла сдвинуться с места. Второй раз за последние двадцать минут, Линда впадала в такое состояние. Видимо, две бессонные ночи не прошли для нее даром. Из ступора ее вывел Саймон.

— Ты спятила? У нас нет денег, чтобы тут есть.

— Саймон, не дерзи, пожалуйста. И ты напрасно волнуешься. У нас еще остались деньги, и мы вполне можем пообедать тут. Тем более выбора у нас нет. Идти искать что-то другое мы не можем. Малышки устали и им нужно поесть.

— Мы можем купить что-то простое в магазине. Молока и хлеба, например.

— Снова?! Я не могу кормить их только молоком и хлебом, Саймон. Им нужна и нормальная еда. Суп или что то еще.

— Не хочу фуп. — сказала Сара, наконец-то отрываясь от ее ног.

— Говори- ф-у-у-п! А не фуп! Да мама? — подала голос и Дора, как обычно поправляя сестру, коверкая слова точно так же.

— Да, детка.

— Все равно не хочу. Сама говори свой фуп. Хочу писать, мама.

— Ох! Пойдемте со мной. Надо поспешить. — засуетилась Линда, взяв девочек за ручки. — Саймон, пожалуйста, давай не будем сейчас спорить. Помоги брату умыться. Хорошо? — примирительно попросила Линда.

— Можно подумать у меня есть выбор. — пробормотал Саймон и повел Курта в мужской туалет.

Линда последовала его примеру и повела девочек в соседнюю туалетную комнату.

Войдя, Линда несколько секунд наслаждалась прохладой помещения.

— Хочу писать, мама. — жалобно проговорила Сара, в то время как более расторопная Дора, уже, сосредоточенно нахмутив лобик, пыталась снять штанишки.

Линда за несколько минут помогла девочкам и вымыла их ручки и лицо, душистым мылом, которое стояло возле умывальников. Потом выкроила пару свободных минут, чтобы привести в порядок себя, пока девочки развлекались, испытывая на прочность сушилку для рук, подставляя и отстраняя от потока воздуха ручки.

Девушка посмотрела на себя в зеркало, и едва удержалась, чтобы не застонать. Она была похожа на бродяжку. А с другой стороны, она и являлась ей по сути. Иначе, чем бродяжничеством, их кочевую жизнь не назовешь. И если месяц назад, у них был хотя бы дом на колесах, то теперь и этого даже нет. Развалюшка стояла теперь брошенная на обочине дороги, которую так и не смогла преодолеть.

Линда открыла воду и погрузила руки в прохладную воду, стараясь отвлечь себя, умыванием. Она вымыла лицо и руки, а затем постаралась пригладить непослушные рыжие лохмы. Вот только полинялую юбку и блузку не преобразишь с помощью воды.

Линда посмотрела на себя в зеркало и только теперь обратила внимание, что на руках, в тех местах, за которые ее держал незнакомец, стали проступать следы пальцев. А это значило, что завтра там будут синяки.

Вспомнив, горящий взгляд, зеленых глаз незнакомца, Линда ощутила дрожь. Он не на шутку испугал ее, схватив так неожиданно. А от его взгляда ей захотелось спрятаться куда-нибудь подальше. Он смотрел на нее так, словно от того что он видит, зависит его жизнь. А потом все изменилось. Ни когда она не видела такого, и вряд ли увидит еще. Как за одну секунду, полные надежды глаза, становятся мертвыми. И перед тобой все те же цвет и форма, но содержания как будто нет.

Линда поежилась и по привычке тряхнула волосами. Затем быстро, не давая себе больше времени на упаднические мысли, собрала пряди в узел.

— Девочки, милые, пойдете. Саймон и Курт уже, наверное, нас заждались. — позвала Линда дочерей, прерывая их веселое щебетание.

Линда была рада небольшой передышке. Она пообещала себе, что сполна насладиться обедом, а потом подумает и решит, как быть дальше. Она что ни будь придумает. Обязательно придумает. Как всегда.

— Ты так и будешь делать вид, что все хорошо? И наши скитания это веселенькое приключение?

Слова Саймона застали Линду врасплох. Конечно, она уже привыкла к его пессимистичным высказываниям, но сейчас, когда она, покормив девочек, и проследив, чтобы и Курт съел все до последней крошки, с наслаждением пила свой чай, позволив себе на секунду расслабиться, не ждала нападения. Еще и по тому, что не знала чем ответить на этот выпад. Она могла сочинить красивую историю, про новые земли и ожидающее их светлое будущее, и провести малышей, но не Саймона. Он знал, что они бегут в никуда. Но Линда, не хотела бы говорить об этом при младших детях.

Не найдя лучшего решения, Линда с укором посмотрела на Саймона.

— Какие такие скитания, Саймон. Ты же знаешь, мы едем к моему брату. Я уже рассказывала, какой у него большой дом. Нам там обязательно понравится. Вот увидишь.

И не решаясь посмотреть Саймону в глаза, Линда обхватила холодный бокал с чаем, рассматривая кубики льда на дне. Но подросток не позволил ей уйти от разговора.

— Если он не вышвырнет нас оттуда. — услышала Линда. — Что-то сомневаюсь, что он будет рад своей блудной сестричке с выводком детей.

— Саймон! Я не позволю тебе так разговаривать со мной! — воскликнула Линда, в тщетной попытке произвести на Саймона впечатление взрослого опекуна.

Только вот этого сложно, когда тебе самой от силы двадцать семь, а перед тобой пятнадцатилетний юноша.

— Да? И что ты сделаешь? Оставишь меня без ужина? — насмешливо прокомментировал он в ответ, приподнимая одну бровь. — Сомневаюсь. Пока что это только себя ты моришь голодом.

Это был удар ниже пояса. Девушка так надеялась, что он не обратит внимания на это. Но, видимо напрасно. Тем более Саймон всегда был внимателен к ней. От его взгляда ни разу не ускользал ни один синяк или царапина. И он не упускал случая обратить на это внимания, не смотря на то, что прекрасно понимал, как отчаянно она пытается скрыть их.

А теперь, именно когда она так нуждается в поддержке, и надежде, он не упускал случая напомнить ей, в какой отчаянной ситуации они находятся. И как могла она предположить, что он оставит без внимание тот факт, что она мало ест. Но Линда не собиралась признавать истинную причину отказа от еды, поэтому сделала вид, что ничего особенного в этом нет.

— Это не так. — как можно беззаботнее произнесла девушка, поправив прядь волос, упавшую на лицо. — Ты знаешь, я немного расслабилась и набрала пару лишних килограммов. Не мешало бы немного похудеть.

— Ну да, конечно. — фыркнул Саймон. — Кому ты морочишь голову! Если ты сбросишь еще пару килограммов, то не сможешь добраться даже до выхода из ресторана, не говоря уже о каком то мифическом брате.

— И не какой он не мифический. Как только мы доберемся туда, тебе станет стыдно за то, что сомневался во мне. — пытаясь перевести тему, возразила Линда.

— Ты не ешь, потому что у нас нет денег?

— Саймон!

— Я прав? Так? — настаивал он.

— Саймон!

— Зачем ты потащила меня и Курта с собой? Ты могла уехать с Дорой и Сарой. Так было бы проще.

— Не говори так, Саймон. Ты знаешь, что я не могла уехать без вас. Вы моя семья. Девочки, и Курт. И ты тоже Саймон. Особенно, ты. И если бы я оставила вас, мне вовсе не было бы проще.

— Ты должна была уехать без нас. Ты просто глупая, если не понимаешь это. Когда он вернется и не найдет нас, думаешь он просто уляжется спать?

— Саймон, пожалуйста, давай не при детях.

— Да мне все равно! Ненавижу все это. — хлопнул ладонью по столу Саймон и быстро поднявшись, направился к выходу.

— Подожди! Куда ты?

Линда, не обращая внимания на то, что некоторые посетители с интересом наблюдают за ними, еще несколько раз позвала Саймона, но он уже скрылся за дверью. Девушка посмотрела на детей, с беспокойством смотревших на нее.

— Курт, милый, присмотри за сестрами. Я вернусь через минуту. — попросила Линда мальчика, не ожидая ответа, зная, что Курт не ответит.

Когда девушка выбежала на улицу, Саймона уже не было видно. Усталость, накопившаяся за долгие дни, разом легла на плечи и Линда под ее тяжестью согнулась пополам. Слезы, потекли по щекам, и она была не в силах их остановить.

— Саймон. — всхлипнула она, продолжая искать подростка глазами. — Вернись. Пожалуйста, вернись.

Как же ей хотелось просто упасть в пожелтевшую пыль под ногами, и завывать от отчаяния. Все напрасно. Все это было бесполезным. У нее ничего не получится. Не получится дать детям больше, чем у них было до этого. Она не в состоянии даже просто прокормить их. У нее осталось денег только на то, чтобы купить билеты на автобус, следующий до города, где живет ее брат. А что если Саймон прав. Что если брат не захочет помочь ей, или он просто уже там не живет. Куда она пойдет с детьми и без гроша в кармане. Даже на то чтобы найти работу, требуется время. Да и жить им негде.

Возвращаясь в ресторан, Линда с трудом натянула улыбку. Девочки сразу же наперебой затараторили, жалуясь друг на дружку. Курт же смотрел на нее серьезными глазами, в точности такими же, как и у Саймона. И их глубокая синева так напоминала ей тяжелый взгляд их отца. Того, кто не оставил ей выбора, заставляя бежать, сжигая за собой мосты.

Ян устало стянул платок с головы и вытер им пот с лица. Затем сунул влажную ткань в задний карман джинсов. Ему нравилось, что работа выматывает его, не оставляя ни времени ни сил, чтобы о чем то думать. Он знал, что когда вернется вечером домой, то выпив пару стаканов виски, просто отключится, до следующего утра. И проснувшись, вновь пожалеет, что оно наступило.

Ян достал пачку сигарет и, вытряхнув одну, зажал ее между зубами, но не торопился ее поджигать. Он находил удовольствие уже в том, что ощущает привкус хорошего табака во

рту, а хорошие сигареты были единственным, что он сохранил из прошлой жизни. А еще ему нравилось смотреть на раскинувшиеся поля с загонами для лошадей, раскинувшимися на несколько акров земли.

Работая здесь, Ян мог по несколько часов избегать общения с людьми или сводить его к минимуму. Просто зарабатывать на жизнь столько, чтобы хватало на кое какую еду и выпивку. Он не смотрел в завтра и даже не думал об этом, потому что знал, что его завтра будет таким же никчемным и ненужным ему, как и сегодня.

Ян, присел на траву, облокотившись спиной о дерево, намереваясь использовать свой перерыв, чтобы немного вздремнуть. Голова все еще болела после вчерашних возлияний, да и встречи с братом, не проходили бесследно.

А потом он вспомнил девушку, так похожую на его жену. Вернее он вспомнил, как увидев ее, вспомнил образ той, которой уже нет. И засыпая, не мог разобрать, кого видит отчетливее, Мел, в милом платьице и шляпке, с любовью улыбающуюся ему, или испуганную незнакомку, с растрепавшимися кудрями, испуганно смотрящую на него.

— Эй, мистер!

Ян приоткрыл глаза и увидел перед собой подростка, с вызовом смотрящего на него сверху вниз. Его вид показался Яну знакомым, но он не удивился, он мог не один раз видеть его в городе.

— Чего тебе? — как можно агрессивнее поинтересовался Ян, намереваясь побыстрее избавиться от нежеланного общества мальчишки.

— Я хочу найти работу. Ведь на этом ранчо требуются работники? У кого мне спросить об этом.

— Уж точно не у меня, парень. Так что отправляйся куда шел.

Ян увидел как парнишка, нервно засунув руки в карманы изрядно поношенных штанов, воинственно задрал подбородок.

— Откуда вы знаете Линду?-

Ян непонимающе выгнул бровь. Линду? Он не знал ни какой Линды. Даже в баре, куда он порой заходил, кажется, не работало ни одной девушки с таким именем. Довольно необычным, для этой местности.

— Какую Линду, парень? Шел бы ты отсюда, побыстрее.

— Почему вы накинулись на нее? Что вам от нее нужно? — продолжал парень, видимо не осознавая, что не стоит дерзить незнакомцу.

Ян уже хотел послать мальчишку к черту, когда до него дошло о ком он говорит.

Перед глазами вновь всплыл образ рыжеволосой девушки. Линда. Ян вслух, словно пробуя на вкус, произнес это имя и ему понравилось, как оно играет на языке. Он постарался вспомнить лицо этой девушки более отчетливо, но вместо этого вспомнил лицо жены. А воспоминание о ней всегда делало его уязвимым. Сейчас было не время и не время для этого. Вот когда он придет домой, и сделает первый плоток спиртного, тогда он сможет отдаться этому чувству сполна. Но не сейчас.

Ян быстро встал, отряхнул джинсы.

— Пошли, парень. Отведу тебя куда надо. Но не обещаю, что тебя возьмут. Слишком ты молод.

— Возьмут. — уверенно заявил парнишка, следуя за Яном. — Должны взять.

Работа у Яна была изматывающей. К концу дня все мышцы и члены болели так, что в самую пору было завить. Но для него эта боль была сладкой. Своей интенсивностью она хоть немного перекрывала ту удушливую пустоту, что давно угнездилась за грудиной. И каждый день он старался измотаться так, чтобы еле доползти до кровати. Да и работая с животными, не было необходимости притворяться, или через силу изображать приветливость. На конюшне он мог просто работать мускулами, а большего от него и не требовалось. Но сегодняшней день не задался с самого утра, так с чего он взял, что его вторая половина сложится иначе.

Да, иногда работы было слишком много, но он ведь не жаловался. На кой черт, спрашивается, ему дали в помощники надоедливого мальчишку. Он и свое собственное общество переваривает с трудом, так что говорить о болтливом подростке. Хотя, с болтливым он явно перегнул палку. Особой болтливостью парень не отличался, да и вообще был довольно угрюм. Он молча выполнял ту работу, которую ему поручал Ян, довольствуясь односложными указаниями, а тот в свою очередь не более многословно давал понять то работа выполнена. И все равно Яну эта ситуация не нравилось. Он хотел быть один, он уже привык быть один, и не желал это менять. А если учесть, что на конюшнях он проводит большую часть дня, то и мальчишку ему придется терпеть весь день.

К тому же его бесило, что он не оправдал его ожиданий. Точнее выразиться, что он оказался гораздо выносливее, чем Ян ожидал. Он намеренно завалил его работой, чтобы напрочь отбить всю охоту оставаться тут. Но паренек упорно исполнял все, что Ян ему поручал, чем злил его еще больше.

Ян задал корм двум гнедым и выпрямился, отбросив опустевший мешок. Обернулся на трудившегося подростка, отметив с каким трудом тот тащит ведро с водой. Черт! Ян почувствовал нечто, похожее на чувство вины. Парень был явно не из тех подростков, которые играют в футбольной команде или хотя бы ходит в спортивную секцию. Саймон был худощавым, может даже слишком для своего роста. Но довольно вынослив, Ян это уже понял. А еще очень настороженным. Стоило Яну подойти со спины, или слишком тихо, парнишка нервно вскидывался, и, кажется, даже задерживал дыхание на миг. А его сжатые кулаки явно свидетельствовали о том, что он приготовился защищаться. Конечно, у него не было оснований доверять Яну, но такая реакция показалась ему все равно странной. Но мужчина не позволил себе задумываться над этим. Его рабочий день закончен и единственное что он желал, так это вернуться домой и сделать большой глоток виски. И он был чертовски рад, что кроме облезлого пса, его там ни кто не ждет.

— Эй! Парень! Закругляемся! — крикнул он, сделав характерный жест, покрутив пальцами над головой. — Пора по домам.

Какое то странное выражение промелькнуло на лице подростка. Он как то озабоченно посмотрел на узкую тропу, что вела к главным постройкам и к дому их работодателя, а оттуда и в город. Но потом его лицо снова приобрело угрюмое выражение и он, поставив ведро в сарай, запер его на засов.

Потом подошел к Яну.

— Деньги за сегодняшний день получишь завтра. А на сегодня свободен. Завтра в девять. — сказал Ян и, не задерживаясь, направился к тропе.

— Завтра? Почему завтра? Я думал, мне заплатят сразу. Мне сказали, что у меня почасовая оплата.

Ян обернулся, явно не радуясь проволочке. Но растерянный и одновременно сердитый вид парня, остудил его пыл.

— Это так, парень. Но тут так принято. Это как гарантия того, что ты вернешься и завтра. Так что, иди домой, хорошо поешь и выспишься. Завтра день будет не легче сегодняшнего...

— Но мне нужны деньги сегодня. — упрямо заявил Саймон. — Сегодня, понимаете.

— Прекрасно понимаю, но ни чем не могу помочь. Придешь завтра, парень.

Но парень казался совсем выбитым из колеи. Он яростно сверлил глазами Яна, словно это он не хотел отдать ему его деньги.

— Что!?! — бросил Ян. — Не я устанавливаю правила, и уж тем более не плачу зарплату. Так что ты можешь торчать тут до седьмого пришествия, толку от того мало. Лучше иди домой и отдохни.

— Да катитесь вы к черту! — вдруг крикнул парень, и, пнув, несуществующее препятствие, побежал в противоположную сторону.

Ян опешил не столько от дерзости мальчишки, сколько от силы разочарования и отчаяния, промелькнувших на его лице. Ян, сам не зная, зачем делает это, и что заставило его, побежал за ним.

— Стой! А ну ка остановись! — но Саймон не обращал внимания на его крики. Тогда Ян остановился и гаркнул: - Стоять!!!

Парень замер и обернулся. Он весь подобрался, словно для прыжка и расставил ноги пошире, явно для того чтобы увереннее стоять на земле.

Ян подошел вплотную к нему и достал бумажник. У него и самого там было не густо, но он вытащил от туда несколько бумажек и протянул их Саймону. Но мальчишка не шелохнулся, тогда Ян засунул деньги в карман джинсов, желая поскорее разделаться с этим.

— Вот, возьми. Завтра отдашь, когда получишь свой заработок. И советую больше не дерзить, а то не удержишься тут долго. Понял? Мне плевать, но судя по всему, тебе эта работа нужна. Так что побереги свой нрав для мамочки, сопляк.

Ян больше не желал смотреть в потрясенные глаза Саймона, и зашагал прочь. Чертово утро закончилось не менее поганим вечером. Сегодня ему понадобится больше чем пара глотков.

Малышки уснули, измотанные долгим днем, положив свои рыжие головки на колени матери. Линда перебирала их огненные кудряшки, время от времени поглядывая на Курта, неподвижно сидевшего на краю скамейки, так как девочки заняли большую ее часть. Мальчик безотрывно смотрел на дорогу, и Линда прекрасно знала, кого он ждет.

Вечер давно приглушил все краски, но пока не стерев их совсем. Небо, еще недавно полыхавшее закатом, стало тускнеть, прогоняя этот день туда, откуда возврата нет. А Саймона не было до сих пор. Сердце Линды уже в который раз сжалось от беспокойства. Если с ним что-то случится, она сойдет с ума.

Как то так вышло, что из всех своих детей, а они были ее детьми, сильнее всех она любила Саймона. Или вернее сказать, любила она всех одинаково, но за Саймона болела ее душа. Когда она впервые вошла в их дом, Курт был еще совсем крохой, и у Линды было много времени впереди чтобы подарить ему столько любви и заботы, сколько будет в ее силах. А вот детство Саймона уже не вернуть. И тогда, в их первую встречу, десятилетний мальчик, поразил ее взглядом взрослых глаз. Он умелыми движениями стирал перепачканные штанишки Курта, пока тот, весь измазанный, ел что-то похожее на кашу. Когда она вошла, он выпрямился над тазиком, и с вызовом глянул на нее. Он был такой взъерошенный и худенький, что желание его как следует откормить угнездилося в сознании Линды. Она полюбила этих мальчишек с первого взгляда. И это лучше любых обещаний убедило дать их отцу шанс.

Откуда ей было знать, в какой кошмар обернется ее жизнь.

Прогнав не прошенные воспоминания, Линда протянула руку и обхватила напряженные пальчики Курта. Он посмотрел на нее огромными синими глазами и она, поднеся его ручонку к губам и поцеловав, ласково сказала:

— Не волнуйся, Курт. Саймон скоро вернется. Он знает, что мы ни куда не уедем без него, а значит, он вернется. — Линда и сама не знала, откуда взяла уверенности сказать это так, чтобы ее голос не дрожал. — А мы подождем. Мы и с места не сдвинемся, пока он не вернется. Я точно знаю, что он скоро придет. Ты и сам знаешь, дорогой, что он ни за что на свете не оставит тебя.

От облегчения и радости, осветившей глаза мальчика, Линда едва не заплакала. Курт же ободренный ее словами, подобрался к ней поближе, задев коленкой Сару, но та лишь перевернулась на другой бок и снова засопела. Курт же уткнулся носом в плечо Линды, обхватив ее шею ручонками. Девушка погладила его по темным волосам, перебирая их пальцами.

— Я люблю тебя, Курт. Очень люблю. — сказала она и почувствовала, как мальчик крепче прижался к ней, что явно означало, что он отвечает ей взаимностью. — Может, поспишь немного? Мы попросим Сару немного подвинуться, уверена, она не будет против. — мальчик покачал головой. — Нет? Ну, хорошо. Тогда поболтаем, ладно? Хочешь, расскажу тебе какую-нибудь историю? — радостный взгляд ребенка ответил за него. — Тогда слушай...

— И долго вы будете торчать тут?

От неожиданности Линда вздрогнула и напряглась, готовая защищать детей. Линда сразу узнала владелицу ресторана, миссис Полли Дойл, но это ее не успокоило. Ее строгий

вид и руки, упертые в бока, не сулили ни чего хорошего. Линда не понаслышке знала, что когда человек сердит он может причинить боль. Девушка положила руки на дочерей и тихо позвала их по именам. Те тут же открыли глазенки, почувствовав тревогу матери, и привычно подскочив на коленки, прижались к ее бокам. Курт пробрался ей за спину.

Кажется, женщина была ошеломлена их реакцией, потому что сердитое выражения лица стремительно изменилось на изумленное. Потом она вновь нахмурилась, но ее сочувственный взгляд, словно лезвием, полоснул по распатанным нервам Линды. Девушка отвела взгляд.

— Простите. — как можно спокойнее произнесла Линда, но ее голос выдавал ее с головой. — Мы, конечно же, уйдем. Только подождем кое-кого и уйдем.

— Что-то, этот кое-кто, не сильно торопится. И тебе не кажется, что заставлять весь день детей торчать на этой скамейке не совсем правильно. — категорично заявила женщина, кивнув на жавшихся к Линде детей.

— Я согласна, конечно. Но мы не собираемся и дальше тут сидеть. Как только мой старший сын придет, мы...

— При всем желании тот паренек не может быть вашим сыном.

— Он мой сын. — почти по слогам повторила Линда, чувствуя, как паника овладевает ей.

Женщина каким-то странным взглядом окинула Линду и детей, а потом в течение минуты смотрела в глаза девушки, словно пытаясь что-то рассмотреть в них.

— Ладно. — сказала она, наконец. — Пошлите со мной. Сил уже нет смотреть, как вы тут расслаиваетесь.

— Нет! — вырвалось у Линды прежде, чем она смогла подавить страх, так отчетливо прозвеневший в голосе. — Я не могу... Если вы хотите, мы уйдем прямо сейчас...

— Вы пойдете со мной. — твердо заявила хозяйка ресторана. — И это больше не обсуждается.

Линда словно в поисках спасения стала осматриваться, но на улице кроме них ни кого не было. Но с другой стороны это и к лучшему. Ни к чему, чтобы кто-то еще стал свидетелем ее отчаянного положения.

— Вы не сможете меня заставить.

— Я нет. А вот шериф может.

— Но при чем тут шериф!? Мы ни чего не сделали. Все документы у нас в порядке. Я являюсь официальным опекуном детей. Мы не нарушаем закон, просто сидим на этой дурацкой скамейке. Если это такая проблема, то мы уйдем прямо сейчас.

— Вы можете катиться куда хотите, но дети сегодня останутся у меня.

— Я и с места не сдвинусь без детей.

— Вот и отлично. Значит, следуй за мной. А если и дальше будешь упрямитесь, то я выполню свою угрозу и позвоню шерифу, и тогда он задержит тебя за бродяжничество. А так как он мой давний друг, то уверяю, мои слова против твоих... Да к тому же он и сам отец троих детей, а по тому, пока он будет устанавливать твою личность и тому подобное, из сочувствия к малышам он оставит их у меня. Так или иначе, все выйдет по-моему. Но если у тебя есть хоть капля мозгов, то возьмишь малышей и отправишься со мной. Вы переночуете, а утром можешь отправляться на все четыре стороны. Ну, так что?

Линда не могла вымолвить ни слова. Она потрясенно смотрела на женщину с красными волосами и не знала что ответить. С одной стороны было так заманчиво пойти с ней и

устроить детей на ночлег, но Линда так давно разучилась доверять людям, что не помнила, как это делается. Откуда она могла знать, что на уме у этой женщины. Может она и в самом деле позвонит шерифу. И хотя Линда не солгала на счет документов, но факт остается фактом. Она одна с детьми, в чужом городе, без жилья, денег и работы.

— Так и будешь сверлить меня глазами? — сурово спросила хозяйка ресторана. — Хочу заметить, я не просиживаю весь день на одном месте, и хотела бы скорее лечь спать, так что будь добра, решай скорее. Хотя, что тут решать. Ты же не хочешь, чтобы тобой заинтересовались социальные службы, так что бери пострелят и за мной.

— Но я, правда, не могу уйти. Саймон вернется...

— И ты увидишь его из окна. Комната находится на втором этаже и окнами выходит на эту сторону. Смотри.

Линда подняла глаза в указанном направлении. На втором этаже ресторана было четыре больших окна, в двух из которых горел свет. И эти два окна своим таким призывным домашним видом вызвали острую зависть.

Разве это так много, желать, чтобы у тебя был дом. Пусть маленький, тесный, но дом. Где она и ее дети смогли бы чувствовать себя в безопасности.

И она сдалась. Устало вздохнув, Линда кивнула.

— Мама! Смотри! Саймон!

— Саймон, мама. Саймон. — закричали малышки, показывая пальчиками в направлении приближающегося подростка.

Линда посмотрела и увидела его, идущего к ним, опустив голову. Но услышал, непрекращающийся, гомон девочек и вскинул голову. Его лицо, секунду назад показавшееся Линде усталым, вмиг преобразилось. Он улыбнулся сестрам так радостно, что они соскочили с ее колен, и понеслись навстречу брату. А он присел на корточки, раскинув руки.

— Притормозите, неугомонные. Вы уроните меня! — воскликнул он, но умело подхватил их, как только они со всего разбега врезались в него.

А уже в следующую секунду прижимал к себе и подоспевшего следом Курта.

Линда от облегчения не могла даже подняться со скамейки. Она прижала дрожащий кулачок к губам, пытаясь подавить рыдания. Ей не нравилось, что она готова разревется каждую минуту, но в последнее время ей все время хотелось расплакаться. Конечно, у нее было много поводов для слез, и все же она давно научилась подавлять данный порыв.

Пару минут порезвившись с ребятней, Саймон наконец-то нашел ее глазами, и от его улыбки не осталось и следа. Несколько секунд он смотрел на нее, а потом, встав с колен и взяв за руки Дору и Сару, направился к ней. Он подошел, встал перед Линдой, но так и не произнес ни слова.

А Линда, даже не замечала, как дрожат ее руки, пока не вскочила со скамейки и не обхватила Саймона за плечи.

— Саймон... Саймон... Саймон... — шептала она, пока как сумасшедшая ощупывала его лицо, плечи, грудь.

Удостоверившись, что он цел и не вредим, она довольно больно ударила его по плечу, кулачком.

— Где ты был? Где ты был, Саймон?! Ты хоть представляешь, что я пережила за эти часы. Ты хоть...

Линда не смогла закончить. Слезы все же потекли по щекам, а горло сдавило спазмом. Она порывисто обняла подростка, пока он продолжал смирно стоять и держать за руки

сестер.

— Ни когда, слышишь, никогда больше так не делай! — выпрямившись, произнесла Линда, инстинктивно протянув руку Курту.

— Прости. — продолжая смотреть ей в глаза, сказал Саймон.

— Главное, больше не поступай так Саймон. Пожалуйста. Ты же знаешь, как важно держаться вместе. Но теперь все хорошо. Ты вернулся, это главное. Остальное мы решим завтра.

— Ну что же... — подала голос Полли Дойл. — Раз блудный сын вернулся, полагаю, теперь-то мы можем пойти в дом.

Линда смущенно посмотрела на женщину. Она совсем забыла о ней, как только увидела Саймона. Она и не представляла, как боится, что тот не вернется, пока не увидела его. И все остальное просто вылетело из ее головы. А хозяйка ресторана, оказывается все это время стояла здесь и наблюдала эту сцену. Линде стало стыдно. Она вела себя как девчонка, а не как взрослый человек, мать четверых детей. Но судя по виду женщины, та не осуждала ее. От чего-то ее суровый взгляд смягчился, а глаза подозрительно поблескивали в вечернем свете.

— Извините нас. Теперь все хорошо и нет необходимости...

— Как твое имя? — неожиданно поинтересовалась миссис Дойл.

— Линда.

— Так вот Линда, думаю на сегодня драм достаточно. Ступайте за мной. И ни слова. — отчеканила она и направилась к черному входу в ресторан.

Линда, вымотанная и физически и эмоционально, кивнула детям, давая понять, чтобы они выполняли указание.

Подхватив небольшую дорожную сумку, Линда пошла следом. Сил на споры больше не было.

Линда осторожно прикрыла за собой дверь черного входа, не слышно ступая босыми ногами по прогревшемуся за день деревянному настилу. С наслаждением вдохнула свежий ночной воздух, наполняя легкие ароматами земли и травы.

Постояв так несколько минут, подошла и села на ту же скамейку, на которой она просидела столько времени в ожидании Саймона.

Линда по-детски подтянула колени к груди и обхватила их руками, поставив ступни на край скамейки.

Несмотря на тяжелый день, девушке ни как не удавалось уснуть.

Она улыбнулась, вспомнив, с каким комфортом сегодня устроены дети, и даже сожаление о том, что завтра этого уже может не быть, не могло испортить удовольствие, с которым она любовалась на спящих детей. Сытый ужин и теплые постели вмиг сделали свое дело, буквально свалив их в царство Морфея.

А Линда так и не смогла сомкнуть глаз. С одной стороны ей хотелось отдохнуть, и дать телу необходимую передышку, но стоило ей закрыть глаза, и разум не позволял ей провалиться в сон. Перед глазами стояли лица ее детей, которых она была просто обязана беречь и защищать. Но хватит ли у нее сил, чтобы дать им то, что должна дать любая мать.

Она не была в этом уверена. Но она не жалела о том, что увезла детей, как только представилась такая возможность. Разве у нее был выбор? Что бы ни случилось теперь, это все равно лучше того, что бы их ждало дома, когда бы вернулся Райли. Сегодня, был как раз тот день, когда заканчивался срок, на который его посадили. И Линда понимала, что он вернется очень злой на нее, а если еще обнаружит отсутствие детей... Линда вздрогнула от пробежавшего по позвоночнику холода. Она прекрасно понимала, что, по сути, ему плевать на детей, но тот факт, что она их увезла, просто взбесит его. Ведь Райли очень постарался, чтобы у нее не было возможности даже добраться до соседнего района, не говоря уже о другом штате. Ее звонок в полицию стал шоком для него, и единственной возможностью сбежать для Линды.

И она не вернется назад. Никогда. Как бы не было трудно, это все равно будет лучше чем то, что они оставили. Линда закрыла глаза, успокоенная тишиной и чуть прохладным воздухом. Нужно было вернуться к детям и хоть немного поспать, но девушка откинулась на спинку скамьи, решив посидеть еще немного.

И пожалела об этом уже через несколько минут.

Она услышала шаркающие шаги и прислушалась. А потом, поняв, что ей не показалось, открыла глаза и огляделась. Линда быстро поднялась со скамейки, когда поняла, что мужчина, не твердой походкой направляется в ее сторону. Может он и не шел к ресторану, но проходя мимо обязательно ее заметит, а Линда меньше всего хотела столкнуться с незнакомым мужчиной ночью, тем более наедине. Она уже хотела уйти, когда узнала его. Узнала широкий разворот его плеч, высокий рост, и чуть длинноватые волосы. Но если сегодня утром он был причесан, и одет в приличный костюм, то сейчас его вид разительно отличался. На нем были затертые до дыр джинсы, помятая рубашка, которая лишь на половину была заправлена, а его волосы изрядно растрепанные, падали на лицо. И он был пьян. Так пьян, что иногда был вынужден останавливаться и восстанавливать равновесие, чтобы потом идти дальше, шатаясь и покачиваясь из стороны в сторону.

Когда Линда поняла, что мужчина уже слишком близко и хотела ускользнуть, он поднял взгляд и замер, ухватившись за столбик крыльца, что вел в ресторан.

И когда его глаза наконец-то сфокусировались на ней, Линда заметила промелькнувшее в них недоумение. Он стоял и ошеломленно смотрел на нее, словно увидел призрак.

Когда он шагнул к ней, Линда отступила, а ее сердце пропустило удар. Она чувствовала, как паника стремительно охватывает ее. Он был безумцем. Об этом говорили его глаза, смотревшие на нее и в тоже время, словно сквозь нее. Его медленные движения, более свойственные лунатикам. Линда отступала и отступала, в то время как мужчина приближался все ближе, пока не поняла, что уперлась в стену. Ей стало трудно дышать, сердце колотилось о ребра, руки задрожали. Незнакомец приблизился и остановился так близко, почти касаясь ее тела. Он был так высок, и такой огромный, что Линда чувствовала себя крошечной, стоя прижатой к стене. От страха она не могла даже посмотреть в его лицо и отвернулась, готовясь к худшему.

Она помнила силу его рук, когда он схватил ее в ресторане. Она помнила его безумный взгляд, и представляла, как легко он может причинить ей вред. Страх почти парализовал ее, и Линда не могла пошевелиться.

Но то, что в следующую секунду сделал незнакомец, напугало ее еще больше. Он склонился к ее лицу, обжигая кожу горячим дыханием, и девушка почувствовала запах спиртного.

— Посмотри на меня. — заплетающимся языком попросил он, и от боли в его голосе, Линда опешила. — Пожалуйста, посмотри на меня. Хочу убедиться...

Линда, сама не осознавая, резко вскинула голову и наткнулась на его обжигающий взгляд. У нее перехватило дыхание, но уже не от страха. Она словно замороженная наблюдала за незнакомцем, в то время как он пристально изучал ее лицо, в неверном свете фонарей.

— Ты... Кто ты? — спросил он, протянув руку к ее лицу.

Линда инстинктивно дернулась, желая отступить, но стена не позволила ей и его горячие пальцы коснулись ее щеки. Он провел ими вниз к шее, и от этого по телу Линды поползли мурашки. Но не успела она опомниться, как мужчина уже запустил руку в ее волосы, и провел по ним словно гребнем. Линда уже не понимала от страха ли дрожат ее руки, но крепче сцепила их. Она не понимала что происходит, что этому мужчине нужно от нее, но продолжала стоять и смотреть на него, боясь пошевелиться. Он был так близко, что она смогла рассмотреть мелкие морщинки в уголках его глаз, темные ресницы, жесткую, даже на вид щетину. Только теперь, Линда смогла осознать, что в его глазах нет злости. Нет. Только какая-то тоска и усталость, такая явная, такая не прикрытая.

— Я... — начала девушка, но он не дал ей ответить, хоть и задал вопрос.

Он накрыл ее рот ладонью и зажмурился.

— Нет. Молчи. Молчи. Хочу хоть на минуту... на минуту представить... — бормотал он, а Линда не могла оторвать взгляд от его губ.

Только она не ожидала того, что произошло в следующую секунду. Распахнув глаза, мужчина резко схватил ее за затылок, а другой рукой обхватил за талию и прижал к себе. Линда вскрикнула, а уже в следующую секунду ее губы оказались в плену губ незнакомца.

Это было больно. Ян давно привык к этой боли, только сейчас она накрыла его словно саван. Ян был пьян, а не безумен. Он понимал, что сейчас целует чужую. Но он желал обмануться. Хоть на мгновение. Только сейчас. А потом он будет презирать себя, как и прежде, надеясь, что похмелье его добьет. Но не в эту минуту. Всего лишь поцелуй. Разве это так много, одна минута забвения. Он так истосковался по своей жене.

Этим вечером даже выпивка не помогала ему. Ян и сам не помнил, сколько порций дешевого пойла залил в себя, но в голове все равно всплывали образы прошлого. Звонкий смех, нежность рук, огонь волос. Ян так устал обходиться без них. Обходиться без своей жены. Он мог отдать жизнь лишь за один шанс увидеть ее снова. Хоть раз. От чего то, сегодня, как ни когда его рвала на части тоска, по той которой больше нет.

Поняв, что выпивка не поможет, Ян отправился домой, оставив шумный бар тем, кто в нем остался. Улицы встретили его привычным спокойствием, раздражая своей безмятежностью. В окнах некоторых домов все еще горел свет, помогая редким фонарям освещать улицу. По мнению Яна, было даже слишком светло. Он предпочел бы непроглядную тьму, в точности такую же, как и в его душе. Это было бы справедливо. До его дома, который стоял на отшибе было довольно далеко, и Ян знал, что пока доберется туда, порядком протрезвеет. И это его сильно огорчало. Что же, придется использовать собственные запасы виски. Мысль о бутылке согревала его, и подгоняла домой. Вот только ноги отказывались идти быстрее, а чертова земля качалась под ним, словно качели.

А потом он увидел ЕЕ. Это было похоже на удар. Ян задохнулся, а горло перехватило спазмом. Она стояла на крыльце, и смотрела на него. Ян был слишком пьян, чтобы видеть отчетливо, но он не мог ошибиться. Он ни с чем не мог спутать рыжую копну волос, стройную фигурку. В голове мелькнула мысль, что он сошел с ума. Но Яну было плевать. Пусть так. Он двинулся к ней как во сне.

Он шел к ней нетвердой походкой, боясь отвести взгляд, чтобы видение не исчезло.

Но чем ближе он подходил, тем отчетливее стал понимать, что ошибся. Это была не его жена. И чем жаднее он вглядывался в девушку, тем больше находил отличий. Та, что стояла сейчас перед ним, не была его женой. Но ее волосы, ее темный взгляд манили его, как магнитом. Она попятилась от него, а он последовал за ней. Девушка была красивой. Его жена была тоже красавицей. Но у жены не было таких милых веснушек. И она была выше ростом. Эта же была малышкой, и слишком худа. И все же притягательной.

Ян разозлился. На себя, что мог обмануться. На нее, что обманула его. И все же, она была так похожа на его Мел. Ян закрыл глаза. Он уже знал, что сделает. Понимал, чего хочет. Это было ему нужно как воздух. Он спросил ее кто она и сам испугался ответа. Он не желал это знать.

Ян просто хотел унять боль. Он притянул девушку к себе и поцеловал. И если бы ему дали шанс выбирать, он умер бы прямо сейчас.

Она была ему чужой. Но Ян не мог оторваться от нее. Эта незнакомка была такая сладкая. Она дрожала в его руках, и Яну казалось, что сожми он ее сильнее она разлетится на части. Он хотел, чтобы она ответила на поцелуй, но она не отвечала. Мужчина не понимал, что с ним происходит. Он знал, что должен остановиться, но не мог. Ему хотелось

согреть ее прохладную кожу, ему хотелось унять ее дрожь. Он желал, чтобы она раскрыла свои губы, и ответила на его поцелуй.

Ян оторвался от ее губ и стал покрывать быстрыми поцелуями ее скулы, щеки. Он зарылся лицом в ее волосы и вдохнул их аромат. Они пахли травой и цветами.

Ян прижал девушку крепче и она замерла в его руках. Желание поцеловать ее снова было нестерпимым. Он обхватил ее за шею, заставляя отклонить голову, и склонился к ее губам. И его глаза встретились с ее глазами. С глазами полными страха.

Ян отшатнулся. Он отскочил от девушки так быстро, что ударился поясницей о перила крыльца. Весь хмель словно испарился и Ян со всей отчетливостью осознал, что только что сделал. Девушка стояла прямая как истукан и дрожала как осиновый лист. Ее побелевшие губы были сжаты, а глаза с ужасом смотрели на Яна.

Да он напугал ее до полусмерти! Ян сделал шаг к девушке, но она дернулась как от удара. Он снова отступил. Он не знал что делать, не понимал как вести себя.

Тишина вокруг оглушала, а их дыхание было слишком громким.

Ян вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

— Как ваше имя? — спросил он.

Он и сам не понимал, почему спросил это. К тому же, он уже знал ее имя. Он хотел только извиниться и поскорее уйти. Вернуть блаженное состояние опьянения и заснуть.

Но он спросил, и его вопрос удивил девушку. Она более-менее осознанно посмотрела на него, а потом попыталась ответить. Но у нее ни чего не вышло. Ян в недоумении наблюдал, как она пытается взять себя в руки. И было так очевидно, что это дается ей с трудом.

— С вами все в порядке? — обеспокоено спросил Ян, чувствуя себя чудовищем. — Я не хотел пугать вас. Я...

И тут она разрыдалась. Согнулась пополам, обхватила живот руками и зарыдала.

В ту же секунду Ян был возле нее. Теперь он и сам был напуган. Он сразу вспомнил, что утром как ненормальный набросился на нее. Вспомнил испуганные лица ее детей. Его желудок сжался узлом, и дешевый виски был тут не причем.

Он не знал, как вести себя в данной ситуации. Но времени раздумывать не было. Он обхватил девушку и поднял на руки. Она не сопротивлялась, лишь закрыла ладонями лицо и плакала. Ян шагнул к скамейке, напротив входа в ресторан и осторожно посадил на нее девушку. Сам опустился перед ней на колени. Он коснулся ее мягких волос и попытался отвести непослушные пряди с лица. Но как только убрал руку, они снова упали, пряча мокрое от слез лицо.

— Простите меня. — прошептал Ян. — Не бойтесь, я больше не трону вас. Обещаю.

Мужчине хотелось успокоит ее. Он не мог смотреть, как дрожат ее плечи, как съежилась она на скамейке. А когда девушка посмотрела на него, Ян перестал дышать. Ее огромные карие глаза блестели от слез, губы припухли. Она была такая беззащитная и растерянная.

— Как вас зовут? — снова спросил Ян. — Кто вы?

Девушка молчала секунду, потом тихо шепнула.

— Линда.

— Линда. — вслед за ней повторил Ян, словно пробуя имя на вкус. — Вы простите меня?

Ян увидел, что девушка снова напряглась и стала озираться по сторонам. Потом виновато посмотрела на него.

— Можно я уйду?

Яна удивил ее вопрос. И разозлил. Какого черта она думает? Что он снова набросится на нее. И тут же осадил себя. А что еще ей думать. Она явно не прыгала в его объятия, а он накинулся на нее, да еще пьяный в стельку.

Ян встал и отошел на пару шагов. Теперь ему уже хотелось скорее убраться подальше. А еще лучше было бы больше не встречать эту Линду, которая за один день перевернула ему всю душу.

— Идите куда хотите. — раздраженно бросил в ответ Ян, сам поражаясь злости, что прозвучала в его голосе.

Страх, снова появившийся в глазах девушки, окончательно вывел его из себя. Ян понял, что лучше уйти прямо сейчас, пока не сказал чего-нибудь ужасного. Бросив еще один короткий взгляд на Линду, Ян сбежал со ступенек и пошел прочь.

Линда была в отчаянии. Наверное, впервые с тех пор как она сбежала, у нее опустились руки. Она сидела на заправленной постели и боялась сделать следующий шаг. Да и каким должен быть этот следующий шаг?

И это была только ее вина.

Всю ночь она так и не могла заснуть, а если ей и удавалось задремать, она просыпалась от тревожных снов. И пока дети сладко сопели в своих постелях, Линда и ждала, и боялась когда наступит утро, и они сядут в автобус. Автобус, который привезет их к конечной точке назначения. Возможно, даже, скорее всего, брата не обрадуют такие гости, но Линда готова была умолять. Она и на колени встанет, если потребуется, лишь бы брат позволил ей остаться, пока она не найдет работу и жилье.

Но под утро усталость взяла свое, и Линда словно провалилась в черную яму, без снов. Она проснулась от того, что дочери взобрались на нее верхом и принялись целовать ее щеки. И Линде не нужно было открывать глаза, чтобы знать, Курт сидит возле ее ног, и терпеливо ждет, когда она позовет его присоединиться к общему веселью. Линда уже привыкла, что мальчик никогда не обнимал ее первым. Но щедро одаривал своей лаской, стоило сделать лишь первый шаг. А еще, Линда мечтала, что однажды, Курт снова заговорит. И вновь назовет ее "мама".

— Доброе утро, мои хорошие. Курт, иди ко мне, я хочу поцеловать твои сладкие щечки. Сара, отпусти волосы Доры, а то тебе не из чего будет плести ей косичку. Не дуйся Дора, Сара не специально. Идите ко мне, сладкие.

Несколько минут беззаботного счастья, это было больше, на что она рассчитывала этим утром. Так приятно было ощущать теплые ладошки девочек на своих щеках, вперемешку с влажными поцелуями. Робкие объятия сына, которые могли сказать ей больше чем миллионы слов о любви. Но реальность всегда врывается в ее жизнь слишком быстро и больно. Это утро не стало исключением.

Саймон!

Если бы не облепившие ее детские тела, Линда бы вскочила с постели. Но ей пришлось осторожно приподняться, придерживая дочерей и стараясь, чтобы Курт не скатился с ее коленей. Но когда она смогла, наконец, бросить взгляд на кровать в углу, она была тщательно заправлена и пустовала. Линда, конечно, глупо надеялась, что он вышел в душ или туалет, но и сама понимала, что Саймон ускользнул от нее, как и вчера днем.

К горлу стремительно подступала тошнота, от которой не было спасения. Только этого ей и не хватало. Пару раз вздохнув и выдохнув через нос, Линда встала с кровати.

Линда, изо всех сил, стараясь не показать волнения, отправила детей умываться, а сама выглянула в окно, надеясь увидеть Саймона. Но не успела даже как следует окинуть участок перед рестораном беглым взглядом, как дверь позади открылась. Линда едва не вскрикнула от облегчения, увидев на пороге Саймона. Он стоял, избегая ее взгляда.

— Я думала ты ушел. Как вчера. — взволновано прошептала девушка.

— Я ходил в магазин. — буркнул Саймон, и по-прежнему не глядя на нее, прошел в комнату и поставил на стол бумажный пакет. — Мне надо идти.

Линда бросилась вдогонку парню, когда тот отвернулся к двери. Схватила его за рукав, застиранной футболки.

— Куда? Куда ты идешь? Ты так и не сказал, где был вчера. Мы не можем больше задерживаться. Нам надо ехать, Саймон. — скороговоркой произнесла Линда, непроизвольно закрыв ладонью губы, пытаясь побороть тошноту.

Именно этот неудачный момент, Саймон выбрал, чтобы посмотреть на нее. Линда увидела, как в тревоге потемнели его глаза.

— Линда? Что с тобой?

Но она больше не могла сдерживаться. Как только дети вышли из ванной, Линда бросилась туда, напрямиком к унитазу.

А через несколько минут, когда она тщательно умылась и вытирала лицо полотенцем, она встретила глазами в зеркале, с побледневшим Саймоном. Он без смущения вошел в ванную, прикрыл за собой дверь, оставив по ту сторону, споривших сестер, и глядящего в окно брата. Линда понимала, что он злится. Но так же знала — эта злость направлена не на нее.

— Ты обманула меня. — тихо, произнес он.

— Саймон, нет!

— Обманула! Ты сказала, что полиция приехала вовремя. Ты сказала...

— Пожалуйста, не надо. Все хорошо, Саймон. Со мной все в порядке.

— Черта с два! Этот козел все же сделал это. Он опять сделал это!!!

Линда подбежала к Саймону, обхватила его плечи, дрожащими руками. К ее облегчению, Саймон не стал сопротивляться. Просто продолжал стоять и смотрел на нее, пронзая ее сердце упреком, светившимся в его глазах.

— Когда-нибудь я убью его.

— О, Боже, нет! Саймон, что ты такое говоришь!!!

Линда не на шутку испугалась. Для подростка, уж слишком уверенно он произнес эти слова. Если бы его переполняли эмоции, то возможно это не прозвучало бы так. Но от холодного спокойствия, с которым Саймон сказал это, Линде стало хуже, чем несколько минут назад.

— Дорогой мой, Саймон, ты должен все это забыть. Мы уехали так далеко. Теперь все будет иначе. Возможно не сразу, но все наладится, если мы будем вместе. Я обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы вы больше ни чего не боялись. Мы терпели так долго, Саймон, нам осталось потерпеть еще чуть-чуть. Я позабочусь о вас. Обещаю.

— А ты? — отступив на шаг, спросил Саймон. — Кто позаботится о тебе? Ты себя в зеркале видела? Ты поэтому не ела. Так ведь? Черт!!! — сбросив руки Линды со своих плеч, воскликнул Саймон. — Ты не должна была забирать меня и Курта.

— Саймон, не говори так. Мы уже миллион раз обсуждали это. Мы семья! Мы должны держаться вместе.

— Мы не семья. Я и Курт не твои дети. Было бы лучше, если бы ты просто увезла Дору и Сару. А я могу обойтись и без тебя.

Линда дернулась как от удара. Нет. Это было хуже, чем физическая боль. А по этой части она могла считать себя знатоком. Все на чем держалась ее сила воли, это осознание, что она должна, во что бы то ни стало, спасти своих детей. Что, как бы не было страшно и трудно, это не большая цена за то, чтобы ее дети были в безопасности. Но как ей справиться со всем этим, если все, во что она верила, всего лишь ее иллюзия. Что, если Саймон прав. Она не должна была увозить его. Он давно научился избегать гнева отца, а если и попадал под удар, так это в бесполезной попытке помочь ей. По большому счету, муж никогда не бил

детей. Он пугал их, доводил до слез, унижал, но не бил. По крайней мере, так было, пока под рукой была она, его жена. Уехав с малышами, она может и подставила бы Саймона под удар, но тот давно научился распознавать настроения отца и вел себя соответственно. И теперь, когда ему не нужно было оставаться с ней, чтобы как то защитить, а потом и помогать приводить себя в порядок, чтобы не пугать младших детей, Саймон мог уйти из дома, пока приступы гнева у отца не пройдут.

И, по крайней мере, у Саймона была бы крыша над головой. И ему не пришлось бы сутками маяться в старом фургоне, приглядывая за усталыми малышами, пока сама она, с трудом держала руль.

Но все аргументы были бесполезны. Линда прекрасно знала, что не смогла бы уехать без Саймона. Может она и не была его матерью, даже мачехой себя не считала, но Саймон был дорог ей не меньше, чем дочери и Курт.

— А я нет, Саймон. Я нет. — чувствуя безмерную усталость, словно не она только что встала с постели, Линда присела на край ванной. — Я знаю, что ты бы справился. Наверное, да. Но... Я нет.

— Я нашел работу. Вчера. — вдруг сдавлено прошептал Саймон.

Линда вскинула голову и встретила с виноватым взглядом парня.

— Работу?

— Да. На ферме. Разнорабочим. Оплата каждый день. И я не поеду ни к какому твоему брату. Я остаюсь здесь.

Саймон отвернулся и вышел, широко распахнув дверь. Линда последовала за ним.

— Я иду на работу, Линда. Вот тут продукты. — он указал на пакет, по-прежнему стоящий на столе. — Я уже поел. У меня осталось немного денег, вот. — Он бросил на стол смятые бумажки и пару монет. — Не много, но на скромный обед хватит.

— Саймон...

— Там эта женщина хочет поговорить с тобой. Она ждет тебя в ресторане. Сказала, чтобы ты и детей приводила.

— Ты не можешь уйти. Когда ты вернешься? Мы не можем просто ждать, Саймон. Я...

Линда и дальше готова была спорить и уговаривать Саймона, но увидела детей, сидевших на ее кровати. Их встревоженные лица, и прижавшиеся друг другу тела, заставили ее замолчать. Как много раз, они с Саймоном вот так закрывались в ванной, пытаясь скрыть следы ярости их отца, и выходя, видели такую вот картину.

Дети сидели и переводили испуганный взгляды с нее на Саймона. Парень тоже заметил это и улыбнулся детям.

— Ну и чего же вы тут расселись! Курт, тебе не стыдно, ты все еще в пижаме. Ты должен подавать пример девочкам. Идите сюда рыжюльки, поцелуйте меня.

Девочки без колебаний бросились в объятия Саймона, а Курт, подойдя к Линде, робко прижался к ее боку. Но как только, Дора и Сара отступили, он в ту же секунду занял их место. Саймон обнял брата и что-то прошептал ему на ухо, от чего мальчик несмело улыбнулся. Потом Саймон выпрямился и посмотрел Линде в глаза.

Ее горло сжалось от паники, что больше его не увидит. Она была близка к тому, чтобы броситься к нему, и, рыдая, умолять остаться. Но знала, что это не остановит его. И понимала, что не имеет права удерживать его, как бы ей этого не хотелось.

— Линда. Я... — он замолчал, словно не находя слов, потом вздохнул и продолжил. — Вернись вечером сюда же. Если вас здесь не будет, значит... Значит ты, наконец-то,

поступила правильно.

Он ушел, оставив Линду стоять посреди комнаты, смотрящую на пакет с продуктами и оставшимися на столе деньгами.

Суровый взгляд Полли Дойл, казалось, был способен прожечь даже через весь ресторанный зал, заполненный людьми за столиками, и снующими между ними официантами. Линда до боли сжимала ключ от комнаты, где они с детьми провели самую комфортную ночь за последние две недели. Несмотря на то, что до конечной точки их пути оставалось лишь пару часов на рейсовом автобусе, никогда она еще не казалась такой далекой. И сейчас, под тяжелым взглядом, грузной хозяйки ресторана, Линда чувствовала себя ничтожной и уязвимой. Но она не хотела, чтобы дети, еще когда-нибудь, увидели ее испуганную и беспомощную, и поэтому расправила плечи и уверенно шагала к миссис Дойл. Правда ее бравую походку немного портило то, что Линде приходилось подстраиваться под маленькие шажки девочек, и Курта. А они, не привыкшие к скоплению народа, с интересом крутили рыжими головками и спотыкались на каждом шагу.

Не успела Линда подойти, как суровое лицо Полли расплылось в добродушной улыбке. Она наклонила свое грузное тело, уперев ладони в колени и сдвув с глаз челку, сказала:

— Доброе утро, красавицы. И как зовут таких милых девочек?

— Я Дола. А это Сала, она моя сестла. — сразу за двоих представилась Дора, уже привыкшая отвечать за скромную сестру.

— А как зовут молодого человека? — повернулась миссис Дойл к Курту, жавшемуся к бедру Линды.

Курт лишь спрятал лицо в складках Линды, больно вцепившись ноготками ей в ногу.

Миссис Дойл мельком бросила осуждающий взгляд на Линду, словно в том, что дети слишком робкие, была ее вина. Возможно, эта суровая женщина была права. Линда и сама знала, что должна была увезти их раньше.

— Ну что же, может, хотите позавтракать? Вы любите блинчики?

— Спасибо, но мы уже позавтракали. — вмешалась Линда, желая поскорее закончить этот разговор. — Я хотела бы вернуть вам ключ и поблагодарить за гостеприимство. И, конечно, расплатиться... по возможности... если бы вы, сказали, сколько я должна за комнату, то...

— Ну, хорошо, если вы позавтракали, — как ни в чем не бывало, продолжала миссис Дойл. — тогда быть может, хотите сока? М? Что скажите?

— Миссис Дойл, нам действительно пора идти. Спасибо что...

Наконец-то, женщина обратила на Линду внимание. Выпрямилась во весь свой рост, шумно вдохнула, утерев пот с шеи концом белоснежного фартука. Она внимательно осмотрела Линду с ног до головы, и девушка была уверена, что от нее не укрылись ни застиранная юбка, не разваливающиеся сандалии.

— Посади ка деток вон за тот столик. — указала она на дальний угол ресторана, пусть попьют сока, а мне с тобой поговорить надо.

Сердце Линды от тревоги забилося сильнее, сама она уже инстинктивно оглянулась на выход, ища пути к отступлению.

— Да ты послушай. — спокойно проговорила женщина, покачав головой. — Не беспокойся, девочка. Не сделаю я вам ничего плохого. Хочу предложить тебе кое-что. Если тебя это заинтересует, то хорошо. Нет, тогда уйдете на все четыре стороны. Мне и своих забот хватает. Давай, рассаживай детей. Сейчас принесу сок.

Линда на негнущихся ногах поплелась к дальнему столику, стараясь не поддаваться панике. Но у нее ничего не выходило. Сразу вспомнились слова, которые Полли Дойл говорила вчера вечером. Как угрожала позвать шерифа. Господи! Линда решительно повернула к выходу, взяв за руку Курта и Дору, зная, что та всегда держит ручку Сары. Но не успела сделать и пары шагов, как встретила взглядом с понимающими глазами Полли Дойл. Она кивнула, даже не пытаясь ее остановить, словно знала, что движет Линдой. Она просто стояла, и смотрела, предоставляя Линде самой решать, что делать.

И Линда, сама не понимая почему, вдруг почувствовала, как напряжение отпускает ее. Медленно вдохнув и выдохнув, девушка посмотрела на детей, улыбнулась, а потом усадила их за круглый столик в углу. Стараясь выглядеть беззаботной, она похвалила косичку Сары, которую так старательно заплела сестренке Дора. Поправила воротничок на рубашке Курта, отметив какой он молодец, что помогает ей присматривать за девочками. Робкая улыбка Курта и веселый щебет дочерей были лучшей наградой. Когда принесли сок и печенье, дети с удовольствием принялись за сладости, по которым наверняка соскучились. Очередная порция вины обожгла горло непролитыми слезами, но Линда продолжала улыбаться. Когда подошла Миссис Дойл Линда, дав несколько наставлений детям, пересела с хозяйкой ресторана за соседний столик, что позволяла поговорить, не рискуя потревожить детей, но и видеть их во время разговора.

— Ну что же, девочка. — без предисловий вступила женщина, сложив руки на пышной груди. — Вижу, не сладко тебе пришлось. Да ты не трудись отрицать. — пресекла она попытку Линды возразить. — Поди, не первый годок я живу. Что же не вижу я, что ли по тебе. Да и понятно мне, что неприятности у тебя. Шуганная ты больно. И дети у тебя вон, каждого шороха боятся.

— Миссис Дойл, все не так...

— Так, девочка, так. Я вот только знать хочу, ты от нужды с детьми скитаешься, или по другой причине? Потому что если я решу тебе помочь, то мне надо знать, не будет ли у меня проблем с властями из-за тебя.

— П...помочь? — растерянно пролепетала Линда, не понимая, с чего совершенно незнакомая женщина предлагает помощь.

— Именно. Но мне хотелось бы знать, есть ли у тебя проблемы с законом. Я уже сказала, что вмешиваться не стану. Если ты от полиции скрываешься, то вставай и уходи. Ну, так что?

— У меня нет проблем с законом. Я говорила это вчера и могу снова повторить. Я не скрываюсь от полиции. Я официальный опекун детей. Я очень вам благодарна за комнату. Детям и правда, был необходим отдых. Но сейчас все в порядке, и нам уже пора. Я...

— Мне нужна посудомойка. Работа тяжелая, но плачу я достойно. О жилье подумаем. Есть у меня домик на окраине, минут тридцать отсюда. Не бог весь что, но лучше, чем скамейка. Кое-чего там подколлотить надо, но это мы по ходу решим. Если хочешь, можешь получить эту работу. Временя у меня нет, так что я иду на кухню. За официантами нужен глаз да глаз. То, что хотела, я сказала. Решать тебе. Как бы то ни было, удачи тебе девочка. И деткам твоим. И да... За ночлег и угощение ты мне ничего не должна. Понимаю, что ты не склонна доверять людям. Понимаю даже лучше, чем ты думаешь. Но убегать все время не выход. Рано или поздно надо остановиться, тем более ты не одна.

Хозяйка ресторана поднялась со стула, посмотрела на детей за соседним столиком.

— Если решишь остаться, попроси кого-то из девочек позвать меня.

И она, не оглядываясь, пошла через зал, то и дело, останавливаясь, чтобы поприветствовать посетителей. Справится о здоровье их детей или внуков. Поздравить с каким ни будь событием, или просто похлопать знакомых по плечу. Иногда она подгоняла нерадивых официантов и хвалила усердных.

Линда сидела неподвижно, наблюдая за людьми, и тем как они улыбались женщине с красными волосами, одетой в цветастое платье под белоснежным фартуком.

Линда чувствовала, что посетители уважают и любят Полли Дойл, и ее уютный ресторанчик давно стал их второй кухней. Что все эти люди как большая семья, частью которой так хотелось бы стать Линде. Впервые за их долгое изнурительное путешествие в никуда, Линде захотелось остановиться. Было страшно, но эта женщина права. Детям нужен дом. Постоянство и безопасность.

Линда не знала, как встретит ее брат, которого она не видела с детства. Она не знала, сможет ли там найти жилье и работу. А тут ей предлагали и то и другой. И тут был Саймон. Ее вспыльчивый, но добрый мальчик.

В этом маленьком городке ей предложили больше, на что она могла рассчитывать еще вчера. Полли Дойл дала ей время подумать, но оно не нужно было Линде. Если у детей будет крыша над головой, а у нее работа, то Линде не требовалось времени, чтобы принять решение.

Она останется. По крайней мере, пока.

Каждое утро Яна и так начиналось с головной боли, и паршивого настроения. Но давно к этому не примешивалось чувство стыда. С трудом поднявшись с кровати, и открыв дверь скулившей псине, Ян решил, что сегодня, пожалуй, самый паршивый день, за последние пару лет. И, именно сегодня, он впервые позавидовал людям, которым отшибало память, и они на утро после попойки не помнили того, что творили в пьяном угаре. Его же память была стопроцентной, и могла, с точностью до мелочей, показать все, что он творил вчера, и не хотел бы вспоминать.

Чуть позже, стоя в душе, под холодными струями воды, Ян не мог избавиться от видения рыжеволосой девушки, с испуганными темными глазами, и невероятно сладкими губами. Он не мог перестать думать об ощущении ее мягких волос под его ладонями, ее дрожащего тела, которое он прижимал к стене своим. А еще, Ян уже был достаточно трезв, чтобы понять — дрожала она явно не от удовольствия. Да куда там! Она была в ужасе. А кто бы не был, черт возьми! Он, пьяный в стельку, набросился на нее посреди ночи. Откуда она могла знать, что он не хотел обижать ее. Лишь ненадолго избавиться от боли и одиночества, вернуться на миг в прошлое, где он был счастлив.

Крепкий кофе был его единственным завтраком на сегодня, да и времени на долгие сборы не было. Единственное о чем он позаботился перед уходом, так это выставил тарелки с водой и едой для Бродяги на крыльцо. Сев в свой, поддержанный, "Бронко", Ян несколько минут просто сидел, не трогаясь с места.

Голова раскалывалась, а все тело болело так, словно его переехал асфальтоукладчик. Ян потянулся и открыл бардачок. Поверх документов на машину, складного набора отверток, лежала недопитая бутылка дешевого виски. Ян достал ее, открутил крышку и сделал щедрый глоток. Проглотил обжигающую жидкость, чувствуя одновременно и отвращение к себе, и странное облегчение, от того, что все осталось по-прежнему.

Он лишь надеялся, что больше не увидит ту, что с таким упоением целовал вчера. А если, все же ему и придется встретиться с ней, то он сможет просто пройти мимо. Что ее вид не причинит снова боли и не всколыхнет воспоминаний.

Когда Ян приехал на ферму, то понял, что стыд за вчерашнее поведение, не все неприятности на сегодняшний день. И если он надеялся вчера, что назойливый мальчишка не явится сегодня на работу, то его надежды не оправдались. Когда Ян вышел из машины, паренек уже всю таскал сено в конюшню и, казалось, что охапка сухой травы способна раздавить его. Настолько был худ юный работник. И если вчера это не так бросалось в глаза, то сегодня, парень сбросил рубашку из-за жары, а майка, оставшаяся на нем, не могла скрыть его худобы.

Ян внимательнее присмотрелся к пареньку и отметил, что хоть джинсы у того были довольно-таки новыми, то обувь и майка сильно потрепанными. Да и рубашка, которую мальчик повязал на пояс, годилась только на выброс.

Что-то похожее на жалость шевельнулось в душе Яна, но он решительно пресек всякие поползновения чувств на его никчемную душу. Мужчина решительно зашагал к конюшне, повязывая по привычке на голову платок.

— Надеюсь, что ты не придешь. — бросил он, не здороваясь.

Мальчишка вздрогнул. Нахмурился, на мгновение, замерев на месте, а потом продолжил

свое занятие. Ян заглянул в конюшни.

— Сена достаточно. Пошли, у меня для тебя есть другая работа.

Ян и Саймон работали практически молча, если не считать коротких указаний, которые иногда давал Ян своему помощнику. Дел в конюшнях было много, и все требовали физического усилия. К обеду жара стала почти нестерпимой, что являлось нормой в этом штате. Платок на голове Яна практически промок насквозь, а рубашку он скинул уже пару часов назад. Пропущенный завтрак и физический труд, дали знать о себе зверским голодом.

— Эй, парень! — позвал Ян, паренька. — Я съезжу в город. Возьму, что ни будь перекусить. Ты что хочешь?

— Ничего. — буркнул парень, и не глядя на Яна уселся на траву, под навесом.

— Слушай парень, я ведь не твоя нянька и уговаривать не стану. Но и отвечать за тебя не собираюсь. Много проку мне будет от помощника, который валится от усталости и голода. Так что говори скорее, у нас не так много времени на перерыв.

— Я же сказал, ничего. Я не голоден.

— Ну да, конечно. А я слепой и тупой и сам ни черта не вижу. Ну как знаешь. Попрошу Полли собрать тебе кое-чего...

— Я не буду есть.

— Да почему?! В чем дело-то, а? Что-то не похоже, что ты избалован едой. Или... Черт, у тебя что, денег нет? — только догадался Ян.

— Нет. — не мешкая ответил Саймон, так и не взглянув на Яна.

— Я же дал тебе вчера деньги. Куда ты все потратил?

— Не ваше дело. Вы не говорили, что я должен отчитываться за них. Не волнуйтесь. Как только я сегодня получу зарплату, то отдам вам долг.

Ян хохотнул, от дерзости парнишки, а потом внимательно присмотрелся к пареньку. Не понравился ему его испуганный вид. И его сжатые губы и напряженные плечи.

— Может, и не мое дело. А может и мое. Может ты на травку их потратил, так мне такие помощники не нужны. Мне вообще не нужны помощники, а уж наркоманы тем более.

Как Ян и ожидал, мальчишка купился на провокацию. Он испуганно посмотрел на Яна.

— Не покупал я никакую травку. Понятно?!

— Тогда, что?

— Продукты. Довольны? Я купил продукты. — мальчишка снова отвернулся и стал вырывать пучки травы из земли, и кидая их с такой силой, словно на них пытался выместить обиду.

— Если ты столько ешь, то не в коня корм, скажу я тебе. Ладно. Возьму, что ни будь сам. Не спорь. Ты и так меня раздражаешь. Не было у меня забот, так еще ты появился. Черте что! Сегодня я угощаю. Завтра можешь с собой что-нибудь взять. Я поехал. Отдыхай пока.

* * *

Ян не стал входить через главный вход. Отчасти из-за пропитанной потом рубашки и пыльной обуви, отчасти из-за времени ленча, а это значило, что зал заполнен горожанами. И Ян не хотел быть вовлеченным в беседу и на протяжении минут двадцати обсуждать рождение младенцев и свадьбы любимых дочерей. Или о том, как простодушную старушку с соседней улицы в очередной раз обобрал электрик. Поэтому Ян прошел через склад, а затем

дождался одного из официантов. Они все прекрасно знали его, и так же были в курсе, что от них требовалось.

Светловолосая Рина, обладательница заурядной внешности, но очень умненькая, с улыбкой подошла к Яну. Он знал, что она подрабатывает в этом ресторанчике во время летних каникул в колледже.

— Здравствуйте, мистер Ривз. Будете брать, как обычно?

— Да, спасибо. Только сегодня сделай на двоих.

— Хорошо. И да... Миссис Дойл просила передать, чтобы вы зашли к ней, когда придете. Она наверху, в кабинете.

— Спасибо, Рина. Сложи все в пакет, пожалуйста. Я заберу, как поговорю с Полли.

Рина ушла отдать заказ повару, а Ян тяжело вздохнув, направился к Полли. Иногда она просила его помочь с разгрузкой товара или забить пару гвоздей. Это еще ладно. Но порой Полли заводила речь о его неправильном образе жизни. Предстоящий разговор Яна не радовал, о чем бы ни хотела поговорить Полли. Но если уж она предупредила своих работников выглядывать его, значит избегать разговора бесполезно. Чего доброго она заявит к нему домой, как бывало пару раз. А этого Яну хотелось еще меньше, чем встречи с переполненным залом ресторана, потому как вечером он бывал не в том состоянии, чтобы что-то обсуждать.

Он вошел в чистенький кабинет Полли Дойл, даже не постучав. Полли сидела за письменным столом и проверяла какие-то документы. Она подняла голову и улыбнулась.

— Проходи, мой мальчик.

— Полли, сколько раз повторять, не называй меня так.

— А я сколько раз пропускала твои слова мимо ушей. Садись.

— Я работаю, Полли. Приехал за ленчем.

— Это не займет много времени, Ян. А Гаррет прекрасно знает, что ты пашешь как вол. коли соизволишь выйти на работу. Паршиво выглядишь, мой мальчик.

— Полли, не начинай.

— А я и не начинаю. Но не думай, что начну молча смотреть, как ты продолжаешь превращать свою жизнь в мусорное ведро. Но сегодня не об этом. У меня для тебя новость. С сегодняшнего дня у тебя будет сосед.

— Что?! — Ян даже привстал от неожиданной новости.

— Вернее, соседка. Так что, не удивляйся. Сегодня я сдала соседний дом девушке, которую приняла на работу.

— Полли, ты же знаешь, когда я покупал у тебя дом, то с условием, что никаких соседей не будет. — раздраженно бросил Ян.

— Их и не было. — спокойно ответила Полли, привычно сдвув красную челку. — Целых два года. Я не обязана отчитываться, но так и быть. Эта девушка действительно нуждается в жилье. И я предоставила его ей.

— Да не смей меня, Полли. Этот дом годится только под снос. Но уж точно не для женщины с детьми.

— Согласна. Вот поэтому я тебя и позвала. Не за тем же, чтобы только сообщить эту новость. Вскоре ты и сам бы это узнал. Так вот, я хочу, чтобы ты немного подлатал эту развалюху. В нем не жили с тех пор, как распустили всех рабочих, а виноградники вырубili. Естественно, я заплачу.

— Ну, уж нет. Можешь не рассчитывать на меня. Мне хватает денег, которые платит

Гаррет.

— Ян...

— Полли, я высоко ценю, то, что ты делаешь для меня. Поверь. Но все что мне нужно, это чтобы меня оставили в покое. Мне не нужна забота. Мне не нужен дополнительный заработок. И мне, ни черта, не нужны соседи. Тем более женщины, и особенно с детьми. И если этот дом развалится и уйдет под землю вместе с его обитателями, я даже не сойду со ступенек своего крыльца.

— Ладно. Можешь сидеть на своем крыльце. Я найду кого то поговорчивее. Только вот не могу понять одного, Ян Ривз, чем тебе не угодила новая соседка. Может, не понравилось то, что она не особо обрадовалась твоим поползновениям? — как ни в чем не бывало, проговорила Полли, не отводя взгляда от сердитого Яна.

— О чем это ты, Полли Дойл?

— Да о жарких поцелуях вчера ночью, и, между прочим, крыльцо было моим.

Все за секунду сложилось воедино. Так вот значит, что за соседка у него появилась. Девушка и дети. Вот же черт!!! Ян вскочил со стула как ошаренный. Он-то надеялся, что больше не увидит эту рыжеволосую девушку, а оказалось, что она займет второй из трех домиков, в которых когда-то жили рабочие с виноградника.

— Не думай Полли, что можешь манипулировать мной. То, что ты видела вчера, ничего не значит. Мне нет дела до этой девушки и ее детей. Понятно? Мне, вообще, нет дела ни до кого из этого городишки. Можешь поселить в те домики кого угодно, но меня в это не впутывай.

— Ян, послушай, не горячись. Я не собираюсь лезть в твою жизнь. Мы все это усвоили, уже давно. Просто мне было бы спокойнее, если бы ты хоть немного приглядел за ней.

— Что?! — во второй раз за несколько минут воскликнул Ян. Это заявление удивила его даже больше, чем новость о соседке.

— Я чувствую, скорее нет. Догадываюсь, что у нее неприятности. Возможно, эта девочка попала в беду, и ей нужна...

— У тебя страсть спасать, нуждающихся? Так ведь? Не пойму в чем секрет, Полли. Сначала я. Пьяница и отшельник. Весь город уже усвоил, что я не нуждаюсь в спасении, но ты по-прежнему опекаешь меня. И я почему-то позволяю тебе это. Теперь эта девушка. Так вот... Ты — делай что хочешь. А я не записывался в спасатели. Так что, будь у нее хоть трижды неприятности, пусть сама разбирается с этим.

Больше Ян не стал слушать. Он выскочил из кабинета, хлопнув дверью.

Дерьмо! Та же участь постигла и дверцу Бронко. Ян, напроць, забыл о заказанном обеде, поэтому не сразу сообразил, что нужно Рине, выбежавшей следом за ним из ресторана и протягивающей ему пакет. Потом отдал ей смятые купюры и тронулся с места, подняв клубы красной пыли.

Он думал, что его жизнь не может быть более отвратительной. Как же он ошибался. Теперь он каждый день будет видеть перед собой напоминание того, что он имел и не смог сберечь. Будет жить в нескольких шагах от той, которая так похожа на женщину, что он так сильно любил и так быстро потерял.

Этот дом, казалось, мог развалиться в любую минуту. Покосившееся крыльцо, разбитое кухонное окно и слетевшая с одной петли сетчатая дверь. И это только снаружи. Сорняки и вьюны оплели фундамент и полностью скрыли когда-то существовавшую лужайку. И...

Этот дом был чудесный. Если бы Линда не была вынуждена спокойно сидеть в машине миссис Дойл и слушать наставления, а так же условия работы и проживания, она бы выскочила из салона и бегом побежала к дому. И, даже если внутри дом окажется еще более заброшенным, Линда готова была радоваться каждой паутинке и ржавому гвоздю.

— Понимаю, что это не то, что подошло бы детям. Но лучшего я пока предложить не могу. Постараюсь найти кого-то, чтобы немного подлатать эту лачугу. Поспрашиваю местных. Так как дом заброшен и требует ремонта, платить за него не будешь. По крайней мере, пока не встанешь на ноги. На складе ресторана есть кое-какая старая мебель, оставшаяся от прошлых владельцев. Думаю, там найдется добротный стол и стулья и пару шкафчиков. Когда придешь на работу, я дам тебе ключ. Можешь брать все, что тебе потребуется. Ты хоть слышишь, что я тебе говорю, девочка?

— Да. Да...

— Хорошо. Твоя смена на этой неделе — утро. Это с семи до трех. Со следующей недели с часу до девяти. Во время обеда будете работать вдвоем. Это самое напряженное время. Детали обсудим завтра. Клэр все покажет тебе и объяснит. Она твоя сменщица.

Линда до сих пор не могла поверить, что все это происходит с ней. Она знала, легко не будет. Дом и правда требовал серьезного ремонта и много усилий, чтобы привести его хоть немного в божеский вид. Необходимо подумать о том, как быть с детьми, пока она будет работать. Но это не могло сравниться с проблемой, когда кроме скамейки тебе негде уложить спать детей.

Линда оглянулась на заднее сиденье и улыбнулась от вида задремавших детей, расположившихся на широком сиденье. Потом Линда посмотрела на женщину за рулем.

— Спасибо. Я... — горло вдруг перехватило, и она не смогла договорить.

Что она могла сказать. Сотни раз сказанных "спасибо" было не достаточно для того, чтобы выразить всю благодарность, за то, что делает для них Полли Дойл.

— Миссис Дойл, спасибо вам. Я не знаю, почему вы помогаете мне, но я все сделаю для того, чтобы не подвести вас. Я отработаю каждый цент, обещаю.

— Посмотрим. А пока, буди детей. Мне пора возвращаться. Жду тебя завтра утром.

— Спасибо. Не буду больше задерживать вас. Но я еще приду к ресторану сегодня вечером. Мне надо... Мне надо встретить...

— Ах да! Тот паренек. Саймон, кажется. Не беспокойся. Занимайся сегодня домом и детьми, а я привезу его сама, если он появится. Вот держи ключ от дома. — Полли протянула Линде ключи и, хохотнув, добавила. — Правда, не думаю, что это что-то значит. Дверь вот-вот отвалится, так что не имеет особого значения, заперта ли она.

Стоило Линде тихо позвать детей по именам, как они открыли глаза и настороженно осмотревшись, нашли Линду взглядами. Она улыбнулась им, дав понять, что все в порядке. Полли Дойл поджала губы, но ничего не сказала на такой молчаливый диалог. А потом Линда проводила автомобиль женщины взглядом, стоя на пороге своего нового дома. А возможно и новой жизни. И чтобы им не готовило будущее, это все равно будет лучше, чем

то, что она оставила в прошлом.

* * *

— Мама, а Сала снова жует волофы.

— А Дола ябеда.

Линда бросила салфетку, которой утирала лицо Курта, в пакет и повернулась к девочкам.

— Ну, хватит спорить, девочки. На вот, вытри руки Дора. Сара перестань жевать волосы, хорошие девочки так не делают. Вот, лучше возьми яблоко.

Линда не чувствовала ни рук, не ног от усталости. Весь день она наводила порядок в маленькой гостиной, чтобы устроить в чистоте детей на ночь. Она провела весь остаток дня с тряпками и ведрами, наполненными водой, но не сделала и половины того, что бы хотела. Дети, которые рвались помочь, только добавляли хлопот, разливая воду, раскидывая только что собранный мусор, постоянно то спорили, то игрались, но Линда ни разу не отругала их. Она не видела малышей такими оживленными уже очень долгое время. И если Дора и Сара, несмотря на все что им пришлось пережить, все же оставались жизнелюбивыми и подвижными болтушками, то Курт, чаще угрюмый и тихий, сегодня не переставал улыбаться и даже пару раз засмеялся в голос. От звука его смеха горло Линды перехватило, и она так и застыла с тряпкой в руках, с которой капала вода, а потом с трудом смогла унять слезы, что угрожали пролиться.

Теперь, спустя несколько часов изнурительного труда, они сидели на крыльце, провожая заходящее солнце и ели скудный, но сытный ужин. Кое-что осталось от того, что купил утром Саймон, а что-то Линда купила, заскочив в магазинчик на заправке, пока миссис Дойл заливала в бак бензин. Линда отложила большую порцию для Саймона. Остальное разложила на найденных газетах. Теперь, когда дети поели, сама принялась за ужин. Завтра, когда им подключат электричество, она сможет приготовить детям горячий ужин. А когда подключат и телефон, Линда найдет в справочнике номер какого ни будь автосервиса и узнает, сколько будет стоить пригнать ее брошенную машину, если конечно она еще по-прежнему осталась там. Все же было бы хорошо забрать от туда вещи. Они не взяли с собой много, но, по крайней мере, дети получили бы свои игрушки обратно. Да и той смены белья, что Линда смогла уложить в небольшую сумку, когда им пришлось продолжать путь пешком, было недостаточно.

Через несколько минут, уставшие за долгий день, дети стали клевать носом. Так как в единственной спальне дома Линда не успела убрать, то она разложила старый диван в гостиной, застелила, не совсем свежим постельным бельем, найденным в шкафу, и уложила детей спать. Они заснули так быстро, что Линда даже не успела поцеловать их на ночь. Они спали так сладко, словно на пуховой перине, а не на вытертом диване, в тесноте.

Линда снова вышла на крыльцо и, поморщившись от боли в спине, вновь присела на нагретые солнцем ступени. Было так тихо, что крики цикад, казались слишком громкими. Она так устала, что могла, наверное, уснуть прямо сидя на крыльце, но решила, во что бы то ни стало дожидаться Саймона.

Тревога за мальчика не отпускала девушку весь день. Она так и не узнала, где он работает. И может, он подумал, что они уехали, и не вернется к ресторану. Куда он пойдет?

Где она будет его искать. Линде хотелось, чтобы он уже поскорее пришел, и она смогла бы его покормить. Вдруг он не ел целый день. Ведь он не взял с собой еды, а деньги отдал ей. Линда смотрела на узкую дорогу, скорее даже колею, наезженную когда-то машинами рабочих, словно мысленно призывая Саймона поскорее вернуться. Может, ей все же надо было пойти к ресторану. Дети спали так крепко, что вряд ли проснуться до утра.

Спустя еще несколько минут, Линда встала, и, несмотря на подгибающиеся от усталости ноги, решила идти встречать Саймона. Но не успела сойти с крыльца, как на дороге показалась машина. И даже издали, Линда поняла, что это автомобиль не Полли Дойл.

Ян не мог поверить, что Полли Дойл удалось уговорить его подвезти Саймона до жалкой хибары, которая теперь будет служить пареньку домом. Но в этом был виноват он сам. Вот чем обернулось его добродушие, когда он просто решил подбросить помощника до ресторана, видя как тот устал. Но стоило ему затормозить у ресторана, как он увидел расплывшуюся улыбку Полли, которая спешила им навстречу. А потом безапелляционно заявила, что не станет попусту тратить время, чтобы везти мальчика, раз Ян все равно едет туда. Затем сунула в руки паренька пакет, от которого шел такой аппетитный запах, что у Яна подвело живот от голода и, со свойственной полной женщине медлительностью, удалилась.

Ян был уже готов сорвать свое раздражение на Саймоне, но стоило ему только раз взглянуть на него, как желание его отчитывать улетучилось. На протяжении всего дня подросток был молчалив и угрюм. Даже скорее расстроен. Иногда Ян ловил его на том, как замерев, он смотрел на дорогу. Но сейчас, сжимая пакет в руках, Саймон выглядел растерянным и взволнованным. Казалось, что за пару секунд он из угрюмого подростка превратился в ребенка, которому только что подарили новенький велосипед. Ян не понимал, чему рад мальчишка, но тот явно был чем то обрадован.

От всего этого у Яна загудело в голове, и он понял, что если не приложится к виски в ближайшее время, то сойдет с ума. Поэтому, больше не теряя времени, тронулся с места и погнал Бронко к бывшим виноградным полям.

* * *

Она стояла, на ступенях старого дома, и в свете заходящего солнца казалась пришлицей из другого мира. Остановив машину, Ян изо всех сил старался не смотреть на девушку, но искушение было слишком велико. И стоило ему только раз взглянуть на нее, как память напомнила ему прошлую ночь. Линда. Это имя как вспышка пронеслась в голове, отдавая сладостью на губах.

И вновь грудь резануло болью от того, как эта девушка была похожа на его жену Мел. И в тоже время она была совсем другой. Сейчас, когда Ян был абсолютно трезв, он начал видеть больше отличий, чем сходства. Разве было что-то схожее у тщательно уложенных локонов жены, с буйной гривой этой девушки. Разве плавные изящные движения Мел были схожи с нервными порывами его новой соседки. Ни одна черта лица в ней теперь не напоминала ему его любимую. Тем не менее, все вместе заставляло сердце Яна беспокойно сжиматься.

И наблюдая из машины, как она опасливо подходит к ним, Ян не знал, что беспокоит его больше. То, что она волнует его потому, что похожа на Мелину. Или, что она не Мелина и все равно волнует его.

— Спасибо. — буркнул Саймон, похоже, ни к кому конкретно не обращаясь, и вышел из машины.

И Ян сделал самый идиотский поступок за весь день. Открыл дверцу с другой стороны и последовал за Саймоном. И в этот момент произошло невообразимое.

Первое, что он увидел, как при виде вышедшего из машины подростка Линда улыбнулась, от чего у Яна сбилось дыхание. Но это длилось недолго. Как только девушка увидела Яна, ее глаза расширились от страха. Она напряглась всем телом, дернулась вперед, схватила Саймона за руку и потянула на себя. Не успел Ян опомниться, как она уже загородила от него парнишку и попятилась, спиной тесня того к дому. Ее губы побелели, а глаза то и дело осматривали территорию, словно искали пути к спасению.

Какого черта! Он знал, что вчера испугал ее своим натиском, но не до такой же степени. В конце концов, он же извинился и ушел. Все зашло не так уж далеко, чтобы теперь пятиться от него как от монстра. Но, судя по всему, именно монстром она его и считала. Потому что ничего в ее глазах не видел, кроме как желание скорее скрыться от него в доме, и плевать, что висевшая на одной петле дверь вряд ли могла ее спасти.

— Послушайте... — начал было Ян, сам не зная, что хотел сказать.

— Не подходите! — прошипела девушка, для убедительности выставив руку перед собой. — Что вам нужно здесь? Что вам нужно от Саймона?

— Линда. — ровным голосом позвал девушку Саймон.

И она тут же развернулась к нему. Она внимательно посмотрела на парня, а тот спокойно стоял, давая Линде возможность рассмотреть его.

— Саймон, с тобой все хорошо? Ты в порядке? — взволнованно спросила Линда.

— Все хорошо. Правда. Все хорошо.

— Я волновалась. Я ждала...

— Я знаю. Со мной все в порядке. Это мистер Ривз. Он подвез меня сюда. Не волнуйся. Я в порядке. Видишь? — Саймон развел руки немного в стороны, словно подтверждая свои слова.

На это движение девушка кивнула, и снова повернулась к Яну. На этот раз, к облегчению мужчины, на ее лице не было такого ужаса. Опасение и тревога, но не ужас. Линда облизала пересохшие губы, и сцепила руки в замочек перед собой.

— Извините. Извините меня. Это... Я... Я просто сегодня немного устала. Переезд — это всегда такой стресс.

Серьезно? Ян чуть не расхохотался. Эта испуганная кроха сейчас говорила так, словно ничего из ряда вон выходящего не произошло. Ну да. Ян не понаслышке знал, что такое стресс, слишком хорошо знал. Из-за него люди могли совершать безрассудные поступки, но не шарахаться от людей, как от потенциальных маньяков.

— Мистер Ривз, спасибо, что подвезли Саймона.

— Не стоит благодарности, мисс?...

— Линда. Просто, Линда. — поспешно ответила девушка. — Саймон, иди в дом, пожалуйста, проверь как там малыши. — добавила она, все еще настороженно глядя на Яна.

Мужчине не потребовалось много времени, чтобы понять — Линда хотела отправить Саймона подальше от потенциальной угрозы, то есть от него.

— Как бы ни так. — буркнул паренек, не двинувшись с места.

Ладно. Ему в соседи достались сумасшедшие. Очень хорошо. Ян готов был поехать обратно к ресторану, и сказать Полли Дойл то, что не стал говорить днем. И это будут отнюдь не комплименты.

"Мне кажется, эта девушка попала в беду..."

Эти слова, сказанные Полли, прозвучали в его голове, обретая смысл, и Ян только сейчас посмотрел на все с другой стороны. Догадки и предположения стали проноситься в

его мыслях, и ни одна из них ему не понравилась. Как никогда, Яну захотелось остаться одному. Избавиться от испуганного вида Линды. От мальчишки, докучавшего ему весь день.

Но он не мог уйти, не сказав ни слова.

— Думаю, если мы хотим жить как нормальные соседи, и не создавать друг другу проблем...

— Соседи?! — ошарашено повторила Линда.

— Да. Соседи. Чуть дальше, в пяти минутах отсюда мой дом. Сейчас его не видно, но если подняться чуть выше на холм, то сразу увидите. Так вот, чтобы избежать недоразумений, скажу: я не собираюсь доставлять вам неприятностей. Я не трогаю вас, вы не трогаете меня, и все мы живем в мире и согласии. Хорошо?

— Хорошо. Ни каких проблем. Да. — поспешно согласилась Линда. Потом оглянулась на дом. — Уже поздно. Спасибо, что подвезли Саймона. До свидания.

— Всего доброго.

Больше не желая задерживаться, Ян сел в машину и захлопнул за собой дверцу. Ему не терпелось убраться отсюда, не меньше, чем его новым соседям избавиться от него. Слишком много всего непонятного произошло за этот день, и ему хотелось как можно скорее оказаться дома. И чтобы единственным обществом был облезлый пес и дешевая бутылка виски. Больше всего сейчас Ян хотел выкинуть из головы девушку с красивым именем Линда. И не думать о том, что должно было случиться с ней, если теперь она боится чуть ли не собственной тени. И что заставило молодую девушку с детьми приехать в этот захудалый городок и поселиться в полуразвалившемся доме.

Ян не желал думать об этом. Он не хотел знать. Его это не волновало.

Его не должно это волновать!

Линде казалось, что ее сердце сейчас разорвется. Раньше она никогда не оставляла детей одних, по своей воле. Довольно часто, муж в наказание, запирали детей в квартире, а ее уводил с собой в гараж, где подрабатывал, разбирая машины на запчасти. И тогда, она не могла ни о чем думать, как только быстрее вернуться домой. Именно в такие дни она готова была терпеть любые побои, лишь бы не оставлять Курта и девочек одних. Она знала, что те в ужасе и проплачут, все то время, пока ее не будет. Но и в эти дни не обходилось без тумачков. И когда Райли, все же, позволял ей вернуться к детям, она была вынуждена прятать очередной синяк или ссадину.

А сейчас все было иначе. Она сама оставляла их одних. И сколько она не уговаривала их, сколько не обещала, что скоро вернется, страх не оставлял детских лиц. Сара и Дора хлюпали носом, и терли покрасневшие глаза кулачками, а Курт просто с отчаянием смотрел на нее, и Линда знала, что он не заплачет.

— Солнышки, не надо больше плакать. Я вернусь очень быстро. Все будет хорошо, я обещаю. — убеждала Линда детей.

— Почему ты не возьмешь наф тоже, мамочка? — спросила Сара, задирая подол, выцветшего платица, чтобы утереть нос.

— Потому что я иду на работу. Туда нельзя маленьким девочкам. Там очень жарко от плиты и много грязной посуды. А мамочке надо ее помыть. Когда я помою ее, то сразу приду домой.

— Папа опять фтанет обижать тебя, мамочка?

Линда дернулась, но постаралась удержать улыбку на лице.

— Ну что ты, солнышко. — ласково сказала Линда, высвободив подол из пальчиков Сары и прикрывая белые трусики. — Никто меня не обидит. Там нет папы, детка. Там только хорошие люди. И миссис Дойл. Ты же помнишь миссис Дойл?

Девочки закивали рыжими головками.

— Курт. — позвала Линда и дождавшись, когда мальчик подойдет, приобняла его за плечи. — Ты остаешься — за старшего. Ты очень умный мальчик, правда?

— Он как Файмон, да мама? — спросила Дора.

— Да. Как Саймон. Курт, ничего не бойся. Возьмите из сумки тетрадь и карандаши, ладно? Нарисуйте что-нибудь красивое. Я приду, и мы приберемся на кухне. Повесим ваши рисунки на стену. Это будет очень красиво. А когда Саймон вечером вернется, мы покажем ему, что вы нарисовали.

Линда прекрасно видела, что ее уговоры ни к чему не привели. Дети были напуганы. К тому же сам дом был чужим. И если в их квартире у детей были хоть игрушки и телевизор, то тут, кроме, на половину, разрисованной, тетради и нескольких цветных карандашей, ничего не было. Она крепко расцеловала всхлипывающих дочерей в щечки, Курта прижала к себе, погладив мальчика по спине, и коснулась губами его макушки.

— Я скоро вернусь.

Каждый шаг давался с трудом, но Линда заставила себя выйти из дома. Она закрыла за собой дверь, пытаясь справиться с дыханием. Вместе с тошнотой к горлу подступали рыдания. Не самое лучшее начало дня. Где взять силы, чтобы пережить все это. Иногда казалось, что ей много-много лет, и впереди нет ничего, за что стоило бы бороться. Если бы

не дети, она бы сдалась уже давно.

Постояв на крыльце пару минут, Линда сошла со ступенек и подошла к Саймону, стоявшему у дороги.

Она весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро пыталась уговорить его остаться дома с детьми. Она убеждала его в том, что ему не нужно работать, она сможет сама содержать их. Если она будет знать, что дети в безопасности и под присмотром, то сможет работать хоть весь день. Но Саймон был не преклонен. Линда не помнила, когда он был таким отчужденным и холодным с ней. Даже слезы сестер его не трогали. Он собрался и вышел из дома, даже не попрощавшись с детьми. А теперь застыл как изваяние, ожидая, когда появится машина их соседа.

Линда волновалась не только за малышей. В той же мере она беспокоилась и о Саймоне. Все, что ей вчера удалось узнать о его работе, так это то, что он трудиться на конюшне, помощником мистера Ривза. И это отнюдь не способствовало ее спокойствию.

— Саймон. — позвала Линда, подойдя к мальчику.

Тот сделал вид, что не слышит ее. Его юное лицо было замкнутым и напряженным. Сердце Линды сжалось от боли.

— Мне пора, Саймон. Я...

— Иди, Линда. Если не поторопишься, то опоздаешь. — от резкого тона, Линда вздрогнула.

— Просто я хотела сказать тебе, чтобы ты был осторожен. Вот и все. Я знаю, что не должна была заставлять тебя ехать с нами, но не могла оставить тебя там одного. Ты можешь ненавидеть меня сколько хочешь, Саймон, но я не жалею о том, что сделала. Ты хочешь, чтобы я чувствовала себя виноватой? Хорошо. Я чувствую. Но не потому, что увезла тебя и Курта. А потому что не сделала этого раньше.

Отвернувшись, Линда пошла вдоль дороги, по направлению к городу. Но остановившись, вновь повернулась к Саймону.

— Ты вправе злиться на меня. Но ты не должен обижать Курта и сестер. Надеюсь, что завтра, выходя из дома, ты найдешь время сказать им «до свидания».

— Линда... — позвал ее Саймон, когда Линда зашагала прочь.

Но она не обернулась.

* * *

Это утро было одним из редких исключений, когда Ян не боролся с жутким похмельем. Впервые за много дней, на завтрак у него была яичница и сносный кофе. А еще, и это заслуга его вчерашнему порыву, он все это поглощал на чистой кухне. Хотя, помытая посуда, и нормально поставленный стол, конечно, не были эталоном порядка, но, по крайней мере, вчера вечером, он удосужился разобрать тот погром, что устроил накануне.

Ян прекрасно знал, что его не хватит надолго, да и не стремился к праведной жизни, но сегодня был настроен оставаться трезвым. Он так же знал, что и это не гарантия. Через пару часов он может послать это желание к черту и достать бутылку виски из бардачка бронко.

Ян не сразу заметил своего помощника, стоящего возле дороги. Он думал, что тот давно на работе, по крайней мере, на пути к ферме. Добираться туда не ближний свет, тем более на своих двоих. Ян затормозил возле паренька, без особого сожаления обдав его пылью.

— Почему не на работе? — спросил Ян, через открытое окно машины.

— Я не иду на работу. Я больше не буду там работать. — спокойно ответил паренек, но от Яна не ускользнуло сожаление в голосе.

— С чего это? Еще вчера ты был полон энтузиазма. — с насмешкой произнес Ян.

— Всего доброго. — прозвучало в ответ.

Ян в недоумении наблюдал, как Саймон отвернулся и пошел к дому. Сам не понимая зачем, мужчина выскочил из машины и догнал парня.

— А ну ка стой. — приказал он. — Я еще не закончил.

В который раз Ян наблюдал, как этот парнишка принимает оборонительную позицию, словно готовясь к драке. А его испуг был слишком явным, чтобы игнорировать его.

— В чем дело? Почему ты больше не хочешь работать в конюшнях? — стараясь как можно спокойнее, поинтересовался Ян. — Это странно, если совсем недавно, ты заявлял, что эта работа тебе нужна. Так в чем дело, парень?

Видя, что ему ничего не угрожает, кроме вопросов, подросток расслабился. Пару секунд вглядывался в глаза Яна, потом посмотрел на дом, позади себя.

— Не могу. Вот и все.

Не очень содержательный ответ. Но с другой стороны, какое ему до этого дело. Он сам вчера решил не соваться в их дела, о чем прямо заявил Полли. Он и сегодня не поменял своего решения. Почему его должно волновать, хочет Саймон работать или нет. К тому же он изначально не был в восторге от присутствия помощника. А сейчас все должно было стать как прежде.

Больше не видя смысла пребывания здесь, Ян хотел вернуться в машину. Но не успел сделать и пары шагов, как из-за покосившейся двери раздался голосок.

— Файмон?

Потом на крыльцо выскользнуло рыжеволосое создание, в коротеньком платице и зареванным лицом. Она подняла измятый подол к самому лицу, и стала утирать им нос. А уже через мгновение на крыльце появилась и вторая девочка, точная копия первой, только на ней было платье другого цвета. Она плакала, шумно хлюпая носом, но хоть не демонстрировала всему свету трусики.

— Я хочу к мамочке. — плакала вторая девочка, оставаясь за спиной первой.

Саймон бросился к малышам, а они, вытянув ручки, обхватили его шею, стоило ему присесть рядом с ними.

— Тише, не надо плакать. Все хорошо, крошки. Мама скоро вернется. — успокаивал он, поглаживая их по огненным волосам, так разительно отличающимся от черной шевелюры Саймона.

Ян застыл, не в состоянии сдвинуться с места. Вид этих малышей привел его в состояние ужаса. Нет, в них не было ничего ужасного. Они были симпатичные, хоть и зареванные, девочки. Но их вид выворачивал душу Яна наизнанку.

Наконец девочки позволили Саймону немного отстраниться. Он присел на одну из ступенек, а они расположились по обе стороны от него. Вдруг та, что постоянно задирала платье испуганно уставилась на Яна.

— Он побьет мамочку? — тихо спросила она, и ее губа снова задрожала.

Саймон быстро посмотрел на Яна, потом посмотрел на девочку.

— Нет, Сара. Что ты? Он не обидит маму.

— Тогда папа побьет мамочку? — тут же спросила другая малышка.

Ян увидел, как дернулось лицо Саймона и, как он через силу улыбнулся.

— Ни кто не... не побьет вашу маму. Она скоро придет, вот увидите. А теперь идите в дом, я сейчас приду. Где Курт? Найдите его. Давайте, крошки.

Парень завел девочек в дом и повернулся к застывшему неподалеку Яну.

А он не мог оторвать взгляд от двери, за которой скрылись две малышки. Две чудесные, рыжеволосые и темноглазые малышки. Ян сначала думал, что дрожь в руках ему показалась, но посмотрев на них, он убедился, что они дрожат, будто с похмелья. Горло перехватил такой спазм, что ни один глоток виски не сможет его пробить. День назад, он думал, его сердце остановится от вида женщины, похожей на жену. Но сейчас, он сам был готов вырвать его из груди, чтобы оно не болело. Эти девочки стояли перед его глазами как призрак того, что он мог иметь, но не никогда не получит. На какой-то сладкий миг, он позволил себе представить, что это его девочки. Его и Мел. Ведь разве не такими бы они были? Красивые крохи с рыженькими волосами, как у мамы и темными глазенками.

Но иллюзия была мимолетной. Реальность обрушилась беспощадно. И Ян вспомнил не только цвет глаз девочек, но и страх, застывший в них. И их ужасающие слова, которые теперь отдавались в голове мужчины, как набат.

Он посмотрел на Саймона, и его вид, мог сказать гораздо больше, чем он смог бы объяснить словами. И все же Ян не мог не спросить.

— Что, черт возьми, здесь происходит?! — потребовал ответа Ян, более яростно, чем собирался.

Ян сам не мог поверить, что делает это. Видимо, он пропил все свои мозги. Посмотрев в зеркало заднего вида, он едва сдержался, чтобы не заскрежетать зубами. Почему, черт возьми, с ним не случился обморок, когда он велел Саймону усаживать детей в Бронко. Что он собирался делать? Нянчиться с ними весь день?! Но на самом деле похоже на то. И когда он представил, что пока они с Саймоном будут работать, этот выводок станет пугаться под ногами, Ян все же заскрежетал зубами. Саймон с опаской поглядывал на него с соседнего сиденья, и от этого взгляда у Яна скручивало внутренности.

Ян снова посмотрел на троицу, сидевшую на заднем сидении.

— Ей обязательно это делать? — спросил Ян, в непонятной попытке хоть с чего-то начать разговор с парнем.

— Что делать? — переспросил Саймон, тоже посмотрев на детей.

— Жевать свои волосы. У меня от этого ломит в затылке.

— Да, обязательно. Так она успокаивается.

— Ясно. — кивнул Ян, хотя ничего ему было не ясно. — Она твоя сестра?

— Кто, Сара?

— Значит это Сара? А вторая?

— Дора. — ответил Саймон и все же протянул руку и высвободил рыжие прядки из кулачка и рта девочки.

Она недовольно надула губки, но глянув на Яна, промолчала.

— Они... Совсем одинаковые. — зачем-то сказал Ян.

Когда он смотрел на этих девочек, ему хотелось зажмуриться. А еще больше напиться вдрызг.

— Только на первый взгляд. — покачал головой Саймон. — На самом деле, они совсем разные. Сара мало говорит и всего боится. Все время прячется за Дору. А Дора, напротив, та еще болтушка. Часто себе во вред... — Саймон осекся, но потом продолжал. — Иногда кажется, что она старше Сары, но на самом деле наоборот. Дора всегда защищает сестру, но и порой пытается воспитывать.

Саймон с такой любовью говорил о девочках, что Ян не удержался и оглянулся. И увидел как та, что недавно жевала волосы, схватила край своего платица и потянула вверх. Другая же, вернула подол на колени малышки, попутно объясняя сестре, что хорошие девочки так не делают, добавив, что это мама так говорит.

Помолчав, Ян перевел взгляд на Саймона.

— А мальчик? Он всегда такой молчаливый?

— Его зовут Курт.

— Курт. И что же? Он все время молчит?

Этот мальчуган удивлял Яна больше всего. Он вовсе был не похож на нормального ребенка. Он не участвовал в разговоре сестер. Когда девочки принимались играть в ладошки, тот лишь отворачивался к окну. Если Саймон о чем то спрашивал, то мальчик отвечал только кивком, либо качал головой. Да и Саймон задавал свои вопросы так, чтобы на них можно было дать однозначный ответ. А еще этот Курт, с ужасом смотрел на самого Яна. Словно тот мог наброситься на него в любую минуту.

Саймон так и не ответил. Он сжал губы, явно давая понять, что больше разговаривать,

не намерен. Яну, надо бы, на этом успокоиться и прекратить расспросы. Но сегодня он сам не узнавал себя. Его что-то беспокоило и не давало покоя, не позволяя вернуться к состоянию безразличия ко всему.

Он готов был придушить добрейшую женщину Полли Дойл, за то, что подсунула ему в соседи эту семейку.

Ян не был дураком, чтобы не понять, кто-то обижал детей и их мать. Потому что невозможно было забыть вопросы, заданные перепуганной малышкой. "Он побьет мамочку?" "Значит, папа побьет мамочку?"

От воспоминания об этом у Яна по спине ползли мурашки. А перед глазами вновь и вновь вставала девушка с темными глазами и веснушками, ярко проступающими на бледном лице. Он не хотел даже думать об этом, и все же не мог отделаться от воспоминания ее хрупкого тела в его руках.

— Кто она тебе? Линда. Ты слишком взрослый, чтобы быть ее сыном. Так кто она тебе?

Саймон напряженно посмотрел на Яна, наверное, решая, стоит ли рассказывать постороннему мужчине подробности их семьи. Ян понимал его, и не понимал себя, в своем стремлении что-то о них узнать.

— Мачеха. Она моя мачеха. — вдруг ответил Саймон. — Курт тоже ей не сын. Только Дора и Сара ее дочери. На этом все мистер Ривз? Или будут еще вопросы? Куда мы едем? К шерифу? Да? За этим вы заставили нас ехать с вами? Давайте! Только у вас ничего не выйдет. Ничего плохого Линда не сделала. Она наш опекун, так что зря время теряете. И она не преступница. И это подло увозить нас, пока ее нет, хотя чего ждать от такого как вы?

Ян просто остолбенел от этого выпада. Он даже остановил машину и повернулся к подростку. Тот выпрямился на сиденье и с вызовом задрал подбородок, хоть в его глазах и застыл испуг.

— И что все это значит? — усмехнулся Ян, хотя ему было не до смеха. — Чего ты разошелся? Я уже сказал, что можешь взять детей с собой на работу. Вреда не будет, если они побегают на воздухе, пока их мать работает. А в обед, когда она освободится, я отвезу их домой. С чего ты взял, что я еду к шерифу? Мне плевать на тебя и твою Линду, ясно? — уже хмурясь, гаркнул Ян. — Будь она хоть психованной маньячкой. У меня самого забот полно, чтобы еще и о вашем чокнутом семействе думать. Не хочешь ехать дальше, забирай малявок и вылезай из машины. А еще раз вздумаешь огрызаться, я надеру твою дерзкую задницу!

Не стоило угрожать поркой. Ян это понял в туже секунду, как только слова сорвались с губ. Если минуту назад с заднего сидения доносились голоса девочек, споривших о том, какого цвета должна быть фея, то сейчас в автомобиле наступила оглушительная тишина. А еще недавний дерзкий подросток побледнел и сжался на сиденье. Обернувшись, Ян увидел, что Сара и Дора прижались друг к другу, а Курт зажмурился.

Яну сделалось не хорошо. Его замутило так, что съеденный завтрак стал тяжелым камнем в желудке. Он уже открыл рот, чтобы выругаться, но снова закрыл его, побоявшись усугубить ситуацию. Именно в этот момент он пожалел, что вообще проснулся сегодня утром.

Он сжал руль с такой силой, что слышал хруст суставов. Потом откинулся на сидении и сделал пару глубоких вдохов. Ему не нравилось, во что стала превращаться его жизнь. Ему вообще не нравилась его жизнь, а теперь она превратилась в какой-то калейдоскоп, в котором крутились лица перепуганных детей, и их, не менее испуганной, матери. И то, что именно он стал причиной их страха, выворачивало его наизнанку. Мало ему чувства вины за свою жену, так еще и это.

Не зная как поступить дальше, Ян просто опять завел машину и тронулся с места.

Когда они, наконец, приехали на работу, то напряжение в машине не ослабло ни на йоту.

До обеда время тянулось бесконечно долго. Даже с похмелья Яну не работалось так тяжело, как под взглядами детей, что они бросали на него, стоило ему пройти мимо. Да и он сам время от времени поглядывал на них, с каким-то странным облегчением наблюдая, что когда он находится от них на расстоянии, они немного расслаблялись. Более шустрая девочка, кажется Дора, рвала траву и складывала ее в прохудившееся ведро, которое ей дал Саймон, убеждая более робкую сестру, что это для лошадки. А ее сестра, возилась с полевыми цветами, которые для нее нарвал Курт. Мальчик же неотрывно наблюдал за Саймоном, если его не отвлекали сестры. В принципе, они не доставляли хлопот ни Саймону, не Яну, явно привыкшие тихонько играть и не путаться под ногами. И Яну не хотелось бы знать, как вырабатывалось такое послушание. Но не думать об этом он не мог. Он старался непрерывно что-то делать, но даже это не помогало. Миллион вопросов крутилось в его голове, на которые он не хотел знать ответы.

И как не противился, не мог не смотреть время от времени в сторону игравших сестер. Он увидел, как Саймон повел девочек за сарай, а потом заботливо поправлял их платица. Как поил их водой, мыл перепачканные руки, и следил, чтобы панамки не сползали с их рыжих кудряшек, оберегая от солнца. Как Курт старается держаться поближе к Саймону, иногда цепляясь за штанину или рукав рубашки, и это не вызывало в подростковке ни капли раздражения. Он просто отцеплял детские пальчики, трепал мальчика по голове и шел выполнять свои обязанности.

В такие моменты, Ян, почему-то начинал задыхаться, и поэтому отворачивался, отсчитывая минуты, когда эта пытка закончится и он отвезет детей в их полуразвалившийся дом. И ему приходилось раз за разом повторять себе, что все это не его дело. И его это не касается. Ему плевать на себя и все вокруг. А потом вспоминал свою жену и ему, почему-то становилось нестерпимо стыдно.

* * *

Может для кого-то, работать посудомойкой и было не лучшим вариантом, но не для Линды. А если учесть, что это была ее первая работа, она чувствовала себя почти счастливой. Если бы еще не бесконечное беспокойство об оставленных дома детях, то Линда смогла бы даже заплакать от радости. Она знала, что они не выйдут из дома, и знала, что будут тихонько играть, пока она не придет. Но так же она знала, что Сара будет плакать, а Дора утешая сестру, заплачет вслед за ней. Знала, что Курт будет вздрагивать от каждого шороха, но не заплачет. И как она его и просила, присмотрит за сестрами.

Девушка изо всех сил старалась сосредоточиться на своих обязанностях. Она во что бы то ни стало должна сохранить эту работу, чтобы у детей была горячая еда и крыша над головой. А может со временем, она сможет купить Курту и девочкам новую одежду. А Саймону больше не нужно будет работать вместе с тем ужасным мужчиной, от которого пахло мылом и виски, и этот запах она ненавидела. Слишком хорошо она знала, каким безумным может быть человек, когда он пьян.

В животе заурчало, и Линда поглубже вздохнула, пытаясь избавиться от сосущего

чувства голода. Покормив детей, она оставила им немного печенья и яблок на то время, пока ее не будет. Сама же сделала только пару глотков сока из коробки, умоляя малыша внутри живота, простить ее. Она просила его немного потерпеть.

Ближе к обеду, Полли Дойл попросила ее пройти к ней в кабинет, где дала ключи от кладовки, как и обещала. Линда счастливая, выбрала круглый стол для кухни, несколько стульев и небольшой шкаф. Миссис Дойл обещала, что попросит, кого ни будь все это ей привести, а потом дала немного денег в счет зарплаты. Когда Линда выходила из кабинета хозяйки ресторана, Полли Дойл спросила с кем остались дети, и, услышав ответ, нахмурилась, но ничего не сказала. Вновь вставая к мойкам с посудой, Линда благодарила Бога, в которого почти перестала верить, за чудесную женщину с красными волосами, за миссис Полли Дойл.

Ян сам не мог поверить, что делает это. Видимо, он пропил все свои мозги. Посмотрев в зеркало заднего вида, он едва сдержался, чтобы не заскрежетать зубами. Почему, черт возьми, с ним не случился обморок, когда он велел Саймону усаживать детей в Бронко. Что он собирался делать? Нянчиться с ними весь день?! Но на самом деле похоже на то. И когда он представил, что пока они с Саймоном будут работать, этот выводок станет пугаться под ногами, Ян все же заскрежетал зубами. Саймон с опаской поглядывал на него с соседнего сиденья, и от этого взгляда у Яна скручивало внутренности.

Ян снова посмотрел на троицу, сидевшую на заднем сидении.

— Ей обязательно это делать? — спросил Ян, в непонятной попытке хоть с чего-то начать разговор с парнем.

— Что делать? — переспросил Саймон, тоже посмотрев на детей.

— Жевать свои волосы. У меня от этого ломит в затылке.

— Да, обязательно. Так она успокаивается.

— Ясно. — кивнул Ян, хотя ничего ему было не ясно. — Она твоя сестра?

— Кто, Сара?

— Значит это Сара? А вторая?

— Дора. — ответил Саймон и все же протянул руку и высвободил рыжие прядки из кулачка и рта девочки.

Она недовольно надула губки, но глянув на Яна, промолчала.

— Они... Совсем одинаковые. — зачем-то сказал Ян.

Когда он смотрел на этих девочек, ему хотелось зажмуриться. А еще больше напиться вдрызг.

— Только на первый взгляд. — покачал головой Саймон. — На самом деле, они совсем разные. Сара мало говорит и всего боится. Все время прячется за Дору. А Дора, напротив, та еще болтушка. Часто себе во вред... — Саймон осекся, но потом продолжал. — Иногда кажется, что она старше Сары, но на самом деле наоборот. Дора всегда защищает сестру, но и порой пытается воспитывать.

Саймон с такой любовью говорил о девочках, что Ян не удержался и оглянулся. И увидел как та, что недавно жевала волосы, схватила край своего платица и потянула вверх. Другая же, вернула подол на колени малышки, попутно объясняя сестре, что хорошие девочки так не делают, добавив, что это мама так говорит.

Помолчав, Ян перевел взгляд на Саймона.

— А мальчик? Он всегда такой молчаливый?

— Его зовут Курт.

— Курт. И что же? Он все время молчит?

Этот мальчуган удивлял Яна больше всего. Он вовсе был не похож на нормального ребенка. Он не участвовал в разговоре сестер. Когда девочки принимались играть в ладошки, тот лишь отворачивался к окну. Если Саймон о чем то спрашивал, то мальчик отвечал только кивком, либо качал головой. Да и Саймон задавал свои вопросы так, чтобы на них можно было дать однозначный ответ. А еще этот Курт, с ужасом смотрел на самого Яна. Словно тот мог наброситься на него в любую минуту.

Саймон так и не ответил. Он сжал губы, явно давая понять, что больше разговаривать,

не намерен. Яну, надо бы, на этом успокоиться и прекратить расспросы. Но сегодня он сам не узнавал себя. Его что-то беспокоило и не давало покоя, не позволяя вернуться к состоянию безразличия ко всему.

Он готов был придушить добрейшую женщину Полли Дойл, за то, что подсунула ему в соседи эту семейку.

Ян не был дураком, чтобы не понять, кто-то обижал детей и их мать. Потому что невозможно было забыть вопросы, заданные перепуганной малышкой. "Он побьет мамочку?" "Значит, папа побьет мамочку?"

От воспоминания об этом у Яна по спине ползли мурашки. А перед глазами вновь и вновь вставала девушка с темными глазами и веснушками, ярко проступающими на бледном лице. Он не хотел даже думать об этом, и все же не мог отделаться от воспоминания ее хрупкого тела в его руках.

— Кто она тебе? Линда. Ты слишком взрослый, чтобы быть ее сыном. Так кто она тебе?

Саймон напряженно посмотрел на Яна, наверное, решая, стоит ли рассказывать постороннему мужчине подробности их семьи. Ян понимал его, и не понимал себя, в своем стремлении что-то о них узнать.

— Мачеха. Она моя мачеха. — вдруг ответил Саймон. — Курт тоже ей не сын. Только Дора и Сара ее дочери. На этом все мистер Ривз? Или будут еще вопросы? Куда мы едем? К шерифу? Да? За этим вы заставили нас ехать с вами? Давайте! Только у вас ничего не выйдет. Ничего плохого Линда не сделала. Она наш опекун, так что зря время теряете. И она не преступница. И это подло увозить нас, пока ее нет, хотя чего ждать от такого как вы?

Ян просто остолбенел от этого выпада. Он даже остановил машину и повернулся к подростку. Тот выпрямился на сиденье и с вызовом задрал подбородок, хоть в его глазах и застыл испуг.

— И что все это значит? — усмехнулся Ян, хотя ему было не до смеха. — Чего ты разошелся? Я уже сказал, что можешь взять детей с собой на работу. Вреда не будет, если они побегают на воздухе, пока их мать работает. А в обед, когда она освободится, я отвезу их домой. С чего ты взял, что я еду к шерифу? Мне плевать на тебя и твою Линду, ясно? — уже хмурясь, гаркнул Ян. — Будь она хоть психованной маньячкой. У меня самого забот полно, чтобы еще и о вашем чокнутом семействе думать. Не хочешь ехать дальше, забирай малявок и вылезай из машины. А еще раз вздумаешь огрызаться, я надеру твою дерзкую задницу!

Не стоило угрожать поркой. Ян это понял в туже секунду, как только слова сорвались с губ. Если минуту назад с заднего сидения доносились голоса девочек, споривших о том, какого цвета должна быть фея, то сейчас в автомобиле наступила оглушительная тишина. А еще недавний дерзкий подросток побледнел и сжался на сиденье. Обернувшись, Ян увидел, что Сара и Дора прижались друг к другу, а Курт зажмурился.

Яну сделалось не хорошо. Его замутило так, что съеденный завтрак стал тяжелым камнем в желудке. Он уже открыл рот, чтобы выругаться, но снова закрыл его, побоявшись усугубить ситуацию. Именно в этот момент он пожалел, что вообще проснулся сегодня утром.

Он сжал руль с такой силой, что слышал хруст суставов. Потом откинулся на сидении и сделал пару глубоких вдохов. Ему не нравилось, во что стала превращаться его жизнь. Ему вообще не нравилась его жизнь, а теперь она превратилась в какой-то калейдоскоп, в котором крутились лица перепуганных детей, и их, не менее испуганной, матери. И то, что именно он стал причиной их страха, выворачивало его наизнанку. Мало ему чувства вины за свою жену, так еще и это.

Не зная как поступить дальше, Ян просто опять завел машину и тронулся с места.

Когда они, наконец, приехали на работу, то напряжение в машине не ослабло ни на йоту.

До обеда время тянулось бесконечно долго. Даже с похмелья Яну не работалось так тяжело, как под взглядами детей, что они бросали на него, стоило ему пройти мимо. Да и он сам время от времени поглядывал на них, с каким-то странным облегчением наблюдая, что когда он находится от них на расстоянии, они немного расслаблялись. Более шустрая девочка, кажется Дора, рвала траву и складывала ее в прохудившееся ведро, которое ей дал Саймон, убеждая более робкую сестру, что это для лошадки. А ее сестра, возилась с полевыми цветами, которые для нее нарвал Курт. Мальчик же неотрывно наблюдал за Саймоном, если его не отвлекали сестры. В принципе, они не доставляли хлопот ни Саймону, не Яну, явно привыкшие тихонько играть и не путаться под ногами. И Яну не хотелось бы знать, как вырабатывалось такое послушание. Но не думать об этом он не мог. Он старался непрерывно что-то делать, но даже это не помогало. Миллион вопросов крутилось в его голове, на которые он не хотел знать ответы.

И как не противился, не мог не смотреть время от времени в сторону игравших сестер. Он увидел, как Саймон повел девочек за сарай, а потом заботливо поправлял их платица. Как поил их водой, мыл перепачканные руки, и следил, чтобы панамки не сползали с их рыжих кудряшек, оберегая от солнца. Как Курт старается держаться поближе к Саймону, иногда цепляясь за штанину или рукав рубашки, и это не вызывало в подростковом возрасте ни капли раздражения. Он просто отцеплял детские пальчики, трепал мальчика по голове и шел выполнять свои обязанности.

В такие моменты, Ян, почему-то начинал задыхаться, и поэтому отворачивался, отсчитывая минуты, когда эта пытка закончится и он отвезет детей в их полуразвалившийся дом. И ему приходилось раз за разом повторять себе, что все это не его дело. И его это не касается. Ему плевать на себя и все вокруг. А потом вспоминал свою жену и ему, почему-то становилось нестерпимо стыдно.

* * *

Может для кого-то, работать посудомойкой и было не лучшим вариантом, но не для Линды. А если учесть, что это была ее первая работа, она чувствовала себя почти счастливой. Если бы еще не бесконечное беспокойство об оставленных дома детях, то Линда смогла бы даже заплакать от радости. Она знала, что они не выйдут из дома, и знала, что будут тихонько играть, пока она не придет. Но так же она знала, что Сара будет плакать, а Дора утешая сестру, заплачет вслед за ней. Знала, что Курт будет вздрагивать от каждого шороха, но не заплачет. И как она его и просила, присмотрит за сестрами.

Девушка изо всех сил старалась сосредоточиться на своих обязанностях. Она во что бы то ни стало должна сохранить эту работу, чтобы у детей была горячая еда и крыша над головой. А может со временем, она сможет купить Курту и девочкам новую одежду. А Саймону больше не нужно будет работать вместе с тем ужасным мужчиной, от которого пахло мылом и виски, и этот запах она ненавидела. Слишком хорошо она знала, каким безумным может быть человек, когда он пьян.

В животе заурчало, и Линда поглубже вздохнула, пытаясь избавиться от сосущего

чувства голода. Покормив детей, она оставила им немного печенья и яблок на то время, пока ее не будет. Сама же сделала только пару глотков сока из коробки, умоляя малыша внутри живота, простить ее. Она просила его немного потерпеть.

Ближе к обеду, Полли Дойл попросила ее пройти к ней в кабинет, где дала ключи от кладовки, как и обещала. Линда счастливая, выбрала круглый стол для кухни, несколько стульев и небольшой шкаф. Миссис Дойл обещала, что попросит, кого ни будь все это ей привести, а потом дала немного денег в счет зарплаты. Когда Линда выходила из кабинета хозяйки ресторана, Полли Дойл спросила с кем остались дети, и, услышав ответ, нахмурилась, но ничего не сказала. Вновь вставая к мойкам с посудой, Линда благодарила Бога, в которого почти перестала верить, за чудесную женщину с красными волосами, за миссис Полли Дойл.

Ян знал, что совершает ошибку. Большую ошибку, которая принесет только неприятности. И, тем не менее, затормозил возле дома, который намеревался привести в порядок. И сам не верил в то, что собирался сделать.

Прошла неделя, с тех пор, как он приближался к дому, в котором поселилась семья, всколыхнувшая сплетни всего городишки. Он вспомнил, как и сам стал причиной пересудов и неумного интереса. Он прекрасно помнил, как желая для себя одиночества, то и дело был вынужден отделяться от заботливых кумушек с их печевом и домашними бульонами.

И теперь то же самое переживала и Линда. Он видел ее не так часто, и то мельком. Иногда, когда она выходила через черный ход ресторана, заканчивая свою рабочую смену, в ресторане. И спешила с пакетами домой, где ее ждали дети. С того памятного дня, когда он привез их и увидел их мать, лежащую на земле, Ян больше не позволял Саймону забирать их на работу. А порой, он видел ее, проезжая мимо их дома. Она, под палящими лучами солнца, боролась с сорняками, на лужайке перед домом.

И Ян, учитывая, в каком плачевном состоянии находилась семья, когда оказалась в городе, он думал, что помощь местных благодетельниц им не помешает. Но он ошибался. Вчера вечером, возвращаясь с фермы домой, он решил подвести Саймона. День был тяжелый, и мальчишка валился с ног. Притормозив, он застал картину, которая заставила его принять решение, помочь им в ремонте дома.

Линда, с каким-то маниакальным остервенением, пыталась приподнять перекошенную дверь, и прибить вырванную верхнюю петлю. Не замечая, ни подъехавшей машины, не спешащего к ней Саймона, она снова и снова тянула и тянула дверь, стараясь удержать молоток в другой руке. И, судя по ее измученному виду, по влажным пятнам на спине, это продолжалось довольно долго.

Ян сидел и понимал, что должен нажать на педаль газа и уехать. Но продолжал смотреть, как Саймон подбежал к девушке, выхватил у нее молоток. Как она, дернувшись, отпустила край двери, от чего она вновь косо повисла на одной петле. Как Линда устало опустилась на ступени крыльца и закрыла лицо руками. Ян видел как Саймон заправил выбившиеся рыжие пряди под цветной косок, надетый на голову девушки, а потом увел мачеху в дом.

А он остался и сидел в своем "бронко", не понимая, что терзает его больше, образ измученной женщины, колотившей дверь, или похмелье. И как бы он не хотел, чтобы ответом был второй вариант, прекрасно понимал, что это не так. Не так и много он выпил накануне, чтобы мучиться весь день похмельем. И уж не ему ли это знать. А утром, Саймон рассказал Яну, что местные жители совсем не считаются с желанием Линды и детей, к уединению. Они, не церемонясь, входят в дом, иногда даже не постучав. И если малышки, еще, более-менее, сносно реагируют, то Курту приходится не сладко. И вместо того, чтобы чувствовать себя более спокойно, он с каждым днем становился все более пугливым и нервным. Причиной срыва Линды стал приход троих дам, местного общества, решивших навестить и предложить свою помощь новым жителям города. Но по большей части, скорее удовлетворить свое любопытство. Они вошли в дом именно тогда, когда Линда была на работе. И конечно, дети, которые и так боялись каждого шороха, это Ян знал не понаслышке, перепугались трех галдящих женщин. Впоследствии, Линде пришлось уговаривать Курта

вылезти из-за шкафа. Тут-то Линда, движимая инстинктом защитить детей, взялась за молоток. Но если сорняки и пыль были ей по плечу, то плотницкие порывы были для хрупкой Линды не под силу.

И Ян, сам еще пока не веря в то, что делает это, стоял сейчас возле дома девушки, которая и пугала его и странным образом притягивала, не давая отделаться от чувства, названия которому Ян дать не мог. В кузове его «Бронко» лежала сумка с инструментами и все необходимое для починки двери, а еще дерево материалы для ремонта крыльца. Который готов был проломиться в любую минуту.

Он знал, что сегодня Линда дома, так как у нее был выходной. Было раннее утро, и вероятнее всего, что и Саймон еще не ушел. Сегодня мальчишке предстояло поработать в компании другого работника фермы. Отсутствие Яна ни кого не удивит. Он работал только тогда, когда считал необходимым. Когда он не являлся, то на его место перекидывали кого-то другого.

Ян помедлил еще пять минут, потом перевязал лоб платком, надел шляпу и вышел под лучи утреннего солнца. Подойдя к злополучной двери, Ян услышал смех девочек, мягкий голос Линды, уговаривающей Саймона взять с собой обед. Он услышал, как Саймон согласился, придав голосу излишнюю раздраженность, чтобы сделать вид, что ему претит вся эта суета вокруг него. Но на самом деле был рад заботе и вниманию мачехи. Потом, Ян услышал, словно что-то упало, и в доме поднялся невообразимая суета. Линда просила принести полотенце, Саймон уговаривал Дору отдать сестре кружку, все равно она теперь пустая. Все это было так по-семейному, так обыденно. И сейчас эта семья напоминала тысячи семей в той утренней суете. Но все изменилось в одну секунду, стоило Яну постучать.

Он лишь надеялся, что его услышат, за всей этой какофонией детских голосов. Он явно не до оценил привычную настороженность этой семьи. За какое то мгновение все звуки стихли. А потом Ян увидел Линду, через щель, из-за перекошенной двери.

Она открыла ее, чуть приподняв. Ян был рад тому, что девушка лишь вопросительно посмотрела на него, не проявив обычного страха.

— Здравствуйте. Я могу чем-то помочь? — вежливо спросила она и оглянулась, наверное, желая вернуться в дом к детям.

Когда Ян не ответил, потому что в очередной раз поразился, как похожа на его жену эта девушка. И в то же время понимая, что различий между ними все же больше.

— Вы пришли за Саймоном? — обеспокоенно спросила она, так и не дождавшись ответа.

— Нет. — все же выдавил Ян, хоть и было искушением солгать.

Он все еще мог отступить. Просто сказать, что зашел за помощником, и поехать на ферму. Отработать несколько часов, а потом отправиться в местный бар и напиться. А может просто остаться дома и напиться в так полюбившемся ему одиночестве.

Но потом увидел как Линда, нервно заправила вьющийся локон за ухо. Как пальцами сцепила ворот застиранной клетчатой рубашки. И вспомнил, как эти тонкие пальцы сжимали рукоятку молотка.

— Нет. — повторил Ян. — Я не к Саймону. Я пришел, чтобы... Я починю вам дверь и крыльцо.

Сказать, что Линда удивилась, было бы неправдой. Она скорее растерялась. Автоматически покачала головой, словно отказываясь. Потом хотела что-то сказать, но

передумала и нахмурилась.

— Но разве я... Извините, но я не... — снова попыталась сказать Линда.

— Послушаете. — перебил ее Ян. — Полли Дойл сказала, что вам необходимо починить дверь. Ведь так? Вот я и пришел. И чем раньше я начну, тем скорее закончу.

— Да. Да, я понимаю. Но... — девушка в замешательстве посмотрела на Яна. — Полли Дойл?

Ян кивнул, чувствуя, как спина покрывается потом. Он и сам не понимал от чего. То ли от жары, хотя утром было не так уж и жарко. Или от взгляда этих огромных карих глаз, на бледном лице, усыпанном веснушками.

— Это очень любезно с ее стороны. Но не стоит. Правда. Все и так хорошо. Спасибо. Извините за потраченное время, но...

— Я уже привез материалы. — твердо сказал Ян, тут же отметив, как слегка вздрогнула Линда.

А потом она повернула голову и увидела его машину, со стройматериалами в кузове. И тут ее реакция была не понятна Яну. Девушка залилась румянцем, и закусил губу, явно от огорчения. Ян почувствовал себя идиотом. Он уже и так пожалел о том, что приехал сюда. И о своей дурацкой затее. Но уже очень скоро он понял, почему Линда так огорчилась. Она робко улыбнулась, отчего у Яна заломило в затылке, а потом вздохнула.

— У меня нет денег. Мне очень-очень жаль, мистер Ривс, но я не могу пока позволить себе ремонт. Извините, что вам пришлось потратить свое время.

Об этом он не подумал. Он понимал, что говорить о том, что деньги ему не нужны, не имеет смысла. Она не примет его помощи, как не принимала помощи и от других жителей городка. Но и сообразить, как выкрутиться не мог. Он не заметил, что нахмурился, пока не понял, что напугал Линду. Она сделала шаг назад и застыла, а ее дыхание почти замерло. Ян похолодел. Она испугалась его реакции. И явно ожидала, что он взбесится.

— Вы и не должны платить мне. — как можно беспечнее сказал Ян, намеренно делая вид, что внимательно осматривает доски крыльца. — Я уже получил плату от владелицы дома. Так что, если можно, я начну.

— Сейчас?

— Да. Сейчас.

— Вам заплатила миссис Дойл?

— Совершенно верно. — бессовестно лгал Ян, надеясь, что успеет предупредить хозяйку ресторана. — Это ведь ее дом, так? Поэтому и заплатила она.

— Да. Да, ее. Но...

— Ну, тогда, пожалуй, я начну.

— Чем я могу помочь? — спросила Линда.

Единственное, что хотел в данную минуту Ян, чтобы девушка вошла в дом. Она волновала его, и это ощущение приводило Яна в смятение. До этого дня он объяснял себе это тем, что она чем-то напоминала ему умершую жену. Но теперь он понимал, что дело в другом. Не желая разбираться в этом, Ян отвернулся и, сбегав со ступенек, но, не дойдя до машины, обернулся.

Линда по-прежнему стояла на крыльце.

— Если можно, то пока идет ремонт, не разрешай детям выходить одним. Это будет не безопасно.

— Они не выйдут. Спасибо.

Линда вернулась в дом, а Ян все продолжал стоять и смотреть на дверной проем. Интересно, эта девушка хоть понимает, что ее юбка хоть и длинная, но с таким же успехом ее и вовсе могло не быть. Из-за солнца, она так просвечивала, что Ян прекрасно мог рассмотреть ноги Линды. Стройные ноги. Ян встряхнул головой. И разозлился. Он подошел к машине и прислонился к ней, чувствуя на своих плечах груз собственной вины. О чем он думает, черт возьми! Он пришел, чтобы починить проклятую дверь, а не рассматривать ножки какой-то девушки. Но самое ужасное было не в том, что он увидел их, это было трудно не заметить. Его разозлило то, что он почувствовал, когда это случилось. То же самое Ян испытал, когда держал эту хрупкую девушку на своих руках и пытался привести в сознание. Чувство, которое заставило его сбежать, как последнего труса, пока Линда плакала, обнимая детей.

Интерес. К женщине. Впервые с тех пор, как похоронил единственную женщину, которую любил, он испытал интерес к другой. Это было даже не желание. Просто он увидел, что у девушки в его руках, светлая, матовая кожа, а ее веснушки скорее золотистые, чем рыжие. Что ресницы темно-коричневые, с выгоревшими, а потому более светлыми, кончиками. Что сама Линда тоненькая и легкая и тем не мене, не была лишена женственных форм. А теперь он знал, какая у нее улыбка.

Когда она улыбалась, ее подбородок еще больше заострялся, а на левой щеке появлялась ямочка.

Достав из машины бутылку с водой, Ян сделал щедрый глоток, на минуту борясь с искушением достать из бардачка другую бутылку. Но понадеялся, что физический труд поможет ему прийти в чувство. А вернее вернуться к тому состоянию равнодушия, к которому привык. А напиток он может и позже, когда вернется домой. Обругает по привычке приبلудившегося пса, выпьет виски и ляжет спать. А завтра все будет как прежде.

С этими мыслями, Ян принялся разгружать материалы.

Линда и так прекрасно знала, что она самая большая трусиха. Но сейчас она чувствовала себя еще и очень глупой. Потому что стоять двадцать минут и не решаться выйти из дома, это было глупо. Но если бы только ей нужно было выйти, то это не стало бы проблемой, она могла воспользоваться черным выходом. Причина ее нерешительности была в том, что ей никак не удавалось набраться смелости пригласить мистера Ривса на обед.

А еще Линда чувствовала себя виноватой, за то, что не отважилась принести ему воды. Так что трудившемуся мужчине приходилось самому набирать воду из колодца, чтобы освежиться. Солнце давно стояло в зените и палило так, что воздух дрожал, под его лучами. Линда не раз видела, как работник скидывал платок и обливался ледяной водой, а потом в промокший насквозь вновь принимался за работу.

Это было напряженное начало дня. Она-то наивно полагала, что сегодня она проведет спокойный день с детьми, не пытаясь избежать любопытства и неумных вопросов местных жителей. Хоть ненадолго забудет обо всем и просто проведет несколько беззаботных часов с дочерьми и Куртом. К тому же, занимаясь уборкой каждый день после работы, она привела оба этажа в порядок и не могла не радоваться чистым, хоть и скудно обставленным комнатам.

Теперь у них была большая спальня для нее самой с девочками и Курта. И поменьше, для Саймона.

Теперь Саймон мог спать отдельно от остальных детей, что было ему необходимо. Правда, пару раз Курт перебирался к нему. Саймон, по-прежнему отказывался уйти с работы, утверждая, что не собирается висеть камнем на шее Линды. Эти слова, почему-то, ранили девушку, но и одновременно вселяли какую-то гордость. Иногда ей казалось, что с каждым днем она теряет Саймона. Он уже не говорил с ней, так как раньше. Он ничего не рассказывал о работе, только самое поверхностное. Минимум информации. Старался уединиться наверху, оставляя играющих ребятишек с ней, на первом этаже. Он мог нагрубить ей, или просто посмотреть так, словно ненавидит ее.

Но порой он вновь становился тем мальчиком, которого она знала до их приезда в этот город. Случайно замечала его добрый взгляд, направленный на нее. Проявлял заботу и внимание, особенно когда видел, что она на исходе сил.

Но Линда не решалась заговорить с ним о причинах его переменчивости.

Как не решалась пригласить мужчину, который отремонтировал ее крыльцо, пообедать. Дети уже поели и теперь спали, хоть и утверждали, что вовсе не устали и не хотят спать.

Линда в который раз вытерла вспотевшие ладони об юбку, и поправила волосы, стянутые на затылке в узел. Поглубже вздохнула и подошла к проему, который теперь не закрывала дверь. Мистер Ривс снял ее с петель, заменил их, исправил недостатки самой двери. А теперь занимался крыльцом.

Мужчина не заметил, как Линда подошла, и продолжал распиливать деревянный брус, прижав его ногой и удерживая другой край рукой. Его кожа, не прикрытая майкой, лоснилась от пота, демонстрируя загар. Этот мужчина был в прекрасной физической форме, явно привыкший к труду. Его большие мускулистые руки могли бы привести Линду в восторг, если бы так не пугали. Тем более она уже знала, с какой легкостью они могли ее держать.

Единственное, что придавало смелости Линде, было то, что, кажется, сегодня мистер Ривс был трезв. Потому что, как бы не был страшен Райли, всего ужаснее он был тогда, когда был пьян.

Отгнав воспоминания подальше, Линда сделала еще один шаг вперед.

— Мистер Ривс. — позвала она.

Он вскинул голову, не выпуская из рук пилы, поправил платок, повязанный на лбу, и выпрямился во весь рост. Он лишь смотрел на нее, не произнося ни слова.

— Вы могли бы... Я подумала... Может... — Линда сдалась, понимая, что все напрасно. — Извините. — совсем тихо произнесла она и опустила голову.

Когда-то она не была такой трусихой. И не заикалась как идиоткой. Но теперь, у нее поджилки тряслись от мысли, что это мужчина войдет с ней в дом. И они останутся одни, пока дети спят наверху.

— Что-то случилось? — услышала она слишком близко, и вскинула голову.

Он стоял уже близко, засунув большие пальцы в джинсы, и испытующе смотрел на нее. И не было ничего угрожающего ни в его позе, да и вообще он выглядел замечательно. Наверное, впервые с тех пор, как Линда увидела его, она заметила какой он привлекательный. Не красивый, нет. Притягательный в своей мужественности, и эффектный в своей дикости. И длинноватые волосы, усмирненные платком, и легкая щетина. Высокий рост и подтянутое тело, все это приводило Линду в состояние трепета, смешанного со страхом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Видимо молчание слишком затянулось, потому что он сделал к ней еще шаг, от чего Линда отступила назад. Мистер Ривс нахмурился.

— В чем дело? — снова спросил он. — Что-то не так?

— Все так. — выдавила из себя Линда, а потом выпалила на одном дыхании: — Я приготовила обед. Хотите?

И выругалась про себя. Ну что за дурочка! Хотите? Конечно, хочет! Он работал все утро, не покладая рук. Естественно он проголодался. Он же здоровый мужчина. Тем более ей ли не знать, как к обеду хочется есть. Этот вопрос для нее стоял сейчас довольно остро, если учесть, что она по-прежнему не могла завтракать.

— Обед? — переспросил он, глядя на Линду так, словно она какое-то диковинное животное.

— Да. Уже все поели, и я... Я подумала, что вы, может быть, тоже... Вы... Мистер Ривс...

— Ян. — перебил он.

Линда замолчала. А он спокойно продолжил.

— Мое имя Ян. Будем на "ты". В конце концов, мы соседи.

Линда сглотнула, теряясь под взглядом мужчины.

— Хорошо.

— Так вы хотите накормить меня обедом?

— Да. Наверное. То есть... да. Да.

— Скорее всего, я должен бы отказаться. Но, признаться, я и в самом деле голоден. Не откажусь от пары бутербродов.

Он понял. Линда залилась краской. Этот мужчина понял, что она не хочет приглашать его в дом. Что она бы была рада, откажись он от обеда. А ее приглашение продиктовано

лишь вежливостью. И сам предложил ей выход. И, от чего-то, именно это придало смелости девушке. Она прямо посмотрела на мужчину. Покачала головой.

— Нет. Никаких бутербродов. Проходите в дом.

Несколько секунд, Ян смотрел на нее, словно не веря в то, что слышит. А потом усмехнулся, кривоватой улыбкой и, перепрыгнув через дыру, из-за отсутствующих половиц, вошел в дом.

Моля всех богов, чтобы не умереть от страха, Линда прошла следом, похвалив себя за смелость.

Ян смотрел, как Линда крутила чашку с чаем в руках, наверное, сама не осознавая, что делает. Он прекрасно понимал, что только вежливость заставила эту девушку пригласить его. И Ян знал, что ей не терпится поскорее выпроводить его. Но продолжал сидеть, намеренно, не спеша, поглощая предложенный обед, и чувствуя себя идиотом.

У него было такое ощущение, что это было последнее место на земле, где ему стоило бы находиться, но одновременно понимал, что не в силах просто встать и уйти. Атмосфера на кухне была не из приятных. С того момента, как он прошел и спросил, где можно помыть руки, они перекинулись с Линдой не больше чем парой слов. Да к тому же, она с напряжением следила за каждым его движением. Словно он мог в любую секунду вскочить и наброситься на нее, как какой-то зверь.

Возможно, да и скорее всего, эта девушка побывала в ситуациях, когда у нее были основания этого бояться. И понимание этого не способствовали аппетиту. Если какое то время назад, он чувствовал себя зверски голодным, то теперь не мог проглотить кусочек какого-то овощного рагу. Да еще ко всему прочему Ян уже понял, что эта семья не может позволить себе угощать посторонних, так как и сама питалась довольно скромно. Особенно остро Ян увидел это, когда Линда накладывала на тарелку со сколами по краю, овощи, и в последний момент замешкалась, когда хотела добавить на тарелку еще ложку блюда. Она замерла на секунду, потом быстро взглянула на Яна, и словно поняв, что при его габаритах, положенная порция мала, все же добавила еще. И именно в этот момент Ян ясно мог увидеть, какая худая была сама девушка. Теперь он видел не только ее золотые веснушки, но бледную кожу под ними. Не только глубину карих глаз, но и темные круги под ними. Он перевел взгляд на руки девушке, и тонкие пальцы, сжимающие старый потускневший фарфор, и мог отчетливо рассмотреть голубые венки под кожей.

Ян оторвался от созерцания рук Линды и посмотрел на ее лицо. Оказалось, девушка так же рассматривает его. Когда он встретился с ней взглядом, она вспыхнула, вскочила с места и, повернувшись к раковине, стала убирать помытую посуду в висевший на стене шкафчик. Ее руки заметно дрожали.

Яну казалось, что он сходит с ума. Теперь, когда девушка стояла к нему спиной, Линда еще больше напоминала ему жену. Сколько раз, он вот так сидел в их доме, наблюдая за тем, как она готовит.

Он не переставал любоваться тем, как ловко она нарезает овощи, смешивает. Как подув на ложку, пробовала, достаточно ли соли, а потом предлагала попробовать ему, не доверяя себе.

И так же, как сейчас у этой девушки, волосы Мелины, огненными локонами ложились на плечи, играя с солнечными бликами. Всего на секунду, Ян позволил себе вспомнить. И еще на секунду представить, что вернулся домой. И события прошедших лет, всего лишь страшный сон. Вот сейчас Мел обернется, смахнет, выбившуюся из-под головной повязки, рыжую прядь, с лица и улыбнется. А он не удержится, схватит ее за запястье, потянет на свои колени, и поцелует в губы. А она будет смеяться и пытаться улизнуть, чтобы не подгорел их обед.

Но уже спустя мгновение, Ян вспомнил и другое. Вспомнил, что он сам пытался приготовить хоть что-то, пока жена спала, наглотавшись успокоительных или снотворных

пилюль. А потом она спускалась на кухню, раздраженная и молчаливая, и от малейшего замечания начинала плакать. И сколько Ян не пытался приласкать и утешить ее, Мел только больше сердилась или впадала в уныние.

От воспоминаний вновь стало больно, и Ян зажмурился. Сам не заметил, как тихо произнес имя жены. Только открыв глаза, увидел, что Линда смотрит на него. Понимая, что больше не сможет проглотить и крошки в этом доме, Ян резко поднялся. Ложка слишком громко звякнула о тарелку, заставив Линду вздрогнуть.

— Спасибо, за обед. — грубовато поблагодарил Ян, желая скорее убраться подальше.

Но сегодня был явно не его счастливый день. Впрочем, как и все предыдущие. Стоило ему сделать несколько шагов к открытому дверному проему, как он услышал свое имя. Ему бы преодолеть еще пару шагов и оказаться на улице, но он обернулся. Обернулся и замер, почувствовав, как дернулось в груди сердце. Как внутри зародилось чувство, которое он уже давно не испытывал. Нежность.

А разве можно было не чувствовать нежности, когда Ян увидел рыжеволосую малышку, застывшую на ступеньках лестницы. Он не знал, кто это была Дора или Сара. Ему было все равно. Просто он не мог отвести взгляда от малышки, с заспанными глазами, румяными щечками. На ней не было платица, она была лишь в беленьких трусиках и маечке, с выцветшим рисунком, бывшим когда-то Винни Пухом. Но не это заставило дыхание Яна прерваться. А то, как девочка улыбалась ему. Без страха. Радостно, сияя темными, как у матери глазами.

Малышка, держась за поручень, спустилась еще на пару ступенек, а потом вновь остановилась. Взялась за край маечки и потянула вверх.

«Сара» — подумал Ян.

— Мы пойдем к лошадкам? — спросила девочка и протянула руки к Яну.

Не осознавая, Ян сделал шаг к ней, и едва не протянул руки в ответ, словно, действительно намереваясь взять малышку на руки, но вовремя одумался и замер.

Словно со стороны, он наблюдал, как Линда быстро подбежала к девочке, взяла ее на руки и что-то прошептала той на ушко. Кивнув в ответ, она вновь посмотрела на Яна.

— Здластвуй. — тихонечко проговорила она. — Как дела?

— Хорошо. — почему-то так же тихо, ответил Ян.

— Мы пойдем к лошадкам? — опять спросила Сара, чем ни мало удивила свою мать.

Ян увидел, как Линда удивленно посмотрела на дочку, и, не скрывая радости от ее смелости, улыбнулось.

А Яну показалось, что его ударили под дых. Она была прекрасной. Эта молодая женщина с дочерью на руках. Она была как его мечта, которая никогда не сбудется. И от этого еще желаннее.

Впервые, с тех пор, как похоронил жену, Ян вспомнил тот день, когда сидя в палате Мелины, вновь потерявшей их ребенка, он поклялся, что больше не позволит ей рисковать. Он принял решение, и не намерен был отступать. И через день, осуществляя задуманное, он лишился всего. Пока он находился за несколько десятков километров от клиники, в которой лежала его жена, у нее открылось кровотечение и врачам не удалось ее спасти. На протяжении всех этих лет, он жалел о том, что уехал, что оставил ее. Что не успел, в последний раз, сказать ей прости и прощай.

Но сегодня, Ян впервые пожалел о том дне, не потому что не успел попрощаться с Мел. Он пожалел о том, что совершил в тот день, в последней попытке спасти свою жену.

Стоя посередине комнаты, Ян понимал, что его молчание выглядит более чем странно, да и к тому же пугает Линду. Но не мог даже свободно вздохнуть, не то, чтобы заговорить. И все же заставил себя собраться.

Он увидел, как Линда, с опаской глядя на него, спустила дочь на пол. Улыбнулась ей, пытаясь показать, что все в порядке, а потом ласково погладила ее кудряшки.

— Беги. Посмотри как там Дора, детка. Я сейчас поднимусь к вам. — сказала она.

Но Сара, все же он угадал и это была она, не хотела уходить, не получив ответа. Она по-прежнему не сводила глаз с мужчины. Только эти глаза наполнились грустью и разочарованием, а губа задрожала. И почему то, Ян подумал о том, что сейчас это не страх, который он видел ранее. Сейчас это была просто детская обида, на невыполненный каприз. И это было таким облегчением, что Ян почувствовал, воздух вновь беспрепятственно поступает в легкие.

— Вначит, я не увижу лошадку? — обиженно пробормотала Сара.

Линда хотела что-то сказать, но Ян перебил ее.

— Увидишь. Я скажу Саймону, чтобы он взял вас с собой. — сказал Ян, и наградой ему была счастливая улыбка.

Больше не медля, девочка развернулась и стала взбираться по лестнице, наверняка спеша поделиться новостью с сестрой. Неожиданно для себя, ему захотелось увидеть, как воспримет эту новость Дора, которая была очень храброй девочкой.

— Вам не нужно было говорить это. — укоризненно произнесла Линда.

Хотя, укоризненно, это громко сказано. Просто девушка больше не выглядела испуганной, как в большее время. Правда она нервно сжимала руки, и вся же взгляд ее был достаточно тверд.

— Почему? — спросил Ян.

— Просто не нужно, и все. Саймон и так очень устает, а если еще и девочки... И, просто, мне спокойнее, когда они в... Я хочу, чтобы они были в...

— В безопасности? — закончил Ян, видя, что Линда все больше начинает нервничать. — Вы думаете, я опасен для них?

— Да! То есть, нет. Не знаю! Я не знаю! — окончательно разволновавшись, ответила девушка. — Откуда я могу знать. Я не знаю вас, а даже если бы и знала, это, все равно, не гарантирует... Я хочу сказать, что не очень хорошо разбираюсь в людях. Я понимаю, что могу ошибаться, но будет лучше, если девочки будут дома.

— Но не можете же вы все время держать их взаперти!

— Конечно, нет! Но я могу сама гулять с детьми. Я их мать, и я знаю, что лучше для них.

— Видимо, нет. Если они шарахаются от собственной тени. Впрочем, как и вы сами. — резко бросил Ян, и тут же пожалел об этом.

Линда отшатнулась, словно от удара. И если до этого он считал, что она была бледна, то сейчас понял, что это не предел. Яну показалось, что даже в губах девушки не осталось и кровинки.

Чертов сукин сын! С чего это он взелся на нее!?

Конечно, она была не в восторге отпускать детей в компанию малознакомого мужика, который при первой же встречи набросился на нее, а потом пьяный в стельку прижал ее к стене и начал целовать. А если учесть, что, судя по всему, ей и так немало досталось от какого-то ублюдка, то ее опасения вполне понятны.

— Пожалуйста, уходите. — попросила Линда.

Именно попросила. Если бы на ее месте была бы другая девушка, она возможно бы вложила в эту фразу презрение или злость. Ну, или возмущение. Но не эта перепуганная женщина. Ничего не было в этой фразе, только просьба. Ян видел, что она держится из последних сил, стараясь не потерять самообладания.

— Линда, простите. Я не...

— Да. Хорошо. Все в порядке. Идите, пожалуйста. — каким-то бесцветным голосом ответила она.

— Конечно, не в порядке! Я не должен был...

— Прошу вас, я прошу вас, уходите. Пока не спустились дети.

Ян понимал, что сейчас бесполезно что-либо говорить. Да и нужно ли? Нет. И в самом деле, самым лучшим будет уйти и больше не возвращаться. Но мысль о том, что он не может уйти, пока не закончит ремонтировать крыльцо и не поставит обратно дверь, принесла какое-то облегчение, хотя должна была скорее раздосадовать.

Ян с сожалением посмотрел на лестницу за спиной Линды, и, не сказав больше ни слова, вышел на улицу.

Ян прекрасно понимал, что ему не избежать любопытства Полли Дойл, а значит, она замучает его вопросами. Поэтому, он не спешил подняться к ней в кабинет, а решил съесть свой завтрак в первую очередь, а уже потом рассказать о ремонте в доме, который она сдала своей новой работнице. К тому же, ему придется попросить ее подыграть ему. Во всяком случае не отрицать того, что это ее затея, если Линда спросит. Это была плохая идея. Это была самая плохая идея за последние несколько лет, которая вообще могла прийти Яну в голову.

О чем он, черт возьми, думал, когда ввязался в эту авантюру. После вчерашнего обеда, никакого желания возвращаться в тот дом у него не было. Но Ян лгал себе даже в этом. На самом деле, он не мог перестать думать об этом чертовом доме, с его свихнувшимися обитателями. И от того не желал туда возвращаться, дабы не усугублять это помешательство. Благо, он все же успел вчера поставить дверь, и сменить доски крыльца, так что пару дней он мог держаться подальше от девушки и ее детей. И был уверен, что этот перерыв обрадует Линду. Но он сам заявил, что взялся за ремонт по инициативе Полли Дойл, так что теперь не мог пойти на попятную. К тому же, при ближайшем рассмотрении дом выглядел более плачевно, чем Ян предполагал в начале. А лестница, ведущая на второй этаж, внушала опасения. Учитывая, что в доме дети, ее ремонт был просто необходим. Сменить несколько ступенек и укрепить перила, было минимумом, который наметил Ян. Но чтобы осуществить задуманное, ему необходима поддержка Полли Дойл.

Еще помедлив какое-то время, Ян допил крепкий кофе. Не обращая внимания на недоумевающие взгляды посетителей, которые знали, что он не любитель общественных мест и появляется в ресторанчике Полли только в определенный день месяца, а при необходимости пользуется служебным входом, не входя в зал. Но не смотря на то, что большинство знали о его предпочтениях оставаться в одиночестве, вовсе избежать общения не удалось. Но, признаться, именно сегодня это Яна не угнетало. Напротив, помогало переключиться с мысли о темных глазах, маленьком носике, усыпанном веснушками, и стройной фигурке, которую только подчеркивала застиранная одежда.

Ян выругался про себя. Меньше всего ему нужно сейчас думать о своей новой соседке в подобном ключе. Но мужчина давно понял, что жизнь редко ему подыгрывает. А вчерашний вечер только это подтвердил. После не самого удачного обеда, Ян продолжал работать на улице, стремясь успеть доделать то, что начал. Ему удалось занять себя физическим трудом, но вот мысли его то и дело возвращались в дом. Сам не понимая зачем, но он пытался представить чем сейчас заняты в доме. Он думал о маленьких девочках и мог отчетливо представить, как Сара тянет подол платица вверх, или жует свои рыжие кудряшки. И как Дора, с серьезным личиком, поучает сестру. Ян даже подумал о молчаливом мальчике, и о том как отличался он от сестер. А потом Яну стало не по себе от мыслей о том, что же сделало ребенка таким неестественно тихим.

От всех этих мыслей Ян устал больше, чем от самой работы по ремонту, и добравшись до дома, едва смог принять душ, кое-что перехватить на ужин и уснул таким сном, каким не спал уже очень давно. Если не считать тех, отнюдь не редких случаев, когда он вырубался в стельку пьяным. И вот этим утром, он сидел в ресторане Полли Дойл. И понимал, что пора бы уже подняться наверх и встретиться с хозяйкой ресторана. Он и так задержался дольше,

чем следовало бы. Ему предстояло поработать на ферме, так как свои деньги он потратил на доски и гвозди. Ян попросил счет, и уже было поднялся из-за стола, но Полли Дойл уже сама спешила к его столику, и по ее покрасневшемуся и сердитому лицу, Ян понял, что ничего хорошего от этой встречи ждать не стоит.

Женщина, не смотря на свои габариты, стремительно подошла к столику Яна, и села на свободное место напротив, сложив руки на груди. Сдув с глаз челку, Ян не понимал, от чего Полли ее не подрежет, предпочитая с шумом сдувать ее по миллиону раз за день, женщина, казалось придала лицу более суровый вид.

— Ну, мой мальчик, что все это значит? — грозно спросила она, приподняв свою ярко накрашенную бровь.

Ян вздохнул. Черт. Что еще он натворил? Кажется, в последнее время он не так сильно напивался, чтобы не помнить свои выходки, как бывало иногда. Да и не было у него настроения, чтобы играть в угадайку.

— Полли, если ты хочешь что-то выяснить, то спрашивай. И не называй меня "мой мальчик", сколько раз я должен повторить это. — откинувшись на спинку стула и сложив на груди руки, ответил Ян.

— А ты перестать смотреть на меня таким взглядом, мой мальчик. Если остальных тебе удастся отпугнуть им, то со мной этот номер не пройдет. — парировала Полли. — И да, я хочу кое-что выяснить. Например, когда это я решила делать ремонт дома, который сдала Линде, да еще и за свой счет?

— Черт! — ругнулся Ян. — Вот недостаток маленьких городков. Не успеешь чихнуть на одном конце города, как на другом тебе уже желают "Будь здоров". Но знаешь, не пойму чем ты не довольна, Полли. Помниться, ты сама меня просила об этом. — равнодушно продолжил Ян.

Ян не думал, что Полли узнает обо всем так быстро. Он знал, что у Линды сегодня выходной, поэтому был уверен, что успеет поговорить с Полли до того, как они встретятся. Но теперь это было и не важно. Во всяком случае, теперь Ян мог перейти прямо к делу. Поэтому он лишь пожал плечами.

— Все верно, — кивнула женщина. — но так же я помню, как ты заявил, что пальцем не пошевелишь, чтобы помочь им. А сейчас, я смотрю, взялся за это обеими руками. Так что все это значит, мой мальчик? И почему, я узнаю об этом последней. Я не люблю чувствовать себя душой, но сегодня именно так и было, когда я узнала обо всем.

— Полли, не горячись. Знаешь, как на тебя не действует мой, по твоим словам "суровый взгляд", так же на меня не действует твой суровый вид, которым ты видимо пытаешься дать понять, что можешь меня напугать. Так вот. Нет. Но я пришел не выяснять, кто кого круче, Полли. Я пришел как раз поговорить об этом, но видимо кто-то меня опередил.

— Именно.

— Ну что же, так даже лучше. Теперь, Полли Дойл, когда ты показала мне, как сердита, то может поговорим нормально? Потому как, я на волоске от того, что бы изменить благим намерениям, и прямо сейчас отправиться в бар к Ло, и надраться в стельку.

И это не было преувеличением. На данный момент Ян больше всего хотел вернуться к тому состоянию, в котором пребывал до встречи с Линдой. Он жил так как заслужил, к тому же давало возможность отгородиться не только от других людей. Но и от самого себя.

— И ты считаешь, это выход? — задумчиво спросила Полли Дойл, и Ян удивился такой смене ее настроения.

Если пару минут назад от женщины так и исходило возмущение, то сейчас она как-то спокойно и с интересом смотрела на Яна.

— Думаешь это решит все твои проблемы? — не унималась она.

Ян вздохнул. Черт! Наверное он слышал этот вопрос миллион раз. Его задавали ему родители, брат, и добрая половина этого города. Да сама Полли Дойл уже сотню раз спрашивала его об этом. Он мог бы сказать, что целью его попок не является решение проблем. Что, чтобы решить его проблему ему надо лишиться мозга, или хотя бы памяти. Он подружился с бутылкой, чтобы хоть на время уйти от самого себя и от того паскудного чувства собственной вины. Но, конечно, он не собирался говорить об этом.

К тому же, от этого вопроса, который ему задавали снова и снова, Яна затошнило. А потому он начал злиться, все большее понимая, что его идея с выпивкой, самая разумная из всех его последних идей.

— У меня нет проблем, Полли. Кроме, конечно, головной боли по утрам. — теряя терпение проговорил Ян. — Но проблемы есть у твоей подопечной, и я как самый распоследний идиот, хотел помочь, заметь ты и сама меня просила. И потому что жители этого распрекрасного города не имеют понятия о личном пространстве, и считают себя вправе врывать в дом, тем самым пугая детей, и их мать, в том числе. Мне и в самом деле плевать на этот дом, но на данный момент в нем живут дети. И им необходимо чувствовать себя в безопасности. А это трудно сделать, когда невозможно просто даже прикрыть дверь, согласишься. Ты же все равно хотела попросить кого-то заняться этим. Не так ли? Я тебя знаю, Полли Дойл. Ну так вот, я сделал. Все. Вопрос закрыт. Если нет возражений, позже займусь еще лестницей в доме, и посмотрю крышу. А прямо сейчас, я еду на работу, а потом все же отправлюсь в бар к Ло. Ну, Полли? Я объяснил, что происходит?

— В общем-то да. Ладно. Ты прав. — женщина вздохнула. А потом стряхнула со скатерти несуществующую пыль. — Я и сама хотела нанять кого-нибудь, что бы подлатать эту развалюху. Хотя, признаться, проще ее снести. Но я не могу предложить этой бедняжке ничего лучше. А снимать жилье у кого-то другого ей явно не по карману. Так что, хорошо, что ты все же решил заняться ремонтом. Просто надо было меня предупредить.

— За этим я и пришел. — буркнул Ян.

— Ладно. Так ты продолжишь ремонт?

— Сейчас, я не уверен. На данный момент, мне хочется послать все к черту. Во всяком случае, я намерен пару дней подождать. Знаешь ли, твоя новая посудомойка, не в восторге от меня. Она явно предпочла бы оставить кривую дверь, только бы избавиться от меня. — усмехнулся Ян.

— Ты не прав. — покачала головой Полли. — Просто она напугана. И беспокоиться о детях. У нее есть на то все основания.

Ян напрягся, и ему даже показалось, что воздух вокруг них стал жарче. Он и сам не заметил, как наклонился ближе к женщине.

— Ты что-то знаешь?

Полли Дойл покачала головой.

— Думаю, не больше твоего. Но это и так очевидно. Стоит лишь пару минут понаблюдать за ней и детьми.

— Серьезно? И как это ты еще не пошла к шерифу, и не вызвала с его помощью, всю ее подноготную. Я не узнаю тебя Полли Дойл. Помнись, стоило мне попасть в поле твоего зрения, и на следующий день ты знала обо мне больше, чем я хотел бы рассказать.

— Не паясничай, мой мальчик. Что я могу выяснить, если даже фамилии ее не знаю.

Ян был ошеломлен. Он понимал, что Линда не расположена к откровениям, и не намерена распространяться о своей прошлой жизни, он и сам не отличался этим от нее. Но то, что Полли предложила ей работу, не зная о ней ничего, кроме имени, было чем-то невероятным.

— Ты не... И ты взяла ее на работу!

— Ну и что? Не думаю, что она опасна.

— Дело не в этом Полли. Просто это ненормально, когда молодая девушка с детьми путешествует одна, без денег, скрывая даже свою фамилию. И не факт, что ее имя действительно Линда.

— Согласна. Вот поэтому, я хочу чтобы она осталась.

Ян хотел было развить эту тему, вопреки своему недавнему желанию поскорее убраться отсюда. Но их прервал подошедший официант, сообщив, что уже два раза звонил поставщик. Полли поблагодарила его и попросила передать, что перезвонит им через пару минут. Ян и так был удивлен, что их не прерывали посетители ресторанчика, что было обычным делом.

— Ну что же, теперь скажи мне, сколько я должна тебе за материалы и работу. — вернулась к разговору Полли. — И потом, когда займешься остальным ремонтом, скажи Френку Рицу, из строительного, чтобы записал все на мой счет. А по поводу оплаты за твою помощь...

Ян покачал головой.

— Это ни к чему. Я уже за все заплатил, так что не стоит беспокоиться. И если мне дальше что-то понадобится, я заплачу сам.

— Это что шутка, Ян Ривз? Я знаю, сколько ты зарабатываешь на ферме, так что от куда ты возьмешь деньги?

— Не твоя забота, Полли Дойл. Опекай кого-нибудь другого. К моему облегчению, ты теперь нашла новую заблудшую овечку, вот и занимайся ей. Может, теперь ты отстанешь от меня.

— Даже не надейся. — усмехнулась женщина, но тут же посерьезнела. — И перестань упрямиться, сколько я тебе должна?

— Закружи тему, Полли. Я не возьму твоих денег, они мне не нужны. — твердо произнес Ян.

— Ладно. — слишком спокойно ответила Полли. — Тогда вот. — достав из кармана несколько купюр, она положила их перед Яном на стол.

— Что это?

— Деньги. За ремонт. — пояснила хозяйка ресторана, и встала со своего места, явно намереваясь уйти.

Ян едва не зарычал. Все это порядком ему осточертело.

— Я вижу, черт возьми, что это деньги! Но я кажется сказал, что они мне не нужны! — потеряв терпение рявкнул Ян.

— Вот так ей и скажи. — спокойно ответила Полли, словно не заметив этой вспышки. — Раз ты не хочешь брать с меня деньги на этот ремонт, тогда и я не могу взять эти деньги.

— О чем это ты?

— Эти деньги дала мне сегодня Линда. Пришла рано утром и сказала, что сама оплатит ремонт. Правда не сразу, а по частям. Я пыталась отказаться, но она настояла. Так что

возьми их, и делай как считаешь нужным.

Больше Полли Дойл не сказала ни слова. Отвернулась и зашагала прочь, оставив Яна смотреть на деньги, какой-то насмешкой, лежащие на столе. Сумма была смехотворной, и если такими темпами выплачивать долг за ремонт, Линде придется долго работать на Полли Дойл. Ян не знал, что теперь делать с этими деньгами. Он вновь вспомнил тот злополучный обед, а вместе с тем и убогую обстановку дома, простую, но сытную еду, которой явно отдавали предпочтение в этой семье, их поношенные вещи, и практически развалившуюся обувь. И от этих образов Яну стало тошно, что-то сжалось за грудиной так, что на мгновение он зажмурился. И осознание того, что он не может просто взять и вернуть Линде эти деньги, приводила Яна в замешательство.

Но уже спустя минуту, мужчина все же взял со стола купюры и сунул их в карман джинсов.

Ему пора было отправляться на работу, а еще его помощнику предстояло узнать, что сегодня ему выплатят что-то вроде премии.

От принятого решения стало легче. Но не только осознание того, куда деть эти деньги успокоила Яна. Большая заслуга поднявшегося настроения была скорее в решении все же выпить сегодня вечером.

* * *

День закончился не так уж и плохо. Полупустая бутылка внушала надежду на еще более замечательное продолжение вечера, а пристроившийся у его ног, Бродяга, наконец-то перестал тыкаться в него облезлой мордой и уснул.

Опьянение уже овладело телом и разумом, и это было прекрасно. Ян мог уже свободнее думать о Мел, зная, что с каждым глотком боль будет становиться все меньше и меньше, пока не исчезнет совсем. И даже чувство вины становилось каким-то несущественным и эфемерным, и Ян мог свободно вздохнуть.

И раз уж сейчас он мог позволить себе больше, то не стал сопротивляться, и подумал о другой женщине, чей образ все чаще и чаще возникал в его одурманенном мозге. А потом он удовлетворенно вспомнил паренька, что молча трудился сегодня с ним бок о бок. И как тот обрадовался прибавке к ежедневной оплате. Ну что же, во всяком случае те деньги вернуться в семью. Может тогда Линда купит себе другую юбку, и она будет не такой прозрачной. И в следующий раз, когда девушка выйдет на крыльцо, его горло не перехватит от вида ее стройных ног. И, черт возьми, ему не захочется больше подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть веснушки, что беззастенчиво рассыпались на носу, и даже щеках девушки.

А после очередного глотка виски, Яну стало интересно, есть ли веснушки у Линды под рубашкой, завязанной на талии узлом. И от этих мыслей ему стало жарко. Не сказать, что летом в этой части штата было прохладно, но такого жара он точно не испытывал давно. Тихо застонав, Ян закрыл ладонью глаза, словно это могло помочь избавиться от запретных мыслей. От тщетных попыток перестать думать о соседке, у Яна застучало в висках. Он потер их костяшками пальцев, но это не помогло. Тогда он вновь потянулся к бутылке. Но не донеся горлышко до рта, понял, что стучит не только у него в висках. Кто-то стучал в его дверь. Это было невероятно. Уже очень давно к нему никто не навещался, поняв, что из него не выйдет приветливого хозяина. А если кому и пришло бы в голову заявиться, то уж

точно не в такое время. Сказать точное время Ян не мог, но то что было уже довольно поздно, было очевидно.

Ян поднялся с дивана, удивившись, что еще может более менее твердо стоять на ногах, и направился к двери. Не потрудившись спросить кого это там принесло, он распахнул дверь и застыл, на мгновение решив, что допился до галлюцинаций.

Потому что такого гостя он ожидал увидеть меньше всего.

Перед ним, на пороге его дома стояла Линда. Ее немного трясло, как от холода. И она нервно сжимала руки. Ян встряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения, но оно не исчезало. Линда все так же стояла и смотрела на него с мольбой. А потом, всхлипнув, произнесла каким то придушенным голосом:

— Пожалуйста. Я не знаю, что делать... Саймон. Он... Он пропал.

Он был пьян.

Она знала, кто он, и каков его образ жизни. За две недели, проведенные в этом городе, Линда несколько раз слышала о Яне Ривзе и о том, как непростительно он губит свою жизнь, злоупотребляя алкоголем.

Но постучав в его дверь, и увидев его на пороге, оказалась не готова к немного расфокусированному взгляду, и запаху виски, исходившему от него. Она стояла на нижней ступеньке крыльца, и от того мужчина казался еще более высоким. На какую-то секунду у Линды появилось искушение развернуться и убежать. Но тут же, обозвала себя трусихой, и заставила оставаться на месте. Да и разве у нее был выбор. Что она будет делать, если сейчас уйдет. Где она будет искать Саймона? А потом она подумала о детях, которых ей пришлось вновь оставить одних. Слезы подступили к глазам, но Линда не позволила им пролиться. Сделав пару глубоких вдохов, она заставила себя вновь посмотреть в глаза мистеру Ривзу. И увидела, что он удивлен. Конечно, меньше всего он ожидал увидеть ее за дверью в такое время. Да, в любое время.

Мужчина жестко провел рукой по лицу, словно пытаясь прийти в себя, а потом сделал шаг назад, отступив от двери.

— Заходи. — махнул он рукой, указывая внутрь полутемной прихожей.

Линда не сдвинулась с места.

— Нет. — она судорожно покачала головой. — Я не могу. Я должна найти его.

Мужчина несколько секунд пристально смотрел на нее. Потом кивнул.

— Давно он пропал? Когда обещал вернуться?

— Понимаете, я не знаю. Он еще не приходил. Я ходила гулять с малышами и оставила ему ужин. Но когда мы вернулись, все осталось нетронутым. Я подумала, что он немного задержался, но шло время и я... Я не знаю. Даже не знаю куда идти. Если бы вы могли... О Боже! Я не знаю, что мне делать, не знаю куда идти, и где его искать. Прошу вас...

— Успокойтесь. — мужчина выставил вперед Ладонь. — Скажите, когда вы видели его в последний раз?

— Утром. — губа Линды задрожала, и она прикусила ее. Потом все же продолжила. — Утром, как обычно он ушел на работу.

— На работе он был. — кивнул Ян. — После работы я предложил подбросить его, но он сказал, что у него дела. Черт! Сейчас вспомню... — он с силой провел костяшкой большого пальца от линии роста волос к переносице, а потом вскинул голову. — Подождите, я возьму ключи от машины. Прокатимся. — сказал он, и скрылся в доме.

Линда осталась стоять возле крыльца, силясь не заплакать. Она не могла думать ни о чем другом, только о Саймоне и о том, что же могло с ним случиться. Когда Ян Ривз вышел на улицу, то поверх белой майки, в которой он открыл ей дверь, была накинута рубашка, с оторванными рукавами, от чего проймы лохматились. А на голове был повязан платок, закрывающий лоб. Мужчина прошел мимо нее и подойдя к машине, стоящей сразу возле крыльца открыл дверцу со стороны пассажирского сидения.

— Поехали.

Линда помедлила лишь секунду, а потом послушно забралась в машину. Она бы хотела задать миллион вопросов, но от страха просто онемела. И она сама не понимала, чего боится

больше всего. Того, что могло случиться с Саймоном, если он до сих пор не пришел домой, или сидеть в одной машине, с Яном Ривзом. В тесном пространстве машины, Линда чувствовала себя в западе, и не могла оторвать свой взгляд от лица мужчины, освещенного лишь зеленоватым свечением приборной доски автомобиля.

По выражению лица Линда не могла понять, сердится ли он или просто так сосредоточенно ведет машину. Видимо, почувствовав на себе ее взгляд, он быстро обернулся, от чего Линда вздрогнула.

— Куда мы? — решила спросить Линда.

— Наведаемся в бар. Может там мальчишка отыщется.

— Бар? Но... Нет! Он не пошел бы в бар. Да и кто его туда пустит? Ему же всего пятнадцать!

— Может внутрь его и не пустят, но кто же запретит ему ошиваться поблизости. Не он первый. Так что, вероятность есть. Тем более если учитывать, что сегодня у него появились лишние деньги. — спокойно ответил мужчина, а потом выругался, чем заставил вновь вздрогнуть.

— Простите. — испуганно прошептала Линда.

— За что?

— За то, что побеспокоила вас.

— Не стоит. Я не спал. Вы правильно сделали, что пришли. На машине мы быстрее его отыщем.

— Мистер Ривз...

— Послушайте, сделайте одолжение, называйте меня по имени. Мы с вами соседи. Да и, в ближайшие пару недель, я буду делать ремонт у вас, так что будет удобнее общаться без формальностей.

— Я не думаю...

— Это просто имя, Линда. Думаю это немного не справедливо, что я обращаюсь к вам по имени, а вы продолжаете говорить мне «мистер». Если вам так удобнее, то назовите мне свое полное имя, и я буду обращаться к вам «миссис».

Линда отвернулась. Она бы не хотела обращаться к этому мужчине по имени, но и свою фамилию называть не хотела. Пришлось выбрать наименьшую из зол.

— Хорошо. Я, буду обращаться к вам по имени.

— Вот и договорились. И раз с этим мы решили, то надо разобраться еще и с другим. Я должен извиниться. За вчерашнее. Я не должен был вмешиваться. Это ваши дети и вы знаете как лучше для них. И уж тем более я не имел права разговаривать с вами в таком тоне.

Линда кивнула, но поняв, что он не увидел ее кивка, тихо произнесла:

— Все в порядке. Это уже не имеет значения. Главное сейчас найти Саймона.

— Значит, мы его найдем.

От уверенности в голосе мужчины Линде стало легче. Это было глупо, откуда он мог знать наверняка, смогут ли они найти Саймона. Но так хотелось поверить и позволить панике, хоть ненадолго, отступить. Но это было невозможно. Она угнездилась так прочно и держала за горло, с трудом давая доступ кислороду к легким. Линда понимала, что не имеет права падать духом, и все равно стискивала ледяные руки с такой силой, что чувствовала боль. А еще она беспокоилась за малышей, оставленных одних. Она знала, что им страшно, и чувствовала собственное бессилие. Что она за мать, если она не в состоянии дать детям того, что они заслуживают. Чувство безопасности, хорошую еду, игрушки. Но больше всего она

жалела, что они не имеют возможности общаться со сверстниками. Малышкам было легче, они были друг у друга и играли всегда вместе. А вот Курту было просто необходимо бывать в обществе мальчиков его возраста. Быть может он смог бы стать немного увереннее. И, возможно, снова заговорил. Линда так же понимала, что ему необходима помощь специалиста. И от того, что не имеет пока возможности прибегнуть к услугам врача, чувствовала вину.

А Саймону надо ходить в школу. Он пропустил уже один год, и она не может позволить ему пропустить и следующий. И Линда не представляла, как сумеет уговорить его, если он заупрямится и откажется продолжить учебу. От мыслей о Саймоне Линда еще больше разволновалась, и чтобы этого не заметил сидевший рядом мужчина, она отвернулась к окну и прикусила костяшки пальцев. Но как оказалось, это мало помогло, потому что, когда они проезжали мимо дома, где ее ждали малыши, она не сдержала тихий всхлип. А уже в следующий момент машина остановилась.

— Почему мы остановились? — так и не решаясь посмотреть на Яна Ривза, спросила Линда.

— Линда. Если хотите, то мы можем взять детей с собой. Так вам будет спокойнее?

Девушка потрясенно посмотрела на мужчину, но тот в свою очередь смотрел на дом, с освещенными окнами второго этажа. И как только Линда перевела и свой взгляд туда же, она испытала почти физическую боль. Дети сидели возле окон и старательно вглядывались в темноту. Можно было увидеть, как Курт приложил, сложенную домиком, ладошку ко лбу, чтобы лучше было видно, а малышки, отстраняя друг друга, прижимались к стеклу носами.

— Поторопитесь. Я подожду здесь. — сухо бросил Ян, и резко откинулся на сиденье, закрыв глаза.

Линда помедлила лишь секунду. Она выскочила из машины и побежала к дому. От того, что дети не будут сидеть одни, ей стало гораздо легче, и только беспокойство за Саймона разрывало сердце.

* * *

Линда, в который раз, обернулась и посмотрела на заднее сидение. Курт уже минут пять спал, прижавшись боком дверце, а девочки по очереди задавали вопросы Яну. И этот суровый мужчина, терпеливо отвечал, стараясь подбирать слова так, чтобы они были понятны четырехлетним малышам. В основном спрашивала Дора, но и Сара иногда осмеливалась что-то спросить. Правда она говорила так тихо, что Доре все равно приходилось повторять вопрос. Кажется, ее дочерям очень понравились лошади, а особенно маленькие жеребята, которых Саймон показывал им в день их пребывания на ферме.

И не смотря на беспокойство, Линда не могла не радоваться тому, что девочки так открыто общаются с почти незнакомым человеком. Тем более мужчиной. И было что-то трогательное в том, как сосредоточенно ведя машину, Ян разговаривает с детьми, и его голос становится не таким надтреснутым, а более мягким. А еще, Линда не могла поверить, что еще десять минут назад она подумала, что он был пьян. Хотя ошиблась она скорее в степени его опьянения, потому как она все же различала запах виски и табака. И эта смесь...

Линда выпрямилась на сиденье, шумно вздохнув. Мужчина тут же повернулся к ней.

— Что с вами? Что-то...

— Нет! Нет, просто волнуюсь. Саймон...

— Мы его найдем. — постарался успокоить ее Ян Ривз. — Ну, куда он мог деться?

Город небольшой, так что отыщется.

Линда кивнула. Она видела, что мужчина почему-то нахмурился и сжал губы. А Линда не могла отойти от потрясения. Потому что впервые за несколько лет смесь запаха виски и табака не напугала ее до полусмерти.

* * *

Ян остановил машину недалеко от бара с вывеской «У Ло», на которой перегорела половина лампочек, а некоторые мигали на последнем издыхании. Но видимо роль вывески была лишь в тусклом освещении, потому как над дверью большими буквами было написано «Добро пожаловать к Ло». Ян не подъехал слишком близко, чтобы музыка из бара не разбудила задремавших детей. Увидев, как Линда взялась за ручку дверцы, он вздохнул.

— Оставайтесь в машине с детьми. Я сам проверю здесь. — и, не слушая никаких возражений, вышел из машины и зашагал к одноэтажному строению, выкрашенному в грязно-желтый цвет.

Саймона здесь не было, но за то Ян узнал, что мальчишку видели вечером на автобусной станции. Так что посещение бара оказалось не бесполезным, что Ян и поспешил сообщить взволнованной соседке. Он-то думал, что она немного успокоится, когда они хоть что-то узнают, но оказалось наоборот. Она смертельно побледнела, чем перепугала Яна не на шутку.

— Поехали. Пожалуйста! Скорее! — зашептала она, а в глазах ее плескалось отчаяние.

Ничего не говоря, Ян тронулся с места. От бара до автобусной станции было минут семь на машине, не больше, но ему показалось, что они ехали вечность. Он не мог спокойно смотреть, как девушка старается подавить слезы, как сжимает руки и закусывает губы. Он сначала подумал, что ему показалось, но потом все же расслышал, как она повторяет одно и то же:

— Нет. Нет. Он не может так поступить. Не может.

— Линда, — попытался успокоить ее Ян. — Не волнуйтесь так. Все последние рейсы пригородных автобусов были еще в четыре. А с работы Саймон ушел в пять. Только в Атланту...

— В Атланту! — в ужасе прошептала Линда. — Во сколько последний рейс на Атланту?

— В пять или половине шестого, кажется. Так что на него он тоже мог не успеть.

— Но мог и успеть! — слезы все же покатались по бледным щекам Линды. — О Боже...

— Зачем, черт возьми, ему в...

— От туда можно уехать куда угодно. Он мог... О Господи, он может оттуда поехать обратно в...

Ян замер, понимая, что она едва не проговорила. Но замолчала и закрыла ладонями лицо. Мужчина поймал себя на мысли, что готов протянуть руку и погладить ее по рассыпанным по спине волосам. Ему было не по себе от вида ее вздрагивающих плеч и тихих всхлипов.

Он не мог понять, что с ним творилось с той самой минуты, когда он открыл дверь и на пороге увидел ее. Это было таким потрясением, что он не сразу понял, что она от него хочет.

А когда до него дошло что случилось, то ужаснулся не меньше чем она. И как бы это не звучало, он не так испугался за мальчишку, как за эту хрупкую и испуганную женщину, которую отчаяние привело к нему. Он вспомнил ее реакцию на прошлый раз, когда она не обнаружила детей дома, и Ян боялся, что она снова хлопнется в обморок. Но Линда старалась держать себя в руках, хоть Ян и видел, с каким трудом ей это дается. А в машине, по дороге в бар он изо всех сил старался не смотреть на нее, так как чувствовал ее несмелый взгляд, направленный на него. И его охватило такое напряжение, что он готов был остановить машину и выскочить на улицу, подальше от Линды. И взять детей с собой оказалось хорошей идеей. Они немного отвлекли его от их матери, и ее огромных темных глаз.

Но теперь Яну было не до чего. Он ехал так быстро, как только мог, радуясь, что не успел напиться вдрызг. Он давно ничего так сильно не желал, как сейчас приехать на станцию и найти там паренька. Потому что ему казалась, что если он все же успел и сел на автобус, уехав из города, Линда, обнаружив это, рассыплется на кусочки. И было не передать словами, какое облегчение он испытал, когда сделав последний поворот, в свете фар он увидел мальчишку, сидящего на скамейке, и шутившегося от яркого света.

Ян еще толком не успел притормозить, как Линда выскочила и побежала к Саймону, а тот встал со скамьи, бросив потрепанный рюкзак. Он стал свидетелем, как Линда обняла парнишку, потом принялась целовать его щеки, а потом еще сильнее расплакалась.

И Ян отчетливо видел, что плакала не только Линда.

Еще, каких-то, два часа назад, Ян обещал себе, что ноги его не будет в этом доме, кроме как по причине ремонта. И во время него он будет делать вид, что совершенно один.

Но теперь сидел за тем же столом, что и вчера за обедом, и ждал когда спуститься Линда, укладывающая малышей в постели. Тусклое освещение, исходившее от старого торшера, на длинной ножке возле дивана, скрадывало убогость обстановки. Это давало возможность Яну перестать думать о том плачевном состоянии, в котором находилась жившая в этом доме семья. Его дом, который он выкупил у Полли, был не менее старым, но, по крайней мере, обставлен добротной мебелью. Да большего ему было и не надо. В отличие от Линды, которой необходимо заботиться о комфорте детей.

Взгляд Яна зацепился за игрушки, оставленные детьми в гостиной. Двухцветный бело-розовый мяч, какая-то вязаная кукла. Два, совершенно одинаковых, котенка, одетых в девчачьи платьица. И набор цветных карандашей, большинство из которых были такими короткими, как колпачки от фломастеров. А еще разложенные по всему столу листы, с непонятными рисунками, разных цветов и оттенков. И вдруг, Ян подумал о том, что в этом скудном наборе игрушек нет ни одной, с которой мог бы поиграть мальчик. Чем же играет Курт? Перед глазами сразу всплыл образ синеглазого малыша с копной темных волос. Он был абсолютно не похож на Линду, но это и не удивительно. Ведь Саймон сказал, что Линда им не родная мать. Значит, скорее всего, они похожи на отца.

Эта мысль повлекла за собой другую. И даже скорее не мысль, а предположение. Ведь не надо быть гением, чтобы догадаться, кто довел Линду и детей до такой жизни. Может Ян и ошибался, но надежды на это мало. Не станут же малышки все время спрашивать, не побьет ли папа мамочку, если не становились тому свидетелями. И есть вероятность, что и дети не остались без «внимания» отца.

От таких размышлений Ян пришел в ярость. А потому вскочил с табурета и подошел к столу с рисунками, чтобы немного переключиться. Вряд ли Линда обрадуется, если увидит его в таком состоянии. Ближайшее рассматривание рисунков доказало, что он ни черта не смыслит в этом. Пару домиков он смог узнать, пожалуй, мог бы увидеть и несуразных человечков, в остальном же видел лишь каракули. Но все равно стоял и брал рисунок, за рисунком и рассматривал каждый.

За этим занятием его и застала Линда. Она едва слышно спустилась, по ступеням, а те отзывались тихим скрипом на ее шаги. Ян поднял голову и посмотрел на нее. И на миг задохнулся. Он еще не видел ее такой. Вернее не думал, что она может выглядеть так. Может из-за желтоватого освещения, а может от того, что девушка больше не бледнела от страха, кожа Линды казалась золотой. Правда и веснушек ее было почти не видно, но это было не страшно. Зато ее темные глаза светились мягким светом, с оттенком шоколада. Она успела собрать волосы в узел на затылке, открыв красивую линию скул и подчеркнув острый подбородок. Огненные пряди, коротковатые для того, чтобы оставаться в узле волос, касались щек. Она по-прежнему была одета в ту же длинную юбку, и цветную блузку, в которой он увидел ее у себя на пороге, но только теперь мог рассмотреть и плавную линию бедер, подчеркнутую легкой тканью, тонкую талию, и небольшое возвышение груди. Когда Ян встретился с девушкой глазами, то увидел, что она смущена. И это было лучше, чем страх. Но настороженность из ее глаз не исчезла, а потому Ян счел за лучшее вновь посмотреть на

сжатые в руке листы бумаги.

— Это девочки рисуют. — пояснила Линда. — Они любят рисовать.

— Да. — кивнул Ян, и перевернул листы, словно факт, что они исписаны с обеих сторон, это подтверждал.

Потом, до него дошло, что это скорее продиктовано дефицитом бумаги, нежели любовью малышей к рисованию. Это заставило что-то внутри его сжаться, и Ян поспешно положил рисунки обратно на столик.

— Хотите кофе? — махнула рукой Линда, в сторону кухни, и, не дожидаясь ответа, пошла в ее направлении. — Правда, у меня только растворимый.

— Поздновато для кофе. — сказал Ян, уже садясь на табурет за обеденным столом, и тут же пожалел об этом.

Потому что от его замечания Линда еще больше смутилась и как-то вся сжалась. Она пожалала плечами.

— Да. Наверное. Просто, у меня больше ничего нет. Вернее у меня нет ничего такого, что... Что... Я не покупаю...

Догадаться о чем она там бормочет, не составило труда. А чего он ожидал? Это не должно было его задеть. Но задело, и Ян сам не мог понять почему?

— Спиртное? Вы это пытаетесь сказать? — подсказал Ян. — Не волнуйтесь. Как-нибудь продержусь до дома. — как можно равнодушнее добавил он.

— Извините. Я не хотела вас обидеть. Я очень благодарна. Не представляю, чтобы делала без вас. Правда, извините. И спасибо. Большое спасибо. Вы...

— Кажется, мы договорились — без формальностей, но по-прежнему к друг другу на "вы". - перевел тему Ян, желая избавить Линду от смущения. — И, да. Не откажусь от кофе. Все равно, уже вряд ли смогу уснуть.

Ему хотелось, чтобы она перестала смотреть в пол, и вновь взглянула на него. Зачем, он и сам не знал. Ему тошно становилось под ее взглядом, и все равно он хотел видеть, как она смотрит на него. Наконец-то, она подняла голову. Кивнула. Отвернулась к полкам и стала возиться с чайником. И снова повисло напряженное молчание. Оно, казалось, звенело между ними. А Ян, не мог придумать, с чего бы начать разговор. Да и нужен ли был этот разговор? И кофе. Он мог бы встать, и, попрощавшись, уйти. Но не мог. Не хотел. Сидел и смотрел, как Линда поставила на плиту чайник, открыла банку с кофе. Достала чашку. Повернувшись, посмотрела на Яна.

— Вам... тебе сколько? — поняв, что он не понимает, о чем она, уточнила: — Кофе. Ложек кофе?

— Как и тебе. — сглотнув, ответил Ян.

— Я не буду. — едва слышно прошептала Линда, — Мне завтра на работу.

До Яна не сразу дошел смысл сказанного. Он не мог сосредоточиться, не мог думать. То ли от выпитого недавно виски, или может от того, что после пережитого волнения за паренька, мысли его путались. Почему-то вспомнилось, как он по ошибке, а потом и в пьяном угаре, принял Линду за свою жену. А сейчас не мог понять, с чего он решил, что они похожи. Все, что было общего у них, это цвет волос, и может быть рост. Но на этом все. Так почему, он не может отвести от нее глаз? И почему она так странно смотрит на него? И тут он насторожился.

— На работу? — как идиот, переспросил он. — Так какого ты тут возишься со мной!? — соскочил он с табуретки, но тут же пожалел об этом.

Линда дернулась, выронив чашку. Та разлетелась на осколки, разорвав уютную тишину, словно бомба. Зажав ладонью рот, Линда побелела, как полотно. Ян успел заметить в ее глазах ужас, прежде чем она бросилась на колени, и начала судорожно собирать осколки. Ян и сам был в ужасе от того, что наделал, и не думая, стремительно подошел Линде. Руки плохо ее слушались, осколки выпадали из дрожащих пальцев, но она продолжала их собирать. Пара мелких порезов уже прочертили красные полосы на ее ладонях. Ян наклонился, схватил Линду за плечи и поднял на ноги. Может ему и показалось, но от выражения ее лица, он, наверное, дрожал не меньше чем девушка. А потом она заговорила, и Ян понял, что он вовсе не дрожал. Его просто трясло.

— Я все уберу. Уберу. Я сейчас уберу. — как безумная повторяла она.

— Линда. — стараясь говорить как можно ровнее, Ян немного ослабил хват своих пальцев на ее плечах. — Линда. Не надо. Все хорошо. Слышишь? Все хорошо. Это ерунда. Все хорошо.

Она не двигалась. А потом замолчала. Просто смотрела на него какими-то пустыми глазами. А он все повторял ей, что все хорошо. Что разбитая кружка, ничего не значит. Он говорил что-то еще в том же роде, пока открывал кран с холодной водой. Пока промывал ранки на ее руках. Потом выключил закипевший чайник и отвел Линду на диван. Она молча сидела, пока он делал для них кофе, сам пытаясь немного прийти в себя. Он осторожно вложил в ее руки чашку с горячим напитком и дождался, когда она сделает первый глоток. Потом и сам присел, но не смог сделать и глотка.

— Мне жаль. — услышал он усталый голос Линды, в котором чувствовался стыд.

— Мне тоже жаль, Линда. — ответил он, подразумевая не разбитую чашку, и даже не ту сцену, свидетелем которой только что стал. — Ложись спать. Тебе надо отдохнуть.

Ян оставил нетронутый кофе на столике и поднялся. Больше Линда не произнесла ни слова. И он был этому рад. Он должен был уйти. Ему надо было выйти из этого дома, уйти от этой женщины. Он хотел снова остаться один.

Впервые за очень долгое время Линда чувствовала себя в безопасности. Не сказать, что она не волновалась. Было много того, из-за чего она могла бы переживать, но сейчас, сидя на, теперь уже новеньком, крыльце, Линда позволила себе немного расслабиться. Она чувствовала, как вечернее солнце греет ее плечи, легкий теплый ветерок, хоть и не приносил облегчения от жары, но приятно ласкал разгоряченную кожу. Линда знала, что веснушек станет гораздо больше после таких солнечных ванн, но ее это нисколько не волновало.

Надо было встать, и помыть стаканы из-под холодного чая с лимоном, который она вынесла, чтобы утолить жажду детей, игравших на лужайке, и напоить Яна с Саймоном, усердно пилившим рейки, для лестничных перил. Но она продолжала сидеть и смотреть на детей. Как давно она не наслаждалась их беззаботным смехом, и не видела, чтобы они так свободно играли.

Сара дремала на покрывале, расстеленном прямо на траве, утомленная играми. Линда вынесла большой, во многих местах, прохудившийся зонт, который она нашла на чердаке, и Ян воткнул его возле Сары, чтобы оградить от палящего солнца. Дора и Курт играли, строя домики из ненужных деревяшек, оставшихся от ремонтных работ Яна. А Саймон с важным видом придерживал рейки, пока Ян распиливал их по нанесенным меткам.

Они о чем-то переговаривались между собой, но Линда не прислушивалась. Наверное, Ян отдавал указания Саймону, и тот их выполнял, иногда что-то спрашивая или уточняя.

В этот момент Линда почувствовала, что еще часть груза свалилась с ее плеч. Теперь, видя, как Ян и Саймон работают вместе, она могла не переживать, когда они работали на ферме. Она видела, как терпелив Ян к мальчику и это казалось таким непривычным, неожиданно приятным. И Линда никогда не видела Саймона таким. Сейчас он был похож на обычного подростка, который трудится вместе с семьей. Каким же взрослым он был, ее Саймон. Она могла гордиться им. А еще он был очень терпелив с малышами. Да и Ян, к ее удивлению тоже. Когда Курт и Дора отвлекали их, мужчина не кричал и не сердился. Он спокойно выслушивал Дору и по возможности помогал ей. За четыре дня, в течение которых Ян приходил ремонтировать лестницу в доме, он уже сколотил для кукол девочек, пару кроваток, столик и три стульчика. А для Курта, Саймон сделал самолетик. Это был самый простой самолетик, три дощечки, сколоченные простыми гвоздями, но радостный блеск синих глаз Курта, заставил Линду тихо плакать, пока она готовила ужин.

Ужин! Линда заставила себя встать, чувствуя приятную усталость. Смена в ресторане забирала почти все силы. Но эта усталость не мешала Линде ласково улыбаться дочерям, Курту и Саймону. На этой неделе смены были вечерними, так что сегодня она пришла и сразу принялась готовить ужин. Но так как было не все еще закончено, и Ян решил подготовить материал на завтра, то Линда наполнила кувшин холодным чаем, нарезав туда лимон, и вышла на улицу.

А теперь пора было накрывать на стол, и звать всех на ужин. Но она не успела войти в дом, Ян направился к ней, в то время как Саймон собирал инструменты. Мужчина стащил платок с головы и утер им лицо. На нем была белая майка и не застегнутая синяя рубашка. А джинсы были настолько вытертыми, что, казалось, могли рассыпаться по ниточке при малейшем движении. И это придавало Яну какой-то диковатый вид. Линда невольно затаила дыхание, пока он приближался к ней, засунув большие пальца рук в карманы джинсов. Но

что было удивительным, не страх был тому причиной. Как-то незаметно, за последние дни она перестала вздрагивать, если он заговаривал с ней, да и время, когда она кормила его ужином становилось менее напряженным. Вот и теперь, когда Ян встал напротив Линды, она не сделала шаг назад.

— Мы закончили. — сказал он, пристально вглядываясь в ее лицо.

От этого взгляда у девушки поползли мурашки, не смотря на то, что было очень душно, и она чувствовала, как под рубашкой капелька пота скатилась между грудей. Этот взгляд не пугал, но он волновал. Под ним, Линда чувствовала себя уязвимой.

— Умывайтесь и приходите ужинать. Я сейчас накрою на стол, только заберу Сару в дом.

— Хорошо. Линда... — позвал он, быстро оглянувшись на Саймона, он как раз относил инструменты в крохотную пристройку. — Сегодня на работе я говорил с Саймоном. О том, что он делал тогда на вокзале. Он кое-что объяснил мне.

От этих слов Линде стало не по себе. И от того, что испугалась, что Саймон что-то рассказал об их прошлом, и неприятного чувства ревности, потому что с ней на эту тему он категорически говорить отказывался. Он больше не пропадал, но не объяснил и предыдущий инцидент. И Линда вольно не вольно, боялась, что в один из дней она так же не дождетя его с работы. И то, что он предпочел поговорить с чужим человеком, а не с ней, расстроило ее. Раньше они были очень близки.

— Он сказал, что хотел как лучше. Для тебя и детей. Но пообещал так больше не делать.

Облегчение пронеслось по телу теплой волной. Линда кивнула, не сумев произнести ни слова. Ян по-прежнему не сводил с нее глаз. Он был так близко, что Линда могла, отчетливо рассмотреть отросшую щетину, которая являлась неотъемлемой его частью, жесткую линию губ, и морщинки вокруг глаз. И маленький шрам на щеке, почти не заметный. А ресницы у мужчины были немного темнее, чем волосы, и красиво обрамляли серо-зеленые глаза. Линде показалось, что на улице стало жарче. А сердце словно отяжелело, с трудом проталкивая кровь. Да и дышать стало труднее. Возникло желание вдохнуть глубже, наполнить легкие ароматами травы и земли, прогретым солнцем воздухом и запахом хвойного мыла. Хвойного мыла? Линда отпрянула, чем заставила Яна вопросительно выгнуть бровь.

— В чем дело? — просто спросил он, но сделал шаг назад, видимо давая ей больше личного пространства, не желая ее пугать.

Линде не очень понравилось, что он так легко угадал ее состояние. Она отвела глаза и посмотрела на спящую Сару. Она слышала, как Саймон зовет Курта и Дору домой.

— Все хорошо. — запоздало ответила Линда. — Пора ужинать. Мне надо разбудить...

Ян покачал головой. И в его глазах она уловила намек на улыбку. Потом внимательно посмотрел на нее. А потом сказал, что они с Саймоном сами приведут детей, когда все умоются и вымоют руки. Ну почему он не может просто отойти от крыльца, чтобы она могла спуститься. Линду беспокоил его понимающий взгляд. Она больше не могла этого выносить и поблагодарив, вошла в дом. Пока она накрывала стол к ужину, смогла немного успокоиться. Ей показалось, твердила она себе. Этот мужчина просто смотрел на нее, как смотрел бы на кого угодно. И то, что она чувствовала себя так, словно ее длинная юбка и рубашка совсем прозрачные, это только ее паранойя.

Что-то изменилось в нем после той ночи. Сначала Линда не могла понять, а потом до нее дошло. Он был трезв. Все время. Когда забирал Саймона на работу утром, то был

бодрым, и его явно больше не мучило похмелье. А когда приходил вечером, чтобы заниматься ремонтом, то Линда могла уловить запах его мыла, немного резковатый, хвойный аромат, но никакого виски. И этот острый, все подмечающий взгляд не был затуманен алкоголем.

К тому времени, как Ян и Саймон вошли в дом, приведя с собой детей, стол был уже накрыт. Волосы у всех были влажными. Дора побросала собранные на улице игрушки в коробку возле дивана, а Курт уже взобрался на табуретку, за кухонный стол. Саймон, кажется, ушел переодеться, Линда не расслышала точно, потому что то, что она увидела, потрясло ее. Ян Ривз нес маленькую Сару на руках. Она сидела на его предплечье, и что-то ему говорила. А он с серьезным видом ее слушал и не спешил поставить на пол, несмотря на то, что все уже расселись по местам. Даже Саймон спустился со второго этажа, на ходу натягивая чистую футболку. А потом он заметил ее потрясенный взгляд и, сказав Саре лишь короткое «обещаю», посадил ее за стол. Линда не знала, что Ян пообещал ее дочери, но этого видимо оказалось достаточно, потому что Сара тут же поделилась радостью с Дорой. А та в свою очередь с таким обожанием посмотрела на Яна, что Линда совсем лишилась дара речи. Но как только Линда хотела спросить, что это за обещания он дает, Саймон заметил, что пора бы уже поесть.

К счастью ужин прошел спокойно. Линда в основном молчала, лишь вовремя подкладывала добавки и наливала чай. Болтали в основном девочки, а Саймон и Ян отвечали на вопросы, если такие поступали. Лишь к концу, возник небольшой спор. Малышки снова стали просить Яна показать им лошадок. Линда какое-то время возражала, но Саймон сумел ее убедить. Договорились, что когда у Линды будет выходной, она поедет вместе с ними, таким образом, Яну и Саймону не придется присматривать за детьми, в ущерб работе и во избежание неприятностей, которых по уверениям Яна быть и не могло.

Но решающим аргументом стал счастливый взгляд Курта. Линде даже пришлось прикусить губу изнутри, чтобы не заплакать. Курт был ее самой большой болью. Она жизнь бы отдала, только бы он оправился.

Но это был не последний спор за вечер. И главным камнем преткновения стал пакет с продуктами, который принес Ян. Он так и остался стоять не разобранным. И когда Линда провожала мужчину до двери, то попросила, чтобы он забрал его. Из-за чего получила недовольный взгляд.

— Я думал это справедливо. — попытался уговорить ее Ян. — Я ужинаю здесь почти всю неделю. А я взрослый мужчина с отменным аппетитом. Тебе приходится готовить больше еды и это...

— Это ерунда по сравнению с тем, как преобразуется дом. Я в состоянии накормить ужином, но сама бы е смогла починить ни крыльцо, ни лестницу. Думаю, что ужин, это ничтожная плата.

— Линда. За это я получаю деньги. Так что... Да дело даже не в этом. Просто так для меня спокойнее. Я мужчина и не хочу никого обременять. Может я и не эталон нравственности, но у меня есть совесть. Тем более в пакете всего лишь фрукты и сладости. Ну, пара коробок молока и сок. Что в этом такого? Считай это подарком для детей.

— Нет. — отводя взгляд, ответила Линда. — Я и сама могу купить все это детям.

— Линда. Это не подачка. Я уверен, что ты сама можешь все это купить. Что плохого в том, что я принес немного продуктов?

От понимания в его глазах, щеки ее вспыхнули. Ее и так задевали попытки жителей

городка вручить ей вещи и одежду. А от сознания, что и Ян хочет облагодетельствовать их, Линде было еще хуже. Она сама не понимала, почему это так ее задевало. Да и глупо было отказываться от помощи, особенно в их положении. Ей стоило бы радоваться любой помощи, прежде всего ради детей. Но она не хотела, чтобы этот мужчина смотрел на нее с жалостью. Чтобы думал о ней как о женщине, неспособной обеспечить себя и детей. И эта сумка продуктов, которую он вручил ей, со словами «вот, это для вас», стала каким-то символом ее никчемности. Линда могла бы сказать, что это все ее гордость, но знала, что от ее гордости ни осталось и следа. Она забыла, что значит это слово. За последние пять лет, она унижалась и умоляла столько, сколько другие не унижались и не умоляли за всю жизнь. И все же, она не хотела от Яна Ривза подачек.

— Что же. Тогда можешь выбросить это. — пожал он, и сбежал с крыльца.

Не успев подумать о том, что делает, Линда последовала за ним. Он уже взялся за ручку дверцы своего пошарпанного «Бронко», когда Линда схватила его за рукав рубашки. Мужчина резко обернулся, а Линда растерялась от смелости своего поступка. Она даже забыла вздохнуть. Что это было, страх или нет, она не знала. Только она почему-то не одернула руку. Просто застыла потрясенная. Голова закружилась, но Линда решила, что это от усталости, а может из-за беременности. Но у нее не было времени подумать. Ян накрыл ее похолодевшие пальцы горячей ладонью. Он не был рассержен, Линда видела это очень ясно. Но то, что светилось в его глазах, было более волнительно и еще опаснее.

— Это всего лишь продукты, Линда. — тихо сказал он. — Ты пытаешься сохранить гордость. Думаешь, я не вижу? Это я могу понять. Но тогда и ты пойми. Пойми меня и мок гордость. Или ты берешь продукты, которые я принес и принесу снова. Или я больше и крошки не съем в этом доме.

Линда кивнула. То ли соглашаясь принять продукты, то ли поддерживая его в решении больше не садиться с ними за стол. Она увидела, как Ян кивнул, на секунду задержав взгляд на ее губах. Потом спустился ниже, на ворот ее рубашки и вернулся к губам. Непроизвольно Линда провела по ним языком, от чего мужчина тяжело сглотнул. И резко рванувшись, разорвал их физический контакт.

— До завтра. — бросил он, забираясь на сиденье машины.

— До свидания. — тихонько шепнула Линда, сомневаясь, что Ян услышал.

Он уехал, а Линда еще долго стояла и смотрела, как оседает пыль на дороге, поднятая колесами его машины. Стояла до тех пор, пока Саймон не вышел на крыльцо, узнать, все ли с ней в порядке.

Линда уже и забыла, как это бывает, просто радоваться наступившему дню. Не бояться шагов в коридоре, гадая, в каком настроении придет тот, кто внушал ужас. Сможет ли она покорностью и услужливостью спастись от побоев и убережет детей от ужаса быть этому свидетелями. А потом ждать, когда достаточно опьянев, он заснет, чтобы вытащить из его кармана немного денег, чтобы было чем кормить детей. И уже уложив их спать отправляться убирать квартиру живущего напротив больного старика, стирать ему и готовить, зарабатывая, пусть немного, но достаточно, чтобы отложить на побег.

Но в этот день, последнего месяца лета, Линда, проснувшись, поняла, что проспала всю ночь, ни разу не проснувшись, чтобы проверить детей. Да и пробудившись, не соскочила по привычке в испуге, что проспала слишком долго. А позволила себе полежать немного, потягиваясь, чтобы пробудилось тело. Она прикрыла глаза и улыбалась, поглаживая живот, по которому невозможно было догадаться о ее положении. Но если положить на него руку, то уже можно было почувствовать его твердость. И впервые, осознание, что она носит ребенка, не вызывало страха и паники перед завтрашним днем. Конечно, Линда понимала, что впереди вновь тяжелые дни. Сколько она еще сможет работать в таком положении? И нужно было подумать о том, как быть после родов. Она не сможет оставить новорожденного, чтобы пойти работать. Но и сидеть дома возможности не было.

Но сегодня она решила не думать об этом. Всего один день, без вечного страха и неопределенности. Всего несколько часов прожить так, словно и завтра все будет так же хорошо, как сегодня. Разве это так много...

Сегодня она точно знает, что дети сыты и завтра тоже будут накормлены. Что они уже не пугаются каждого шороха, и не хватаются за ее ноги, увидев незнакомца. Конечно, они всегда настороже, и не так открыты и доверчивы, как другие дети, но в их глазах уже много дней не было страха. А тех, кого они уже знали, дети встречали улыбками. Особенно одного человека.

Яна Ривза.

За те пять недель, в течение которых он занимался ремонтом их дома, дети очень привязались к нему. Саймон уважал его и, казалось, ловил каждое слово мужчины. Курт же явно брал пример со старшего брата. Правда он все еще опасался первым подходить к Яну, но стоило тому позвать, тот бежал к нему, рискуя споткнуться и упасть. Но самых ярких обожателей он приобрел в лице Доры и Сары. Возможно, это могло бы обеспокоить Линду, если бы сам мужчина не отвечал детям взаимностью.

Линда, которая, по прошествии времени, стала желаннее общаться с местными жителями, и теперь уже чаще позволяя себе и детям гулять в городе, нередко была свидетелем того, как нетерпелив и даже нарочито грубоват, бывает Ян с окружающими людьми. Он по непонятным для Линды причинам избегал общения и отваживал всех, кто навязывался ему. И каждый раз, становясь свидетельницей подобных сцен, она с опасением наблюдала, как он поведет себя с детьми. Но ни разу он не позволил себе повысить голос или проявить раздражения. И что было самым невероятным, ей казалось, что мужчина получает удовольствие от общения с детьми.

Вот только у самой Линды и Яна были какие-то странные отношения. Иногда Линда оправдывала это тем, что сама всегда на стороже, отсюда и возникающее каждый раз

напряжение. Что именно она порой излишне себя накручивает, и только поэтому ей кажется то, чего на самом деле нет. Но с каждым днем это беспокоило ее все больше. Казалось, Ян Ривз, не делал ничего такого, чтобы могло ее насторожить. Он всегда был вежлив и предупредителен по отношению к ней. В ее присутствии, впрочем, как и в присутствии детей, он старался не делать резких движений, говорил сдержанно, подбирая выражения. У них ни разу не возникло спора или конфликта, потому что оба старались избегать подобного. Да и не было у них причин для споров. И все же, иногда Линде казалось, что Ян за что-то сердит на нее, или в чем-то обвиняет. Порой она ловила на себе его взгляд, и недоумевала, когда видела в нем какую-то обиду. Но в следующую секунду все менялось. Мужчина отворачивался, а когда она вновь встречалась с ним глазами, этих непонятных эмоций уже не было. И она ругала себя за паранойю.

Линда отвлеклась от своих мыслей, увидев, что девочки просыпаются. Дора, тут же вскочила и побежала к Линде, взобралась на ее кровать, и обвила шею матери руками. Сара же, потирая глазенки, присела в своей постели.

— Доброе утро, мои сладкие! — улыбаясь, сказала Линда, получив в благодарность поцелуй от Доры, и улыбку от Сары.

И словно по заказу, дверь открылась и Линда увидела Курта, в синей пижаме, с ракетой и звездами на груди.

— Иди ко мне, сынок. — позвала она, и расцеловала щеки мальчика, когда и он обнял ее. Дора, не умевшая оставаться на месте долго, сползла с кровати и уже тормозила сестру, уговаривая выбираться из кровати.

Линде пришлось ненадолго зажмуриться, чтобы не заплакать. Этого еще не хватало. Не объяснишь же детям, что она растрогалась от счастья, а еще из-за своей эмоциональности в последнее время. Но если она смогла остановить, уже готовые было пролиться слезы, то вот тошноту так легко не прогонишь. И хоть она не мучила сильно, но все же это было неприятно. Но, как правило, вода с лимоном хорошо помогала. И пока неприятный симптом не усилился, Линда велела детям идти умываться, а затем спускаться завтракать, а сама отправилась на кухню.

К тому же, ей было нужно не только выпить воды с лимоном и приготовить завтрак, но и зажечь четыре свечки на праздничном торте, купленном заранее. Ведь ее малышам сегодня исполнялось по четыре годика. И у Линды были планы на этот день. Она надеялась, что сможет подарить своим детям немного праздника.

* * *

Линда, в очередной раз, подошла к лестнице и, вытирая руки о фартук крикнула:

— Саймон! Спускайся и последи за детьми! Я ничего не успеваю!

— Ты меня не обманешь, Линда! — услышала она в ответ, приглушенный прикрытой дверью спальни, голос Саймона. — Дети сами прекрасно играют. Ты просто хочешь заставить меня резать дурацкие овощи.

Линда засмеялась, потому что Саймон был абсолютно прав. И, тем не менее, она не собиралась отказываться от своего замысла — выманить Саймона из своей комнаты. Он безвылазно просиживал там все свободное время, лишь иногда присматривал за детьми, когда они через чур расшались. Но признаться, Линду несказанно это радовало. Когда дети

начинали слишком громко спорить, и бегать по дому, разбрасывая игрушки, ей хотелось кричать от счастья. Потому что она никогда не видела их такими. Всегда тихие и запуганные, они мало были похожи на обычных детей. А сейчас, было так радостно смотреть на расшалившихся малышей. Даже Курт смеялся.

Но как бы она не наслаждалась, любуясь на своих ребятишек, подгоревшему печенью вряд ли кто обрадуется. Поэтому Линда снова побежала на кухню.

— Спускайся сейчас же, Саймон! — все же еще раз попыталась она, уже вынимая противень с печеньем из духовки.

От ароматов, наполнявших кухню, текли слюнки. Утренняя тошнота уже давно прошла, а вот аппетит стал просто волчий. А учитывая, что с утра она не успела позавтракать, то еле сдерживалась, чтобы не взять одно печенье с противня и не проглотить целиком. Линда, посмеиваясь про себя, покачала головой. Честное слово она сейчас была и сама похожа на Сару и Дору, которые так и норовили стащить сладости с накрытого стола. И им с успехом это удавалось. Линда делала вид, что не замечает этого, позволяя детям делать, что они хотят. Тем более для девочек это был особенный день.

И уже не удивляясь, Линда смахнула сбежавшую по щеке слезу. Она за это утро то радовалась, то плакала. Она радовалась, когда вместе с детьми отправилась за покупками в большой магазин, где ей открыли счет, что в свою очередь растрогало Линду до слез. Потом она радовалась вместе с девочками, когда наряжала их в только что купленные платьица и туфельки, и заплетала их рыжие кудряшки в высокие хвостики на макушке. И плакала, когда увидела Курта, которому помог переодеться Саймон, в брючках цвета хаки и в темно-зеленой рубашечке, с коротким рукавом, и пуговками в виде самолетиков. Они зашли в салон, и теперь его темные волосы были короткими на висках и более пышными на макушке, что делало его похожим на маленького денди. Линда не могла сдержаться, чтобы не прижать сына к себе и расцеловать. Но Курт не возражал. Напротив, он обхватил ее шею ручонками и уткнулся носом ей в плечо. А в следующую секунду, неугомонные в это утро, Сара и Дора присоединились к их объятиям. Только Саймон остался в стороне, мученически закатив глаза. Но Линда видела, что он и сам рад видеть брата и сестер такими веселыми.

А потом, она начала готовить праздничный обед. Они не ждали гостей, кроме Яна, но разве им нужен был кто-то другой. Правда было жаль, что Полли отказалась прийти из-за какой-то проверки в ресторане. Но подарила девочкам подарки и сладости.

Когда Линда поставила последний прибор на стол, накрытый скатертью и заставленный едой, она услышала, как подъехала машина Яна.

— Курт! Девочки! Приехал дядя Ян. Перестаньте бегать и идите встречать гостя.

Малышки тут же помчались к двери, и, распахнув ее, побежали на улицу. Курт же остался в доме, но с нетерпением выглядывал за дверь. Не прошло и двух минут, как вошел Ян, на обеих руках неся девочек.

— Линда. — обратился он к ней, подарив улыбку. — Кто эти красавицы-принцессы? А где же Дора и Сара? — и засмеялся, когда малышки стали убеждать его, что это они и есть. — О! — удивленно посмотрел он на Курта, и, спустив малышей на пол, потрепал мальчика по волосам. — Да ты настоящий маленький мужчина! Совсем как Саймон!

Линда видела, как Курт обрадовался этой похвале! Он, конечно, не решался реагировать как Сара и Дора, но его улыбка и гордость в глазах разбивали Линде сердце каждый раз. Не было для Курта лучшей похвалы, чем та, что он похож, на обожаемого брата. И Ян Ривз отлично это знал.

Она поспешно сняла фартук, и провела руками по новой длинной юбке, словно разглаживая. Она не позволила купить себе что-то дорогое, потратив почти все деньги на наряды для детей и продукты. Но на распродаже купила пышную голубую, с крупным цветочным сине-белым принтом юбку и простую белую блузку, без рукавов, застегивающуюся на мелкие синие пуговицы. Волосы она еще утром уложила в узел, но теперь он наверняка растрепался, и она пожалела, что не поднялась наверх и не привела себя толком в порядок. Эти странные мысли немного встревожили ее, но она не стала на них сосредотачиваться. А просто улыбнулась, смотря на то, как этот диковатый мужчина, теперь лишь иногда пугавший ее своей силой и суровым видом, осторожно дотрагивается до кружевных платиц, что демонстрировали ему малышки. И она ясно видела, как ему немного не по себе от этой девчачьей атрибутики: платиц, бантиков, и туфелек. Но с удовольствием принимал влажные поцелуи, по очереди подставляя щеки то смело требующей ласки Доре, то скромно переминающейся рядом Саре. А когда девочки подарили Яну по два поцелуя, он ответил им взаимностью, прижав маленькие ладошки девочек к своим губам.

Но и Курт не остался без внимания. Ян притянул мальчика за руку поближе и что-то сказал ему на ухо, от чего лицо ребенка радостно засветилось, и он деловито кивнул Яну.

Ну, вот снова, не смотря на радостный и волнительный миг, к глазам подступили слезы. Линда отвернулась и поспешно ушла на кухню, включила воду и стала мыть вспотевшие ладони, ругая себя за эмоциональность. Внизу живота потянуло, а в животе неприятно заурчало. Виновато погладив все еще плоский живот, Линда прошептала:

— Прости, малыш, совсем закрутилась.

Потом вздохнула поглубже. Выключила воду. Пора было всех звать к столу, в том числе и Саймона, который упрямо не хотел спускаться.

— Все в порядке?

Линда подскочила и резко обернулась. На секунду у нее остановилось сердце. Но странным образом, сожаление, промелькнувшее на лице Яна, ее успокоило. Она поняла, он и сам пожалел, что напугал ее. Поэтому Линда улыбнулась и покачала головой.

— Нет. Все хорошо. Немного закрутилась.

— Вижу! Стол накрыт отлично! У меня уже слюнки текут. И... Спасибо за приглашение.

Линда удивилась, когда поняла, что он действительно думал, что она могла его не пригласить. Самой это и в голову ей не приходило. Станным образом Ян стал буквально самым близким человеком им во всем городе. И дело было не только в том, что благодаря ему их дом значительно преобразился. Это случилось само по себе, когда с каждым днем его присутствие становилось более естественным.

— Это тебе спасибо, что пришел. Дети не простили бы мне, если бы я не пригласила тебя.

— Я кое-что привез. Подарки детям и немного сладостей. Пойду принесу. А где Саймон? Он мог бы помочь.

— Не стоило беспокоиться. У нас всего достаточно...

— Я знаю. — только и ответил он, пресекая все возражения. — А взамен я заберу остатки еды для Бродяги.

Линда не стала спорить, уже заведомо зная, что проиграет. Да и после упоминания о Бродяге, ей хотелось рассмеяться. Это был еще один новый обожаемый детей. И это не смотря на то, что пес был страшен, как смертный грех. Но совершенно безобидный.

— Так, где же Саймон?

— У себя. — нахмурилась Линда. — Сидит там с тех пор, как мы вернулись из города.

— Понятно. — кивнул Ян, и больше не сказав ни слова, пошел к лестнице. — Саймон!

Спускайся, парень! Нужна помощь.

Ян, не дожидаясь ответа, направился к выходу. Но не успел выйти, как Линда увидела, как Саймон спускается по лестнице. Он, не говоря ни слова, последовал за Яном. Младшие же дети послушно занимали места, когда она позвала их. Вскоре вернулись Ян и Саймон, и начался праздничный обед, с вручением подарков, поздравительных тостов и пожеланий. Поначалу Линда чувствовала неловкость, что в стакане Яна всего лишь сок, поскольку никакая сила не могла заставить купить ее спиртное, но убедившись, что самого мужчину это нисколько не волнует, успокоилась.

Все было замечательно. Дети были просто счастливы. Наевшись, они попросили разрешения выйти из-за стола, и, получив его, принялись играть в новые игрушки. Саймон и Ян обсуждали тему разведения лошадей. Саймона очень увлекло коневодство.

Линда, маленькими глоточками попивая чай, прислушивалась к их разговору, краем глаза следя за детьми. Ей не хотелось ни говорить, ни двигаться. Она была довольна тем, как прошел день, хоть и чувствовала легкую усталость. Она откинулась на стуле и наблюдала за Саймоном и Яном. Сегодня ни оба были одеты не так, как обычно. Саймон надел новую футболку, и даже причесал волосы, которые уже следовало бы постричь, но что он категорически отказывался сделать. И Линда была уверена, что это делалось ради сходства с Яном. Разница была лишь в том, что волосы мужчины были уже достаточно длинными, для того, чтобы их можно было собрать в короткий хвостик, в отличие от прядей Саймона, которые зачастую торчали в разные стороны. И сегодня, Ян был без своего любимого платка, повязанного на лоб. В клетчатой рубашке и темно-синих джинсах, он выглядел замечательно.

Линда не могла не признать, что Ян Ривз был красивым мужчиной. Но она лукавила. Его привлекательность она заметила гораздо раньше. Просто сейчас, сидя напротив Яна, расслабленная и довольная, она не заметила, как опасные мысли проникли слишком основательно. И завладели ей. Она и раньше испытывала странное волнение, когда порой позволяла себе чуть дольше посмотреть на этого мужчину, во время его работы по ремонту, или когда он общался с детьми, но всегда успевала одернуть себя и отвлечься. Но сейчас не смогла, или не захотела.

От чувства, которое начинало завладевать ей, Линда немного встревожилась. А когда поймала себя на том, что уже в течение нескольких минут то и дело смотрит на его губы и вовсе разволновалась. Отведя взгляд, она отпила еще чая, трусливо списав жар, разлившийся по телу на гормоны. И мурашки, от звука его хриповатого голоса, тоже. Но, не смотря на, казалось бы, найденное объяснение, Линда была почти благодарна Саре, которая подбежала к ней и попросила запеленать ей куклу. Потом Линда принялась убирать посуду, а Саймон, находясь в хорошем настроении, стал играть с детьми. Линда не успела расслабиться, как рядом с ней возник Ян с полотенцем в руках, и, не слушая возражений, принялся вытирать посуду.

Молчание между ними затягивалось, но ни один из них не проронил больше ни слова, занимаясь каждый своим делом. Только почему-то с каждой минутой дышать становилось труднее. Особенно от того, что Линда, находясь так близко от мужчины, могла с легкостью уловить резковатый запах хвойного мыла и особенный аромат, присущий именно Яну. Линда

отказывалась искать причину, отчего ее пальцы слегка задрожали. Кажется, даже сердце ускорило ритм на какую-то долю секунды. А потом и вовсе остановилось, когда большая горячая ладонь накрыла ее дрожащую руку. Линда застыла и вскинула голову, впервые увидев лицо Яна так близко. Что-то промелькнуло в его глазах. Сильное и яркое, и чем-то похожее на то, что творилось с ней. Но тут же, его лицо приняло привычное спокойное и немного замкнутое выражение. Линда видела, как дернулся кадык мужчины, когда он тяжело сглотнул.

— Все в порядке. — успокаивающе произнес он, видимо решив, что испугал ее. — Я сейчас уйду.

А затем и в самом деле отступил на пару шагов. Он взял ведро, приготовленное для Бродяги, и, постояв еще с минуту, прожигая растерянную Линду взглядом, пошел прощаться с детьми.

Линда не могла сдвинуться с места, пока наблюдала, как он ласково прощается с малышами, и крепко жмет руку Саймону. Но и когда за мужчиной закрылась дверь, Линда не сразу смогла взять себя в руки. И даже гораздо позже, уложив детей спать, она не могла перестать думать о Яне Ривзе, и своей реакции на него. Это пугало ее теперь, а не просто волновало. А к середине ночи и вовсе заставило запаниковать. И поэтому Линда пообещала себе, во что бы то ни стало, вернуть свое благоразумие. И перестанет сходить с ума. У нее и так много забот. Она мать четверых детей, и готовится стать матерью снова. Она беременна, а испытывает влечение к мужчине, которого знает около двух месяцев! Немыслимо!

Она решила, что с завтрашнего дня будет держаться как можно дальше от Яна.

Но это оказалось не трудно в течение следующих четырех дней. Потому что сам Ян не появлялся ни на работе, не у них дома. А когда Линда увидела его снова, то он не позволил ей держаться на расстоянии.

Линда не понимала себя. И злилась. Потому что вместо того, чтобы наслаждаться каждым днем спокойной жизни, выпавшим ей, она с каждым часом накручивала себя все больше. Может с ней что-то не так? Может, правы все те люди, которые утверждают, что женщины, терпящие домашнее насилие, сами виноваты в этом. Может, в ней есть какой-то ген жертвы, и она, даже находясь в нормальной ситуации, намеренно ищет повод для переживаний и внутренних терзаний.

Бросив резиновые перчатки на край раковины, и выключив воду, Линда устало вытерла пот со лба. Ее смена закончилась, ресторан закрылся для посетителей, и вся посуда была помыта. Полли ждала, когда домоют полы в общем зале и можно будет запереть двери. Линда сняла фартук, и повесила его на крючок. Эта смена была самая изматывающая за последнее время. Наверное, потому что Линда не могла дождаться, когда она закончится. Еще утром, выйдя из дома, она решила, что после работы пойдет к Яну Ривзу. Всю смену она ждала, когда время ее работы закончится. А оно, как обычно в таком случае, тянулось ужасно медленно. Но вот долгожданная минута настала, но теперь уверенность Линды в правильности намерения навестить Яна поубавилась.

Попрощавшись с Полли и с не успевшими уйти официантками, Линда вышла под теплое, но уже не такое обжигающее солнце, последнего месяца лета. По дороге домой она с улыбкой здоровалась со знакомыми, искренне радуясь, пока еще хрупкому, но приятному ощущению принадлежности к этому городу и просто встречной улыбке и кивку головы, в знак узнавания и приветствия.

Но мысли все равно занимал лишь один единственный вопрос — куда пропал Ян Ривз? После праздника, устроенного в честь Дня рождения Сары и Доры он больше не появлялся. Сначала Линда даже обрадовалась этому. Его отсутствие как нельзя лучше способствовало осуществлению ее намерения держаться от мужчины подальше. Но когда прошло три дня, а он так и не пришел, хоть и обещал после выходных заняться ремонтом крыши, подготовкой ее к осени, Линда начала волноваться. Или скорее задаваться вопросом, чем могла его обидеть. Может она как-то неправильно себя вела, или он неправильно истолковал момент, когда они вместе занимались посудой. Он мог подумать, что испугал ее, но это была неправда. И Линда не хотела, чтобы Ян думал так. Но она успокаивала себя тем, что он не обязан уделять столько времени ей и ее детям. У него есть своя жизнь, он и так все эти недели занимался ремонтом их дом и мужчина имеет полное право отдохнуть.

Но ее беспокойство вернулось и усилилось в двойне, когда Саймон сказал, что Ян и на работе не появляется уже три дня. Тогда Линда решила, что после работы сходит к нему, уговаривая себя, что нет ничего особенного в том, что она проведает соседа, который так много сделал для них.

Во время перерыва Линда вскользь упомянула в разговоре с Полли, что не видит Яна уже три дня, когда та спросила, как продвигается ремонт. Но Полли только внимательно посмотрела на нее, а потом покачала головой, и перевела разговор на другую тему. И после этого Линда засомневалась.

И все же решила пойти. К тому же, у Саймона был выходной и он присматривал за детьми, так что Линда могла не переживать, что малыши одни.

Дорога до дома Яна не заняла много времени. Да и уверенность в правильности своего

визита придавала твердости шагу. Но вот у порога неприветливого жилища сомнения вновь овладели Линдой.

В первый раз, когда она приходила сюда, было темно и рассмотреть дом не представлялось возможности. Да и тогда, безумно волнуясь за Саймона, она и не могла думать ни о чем другом.

Но сейчас, при свете дня, дом Яна Ривза предстал перед ней во всей своей красе. А точнее убогости. Разница между его домом и ее, на момент, когда она с детьми въехала в него, была лишь в том, что дом Яна был крепким. Но таким же обветшалым и запущенным. И если за то короткое время, что она жила в своем, Линда стремилась привнести в него уют, то Ян этим явно не заморачивался. Острые углы окон не сглаживали складки занавесок, высокий сорняк полноправно владел лужайкой перед домом, а дерево ограды и крыльцо потемнело от времени. Краска на стенах дома давно облупилась и в основном осыпалась, лишь кое-где пятнами напоминала, в какой цвет было выкрашено это строение.

Не давая себе возможности передумать, Линда взошла на крыльцо и постучала. Но на шум никто не отозвался. После второй попытки достучаться до хозяина дома Линда отступила, решив, что вероятно дома никого нет. Но стоило ей спуститься на одну ступеньку, как откуда-то из-за дома прибежал Бродяга и, виляя хвостом, стал тыкаться лохматой мордой ей в ноги. Линда протянула руку и потрепала пса за ухом, в который раз поражаясь его виду. Полуоблезлый, со свалывшимися колтунами шерстью. С огромными лапами и мордой, и поразительно добрыми карими глазами, которые контрастировали с его свирепым видом. Да и вел себя этот пес как большой кот, стремившийся получить как можно больше ласки. Но в его преданности Яну можно было не сомневаться. Линда ни разу не слышала, и не видела, чтобы Ян сказал что-то хорошее этому псу или погладил его. Напротив, он практически не позволял к себе приближаться, а если тот и нарушал границы, то мужчина осаждал его короткой фразой «Пошел вон». Но и не обижал. А по упитанным бокам было ясно, что кормит он собаку отменно. Но животное было поразительно привязано к Яну Ривзу. Как бы дети не играли с псом, не угощали вкусненьким и не ласкали его, стоило хозяин появиться, тот бежал к нему и крутился поблизости, правда, не нарушая позволенных границ.

Вот и теперь, приняв поглаживания Линды, и пару раз лизнув ее руку горячим влажным языком животное ринулось к входу в дом, и, ткнувшись мордой, проскользнуло внутрь. Линда с минуту в недоумении смотрела на приоткрытую дверь, прежде чем решилась вновь подойти. Ей стало не по себе от того, что она собиралась без приглашения вторгнуться в чужой дом. Но еще больше ее тревожили мысли, что дверь была открыта, и вероятнее всего Ян был дома, но не отзывался, когда она стучала. Если, конечно, он не уходит, не заперев дом. Может с ним что-то случилось, или ему плохо и он болен, а она трусливо мнетя на пороге.

Сделав вдох поглубже, и собирая всю свою храбрость в кулак, она протянула руку и толкнула дверь.

Тяжелый запах перегара и табачного дыма ударил в нос, и вызвал ужас от нахлынувших воспоминаний. Искушение повернуть назад было почти непреодолимым. Линда неосознанно сделала пару шагов назад, выпустив дверь, и та стала с раздражающим скрипом закрываться.

Но потом отругала себя за малодушие. Стоило помнить, сколько всего хорошего этот человек сделал для них за последнее время. Как терпелив он был по отношению к детям. И с

каким пониманием относился к ней, стараясь не испугать ее. Линда знала, что он многое понимал из того о чем она молчала, но не задавал вопросов. И все же сердце тревожно билось, и Линде было стыдно за свой страх. Вытерев вспотевшие ладони о длинную юбку, она вошла в дом.

— Ян? — она прошла чуть дальше, стараясь не морщиться от удушливого застоявшегося воздуха. — Ян, это я Линда.

К ней снова подбежал Бродяга, но Линда не позволила ему себя отвлечь. Она осмотрелась вокруг. Внутри дом был точно таким же, как и ее. Правда обстановка отличалась разительно. И если снаружи ее дом проигрывал жилищу Яна, то о внутреннем убранстве такого она сказать не могла. С порога можно было видеть и кухню и гостиную, не отгороженные друг от друга ничем, кроме одной ступеньки, и картина была плачевной. В кухне не было ничего, кроме старой грязной плиты и умывальника со шкафом под ним. Сам же шкаф был без передней ножки, которую заменил кирпич, и отсутствовала дверца, что давало возможность увидеть содержимое этого предмета мебели. На единственной полке стояло ведро, пара щеток и опрокинутая баночка с каким-то чистящим средством. Рядом с мойкой стоял еще шкаф повыше, где находился скудный набор разномастной посуды, а у окна примостился стол с давно полинявшей клеенчатой скатертью. На углу стояла пустая бутылка из-под виски и газета, которая наполовину скрывала жестяную банку, служившую пепельницей.

Гостиная была обставлена еще скуднее. Одна тумбочка прижималась к стене напротив дивана, повернутого спинкой к входу. А чуть поодаль от подлокотника стоял низкий столик, заваленный бутылками и пачками из-под сигарет.

Разглядывая неприветливую обстановку, Линда не сразу заметила, что на диване кто-то лежит. Так как он был повернут спинкой, было практически невозможно увидеть на нем человека. Но ей помог Бродяга. Он обежал диван и, поскуливая, привстал на него передними лапами, явно потревожив спящего. Линда услышала сердитое бормотание. Линда последовала за собакой, но не стала обходить, а просто подошла к спинке дивана. Ян лежал на спине, закрыв лицо одной рукой, а другая расположилась на груди мужчины. Одну ногу он согнул в колене и прижимал к спинке, а вторую спустил на пол. На мужчине ничего не было кроме обрезанных чуть ниже колен старых джинсов и черной майки с вытянувшимися проймами. Ян крепко спал, теперь даже не реагируя на попытки пса привлечь к себе внимание.

И он, как предположила Линда, был пьян. В какой-то степени Линда испытала облегчение, когда не оправдались ее худшие предположения. Он не был болен. С мужчиной ничего не случилось. Во всяком случае, в физическом плане он был в порядке. Но потом, к своему удивлению, Линда разозлилась. Мог ли представить этот мужчина, чего стоило ей прийти сюда. Да и теперь стоять и смотреть на спящего хозяина дома. Линда прекрасно знала, какими непредсказуемыми могут быть люди, когда находятся в алкогольном опьянении или страдают от похмелья. Она боялась представить, что может случиться, если Ян проснется, и поймет, что она вторглась к нему в дом. Одного вида широких плеч и мускулистых рук с большими кистями было достаточно, чтобы почувствовала, как неприятно засосало под ложечкой. И в тоже время это рождало ощущение трепета. Линда поежилась и на минуту прикрыла глаза. Она не знала, что делать. С одной стороны она уверилась в том, что Ян цел и невредим, но с другой, не может быть в порядке человек, который пьет третий день подряд. И впервые, с тех пор, как она познакомилась с Яном

Ривзом, Линда задумалась о том, что могло сделать такого сильного, мужественного и уверенного мужчину горьким пьяницей. Линда знала, что он много пил до ее приезда в этот город, да и помнила, в каком состоянии он был, во время их первых встреч. Но потом она совсем об этом забыла, так как больше его таким не видела. И вот теперь, что-то заставило его взяться за бутылку.

Но к своему стыду, она больше не хотела об этом думать. Это причиняло какой-то дискомфорт. Едва проступающую боль, словно от разочарования. Застыв возле спящего мужчины, она ощущала, как теряет что-то очень важное, дорогое и нужное. А потом вдруг осознала от чего ей так тоскливо. Потому что она испытывала влечение и симпатию к Яну. Она, сама того не замечая, начала верить ему и больше не боялась. А теперь эти чувства боролись в ней с отвращением, страхом и разочарованием.

Понимая, что начинает задыхаться, то ли от удушливого запаха, то ли от всех нахлынувших эмоций Линда отступила на шаг и уже готова была ринуться со всех ног прочь, как Ян, словно почувствовав ее присутствие, дернулся и резко убрал руку с лица. Его затуманенные глаза уставились на нее с каким-то странным выражением. Он будто не осознавал, кто перед ним, или видел совсем другого человека, потому что в его взгляде был страх и в то же время надежда. И Линда вспомнила, как он смотрел на нее точно так же лишь однажды. В самый первый день, стоило ей переступить порог ресторана Полли в поисках прохлады и обеда для детей. Но прошла минута, показавшаяся Линде вечностью, и взгляд Яна прояснился. Может Линде показалось, но в нем промелькнуло облегчение, словно он рад, что перед ним именно она.

Но потом все развеялось. Мужчина поморщился и попытался приподняться. Это движение явно причинило ему боль, потому что он застонал, пытаясь отпихнуть Бродягу, тыкающегося ему в грудь.

— Черт бы все побрал! — прорычал Ян. — Пошел отсюда!

Его хриплый грубый голос заставил Линду вздрогнуть, и дрожь пробежала по ее телу. Линда стала пятиться к выходу, а когда отошла достаточно, чтобы мужчина стал невидим за спинкой дивана, развернулась и побежала.

* * *

— Линда! — от собственного крика голова взорвалась болью, и Ян схватился за перила крыльца, чтобы не рухнуть, этот резкий подъем и скачек через диван явно не пошли ему на пользу.

Но он был рад, что девушка остановилась, хоть и не спешила поворачиваться. И Ян, сам не зная откуда, но знал, что Линда замерла как статуя, не потому что хотела, а просто выполнила его требование. Он даже мог представить выражение ее лица. И наполненные страхом глаза и подрагивающие губы, ее бледное лицо. Он пока не решался последовать за ней, и причина была не только в нетвердых ногах, но и из-за страха еще больше ее испугать.

— Линда. — более спокойно позвал он. — Не убегай. Скажи мне... Я что-то сделал? Напугал тебя?

Ян задавал вопрос и боялся ответа. Он помнил, как однажды, прижимал ее к стене ресторана и целовал, напугав ее этим почти до обморока. С тех пор прошло много времени, и он стал замечать, что она уже не вздрагивает при его приближении. Не отводит испуганно

глаза. Не съеживается, если он вдруг поднимает руку, чтобы поправить платок на голове. Пусть не совсем, но она стала немного доверять ему, и страх отступал. И вероятность того, что он мог сделать что-то, что свело все эти перемены на нет, угнетала его, добавляя ему боли к физическим страданиям от похмелья. Правда, похмелье у него было вчера. Сегодня он уже не пил, но менее паршиво ему не становилось. Он два дня пил беспробудно, теперь пожинал плоды. Он планировал прийти в себя к завтрашнему дню и вернуться к работе на ферме и продолжить ремонт в доме Линды. И уж ни как не мог предположить, что у него будут гости, тем более что этим гостем окажется Линда. Меньше всего он хотел, чтобы она увидела его в таком состоянии. Что было довольно удивительно, поскольку его давно не волновало то, что подумают о нем люди.

Линда повернулась, и Ян с облегчением отметил, что девушка лишь обеспокоена, но не испугана. И все же он повторил свой вопрос.

— Нет. Я только пришла. Я стучала, но ты не отзывался. Я... — вот тут она испуганно посмотрела на него. — Я вошла. Извини меня, я не... Не должна была. Ты спал, а...

— Ладно. Я понял. Ничего страшного. Ты испугалась?

— Нет. — слишком быстрый ответ и сжатые кулачки не убедили Яна.

— Хорошо. Не уходи. Я сейчас умоюсь и мы поговорим.

Он осознавал, что этот вызов очевиден. И Ян видел, что она прекрасно понимает это. Линда сказала, что не испугалась, и он предлагал ей это доказать. Но Линда не была к этому готова, и, посмотрев ему за спину, на дом, покачала головой, с таким выражением, словно он предлагал ей вернуться в преисподнюю.

— Я не могу. Мне пора идти. Дома дети.

— Линда, — он не хотел, чтобы она уходила. — Остайся. Ненадолго.

Это было глупо. Он и сам не понимал, зачем ему это понадобилось. Но он не мог отпустить ее сейчас. Он еще не отошел от потрясения, когда открыл глаза и увидел ее. В первый момент, ему показалось, что он видит Мел. И не почувствовал того трепета, что испытывал раньше, когда видел ее, например, во сне. Наоборот, желание стряхнуть с себя это наваждение, заставило его поежиться. Но потом он понял, что это Линда, и единственное, что остановило его от того, чтобы протянуть руку и коснуться ее, это ее встревоженный взгляд. Даже проснувшись и еще не вполне воспринимая окружающее, он понимал, что стоит ему сделать хоть одно неверное движение, как она сорвется с места и исчезнет. Да так и случилось на самом деле.

А теперь он с мучительным нетерпением наблюдал, как Линда медленно подходит к крыльцу. Она подошла так близко, что ей пришлось поднять к нему лицо, чтобы они могли встретиться глазами.

Они молча вошли обратно в дом. И когда он увидел свое жилище ее глазами, то ему стало стыдно. Но особенно неприятно было видеть, как тревожно она смотрит на столик у дивана, заваленный пустыми бутылками. Сам же ощутил неприятный запах и не стал закрывать дверь. Он чувствовал себя виноватым, понимая, что это глупо. Линда стояла рядом с ним и молчала. Она, наверняка именно теперь, поняла, кто он такой и как живет. И Яну было жаль. Жаль, что она это видела, и что он не мог сказать, что-то типа: «Это не то, что ты думаешь», потому что это было именно то, чем казалось. Он лишь мог порадоваться, что не пьян и принял душ сегодня утром, а вот уборку в доме решил, к сожалению, отложить на вечер.

Но потом все мысли перемещались и приняли совсем иной поворот. Он вдруг вспомнил,

что Линда пришла к нему в первый раз потому, что пропал Саймон. И от мысли о том, что пока он заливал в себя виски, с кем-то из детей могла приключиться беда, он похолодел. Стараясь не делать резких движений, он повернулся к Линде.

— Что-то стряслось? Что-то с детьми? Саймоном? — даже он расслышал тревогу в собственном голосе.

Линда моргнула в недоумении. А потом взгляд ее потеплел. И поразив Яна в самое сердце, она улыбнулась.

— Нет. С детьми все хорошо. — ответила она, пока Ян стоял, как оглушенный. — Думаю, они сейчас доказывают Саймону, что выходной не всегда означает отдых.

— Тогда почему ты пришла? — вполне искренне удивился Ян, а потом наблюдал, как краска смущения покрыла щеки девушки. — Линда?

Она прошла в гостиную, села на диван, потом, наверное, осознав, что Ян не предлагал ей сесть, вскочила, но опять села. Ян вздохнул и пошел за ней. Он вслед за Линдой присел на диван, и она не отстранилась, когда их ноги соприкоснулись. Линда лишь покосилась на него, но посмотреть в открытую не решилась.

— Я беспокоилась. — очень тихо призналась она. — Я думала, что-то случилось.

— Беспокоилась? — не совсем уверенный, что понял правильно, переспросил Ян, одновременно борясь с желанием взять руки Линды в свои и расцепить судорожно сжатые пальцы.

— Тебя не было три дня. Саймон сказал, что и на работе ты не появлялся. И я... И в тот день я вела себя... Ты мог подумать... — окончательно сбившись, она снова вскочила с дивана.

Ян не позволил ей уйти, взяв за руку и потянув обратно на диван. Линда села и не предприняла попытки освободить запястье, а Ян не сделал этого сам, лишь едва прикасаясь, погладил ее ладонку большим пальцем. Он смотрел на ее профиль, на рыжие приди, выбившиеся из привычного узла на затылке. На маленький, чуть вздернутый носик, на соблазнительные губы. На шею, где билась венка. словно физически ощущая на себе его взгляд, Линда провела по губам языком, и мужчина видел, что она борется с собой, чтобы не повернуться.

Она была красавицей. Он заметил это давно и каждый день в этом убеждался. Он не мог вспомнить момент, когда захотел ее. Когда ему стало сложно не смотреть на нее, когда приходилось сдерживаться, чтобы не приблизиться к ней близко и не ощутить ее маленькое тело в своих объятиях. Он отмечал, как за эти недели она немного набрала вес, ее формы округлились, а с лица исчезла неестественная бледность. Он больше не мог оправдать свое желание сходством Линды с его покойной женой. У них не было ничего общего. Даже цвет волос был различным. Ему нравились оттенки меди в волосах Линды, они вспыхивали золотом на солнце.

— Я хочу поцеловать тебя. — Даже для себя, неожиданно произнес он и, продолжая держать Линду за руку одной рукой, другую положил на затылок девушки.

Он не пытался приблизиться, просто ощущал ладонью ее жар, который проникал под кожу и распространялся по всему телу. Он забыл, как это бывает, когда прикосновения достаточно, чтобы десятки образов пронеслись перед глазами, и все же сдерживаться, понимая, что, не смотря на бешеную страсть, хочешь быть нежным. Он хотел быть нежным. Для нее. Для них обоих. И даже зная, что возможно совершает самую большую ошибку, уже не мог остановиться. Он уже пробовал ее поцелуй на вкус. Он был горьким от ее страха и его

скорби. Он хотел теперь ее сладости, ее нежности.

Это были странные минуты, когда он просто смотрел на нее, а она на него. Ян понимал и осознавал, что ничего не изменилось, и он не изменился, но уже чувствовал приближение катастрофы. Потому что это было не правильно. Он просто обязан поблагодарить ее за беспокойство и проводить до дома. Завтра, когда в его голове прояснится, он порадуетя, что не сделал непоправимого. Но в то же время знал, что не поступит так. Он нуждался в ней. Она была как осень. Именно те осенние дни, когда тепло и солнце просвечивает янтарем сквозь поменявшие окраску листья. А еще он понял, что не хочет видеть ее среди убогой обстановки своего дома, не может целовать ее, на этом старом диване, вместе с ее ароматом вдыхать запах неубранного дома.

Ян поднялся с дивана и за руку потянул Линду за собой. Она следовала за ним легко, не задавая вопросов. Они вышли на крыльцо, вечерний воздух встретил их легкой прохладой, и ароматами травы и земли. Не в силах больше сопротивляться Ян положил свои ладони на щеки девушки и погладил гладкую кожу, потом провел большим пальцем по нижней губе, почти потеряв голову от того, как от этого прикосновения Линда чуть прикрыла глаза и ее ресницы дрогнули.

— Не бойся. — Тихо сказал Ян, склоняясь все ближе к лицу Линды. — Только ничего не бойся.

Она, кажется, затаила дыхание. Когда он легко коснулся ее губ своими, она замерла, словно насторожившись. Ян помедлил несколько секунд, давая Линде возможность отстраниться. Он не сжимал ее в объятиях, не сминал ее губы в страстном поцелуе, хотя, именно этого и хотел, но боялся ее напугать. Но оно не оттолкнула его, и Ян вновь и вновь прикасался к ее мягким губам легкими поцелуями. Но что-то случилось, и Линда, выдохнув прямо в губы Яна, чуть поддалась ему навстречу. Это решило все. Ян приобнял Линду за талию и придвинул ее к себе, чуть углубив поцелуй. Он хотел ворваться в ее рот и предъявить свои права на него, но из последних сил сдерживался, ожидая отклика со стороны Линды. И когда она сама потянулась за его губами, стоило ему лишь немного отступить, он позволил себе больше. Больше не сдерживаясь, он сжал ее в объятиях, позволяя Линде в полной мере ощутить сумасшедшее биение его сердца. Раздвинул ее губы и проник между ними языком, едва не застонав от наслаждения. Какой маленькой она была по сравнению с ним, такой хрупкой и покорной, это разожгло Яна изнутри, разгорячило кровь. Аромат ее волос и кожи смешался и пьянил его, наравне с винной сладостью ее губ. И если бы она только знала, каких трудов ему стоили попытки держать себя в руках, то точно бы испугалась.

Ян понимал, что еще минута, и остатки самообладания покинут его. С трудом заставил себя отстраниться, но не выдержал и прижался щекой к ее волосам над виском, стараясь восстановить сбившееся дыхание. Он каждую секунду ждал, что она оттолкнет его. Но совсем не ожидал, что она в поисках опоры сама прижмется к нему.

Так они и стояли. Он обнимал ее, вдыхая аромат ее волос, а она позволяла ему это, пока солнце садилось за горизонт, окрашивая небо и землю вокруг в розовый и пурпурный цвета. Но закаты в этом краю были хоть и яркими, но скоротечными. Так и момент тихой близости между ними прошел. Наваждение ушло, и реальность вернулась вместе с вечерними сумерками. Линда пошевелилась в попытке отстраниться, и Ян отпустил ее. Она посмотрела на него со стыдом во взгляде, от чего Ян почувствовал себя мерзавцем. Он должен был что-нибудь сказать, она ждала, Ян видел. Он тоже ждал, так как видел, что что-то гложет ее. Но

оказалось, что им нечего сказать друг другу. И Яну ничего другого не осталось, только смотреть, как Линда, быстрым шагом все больше удаляется, пока совсем не скрылась за холмом.

Она его избегала. Можно было по пальцам сосчитать, сколько раз он видел Линду за те три дня, что в ускоренном темпе ремонтировал крышу ее дома. Начались уже первые дожди; пока еще теплые и короткие, но явно дающие понять, что от лета остались считанные дни. Когда на второй день ремонта, он спустился обедать и пошел дождь, то сам смог точно определить, сколько прорех надо еще заделать. Их показали тонкие ручейки, проникшие в верхние комнаты, и под которые Линда подставила ржавые ведра, найденные в сарае.

К настоящему моменту он смог ликвидировать протечки, но судить окончательно рано. Будет видно, когда начнутся более сильные дожди. Ян снова бросил взгляд на Линду, которая смотрела куда угодно, только не на него. И так все три дня. Если она не успевала ускользнуть, то находила себе миллион занятий, лишь бы только у них не было возможности поговорить. И смотреть она на него напрочь отказывалась. Ян не очень волновался по этому поводу. Он понимал, ей надо все обдумать, и позволял держаться на расстоянии. Но так же он считал, что три дня достаточно большой срок. Да и не может она избегать его все время. Так что Ян ждал удобного момента, чтобы поговорить с Линдой. На его счастье пошел дождь, и он был вынужден слезть с крыши.

Так как ужинать было рано, Саймон сразу поднялся в свою комнату. Дети же увлеклись игрой, и Линда явно была лишней в их компании. Она сидела рядом с ними на коленях и не знала, куда деть руки. Ян же прислонился к кухонному столу, скрестив руки на груди, и вволю рассматривал Линду. Неизменно длинная юбка скрывала ее ноги полностью, лишь подошвы поношенных сандалий виднелись из-под ее складок. Просторная блузка без рукавов, зеленоватого оттенка, была застегнута на все пуговицы. Волосы она не собрала, и они свободно лежали на плечах и спускались на спину, закрывая лопатки.

Линда чувствовала его взгляд, оттого то и дело нервным жестом касалась волос и одергивала блузку. Ян вздохнул и покачал головой. Он уже хотел позвать ее, но она сама, погладив девочек по головкам, и поцеловав Курта в щечку, поднялась. Она шла к нему, как жертвенная овечка на заклание. Интересно, что она думала? Что он набросится на нее, как дикарь? Ему хотелось бы знать, что стало причиной такого поведения? Смущение или страх? Но сразу же дал ответ: и то и другое. Линда, не останавливаясь, прошла к выходу из дома и бросила на него беглый взгляд, который Ян расценил, как приглашение последовать за ней. Когда они оказались на крыльце, она прижалась к новым перилам, явно стремясь отстраниться от него как можно дальше. Ладно. Он и это понимал. Он встал напротив, повторив за ней, и облокотился на перила с другой стороны.

Мелкий дождь все еще шел, но под широким навесом намокнуть им не грозило.

— Линда. — позвал он, но девушка только сильнее вжалась в деревянную перекладину. — Посмотри на меня. — не дождавшись реакции, Ян понял, что так они ничего не решат.

Наверное, было ошибкой дать ей время. Судя по всему, чем дольше она оставалась со своими мыслями, тем сильнее себя накручивала. Ян прекрасно осознавал, что ни один из них не готов к таким переменам. Может это себе он давал время все обдумать. Но уже не мог перестать вспоминать, как целовал ее на своем крыльце. Какими нежными и податливыми были ее губы. И каким правильным казалось то, как Линда прильнула к нему, прежде чем убежать, позволяя обнимать ее. Хотел ли он повернуть назад? Нет. Впервые за долгое время,

он не ощущал пустоты и отчаяния. Они не ушли совсем, но теперь словно отодвинулись на второй план.

После очередной встречи с братом, воспоминания и вина сомкнулись вокруг него плотной чернотой. Побывал в прошлом и глотнул боль, которая проникла в вены и отравила кровь. Ян вернулся домой и одну за другой прикончил две бутылки дешевого виски. А утром пожалел, что они не доконали его. Все повторилось. Он сидел на диване, подливая в стакан виски, и вдруг зацепился взглядом за бумажный пакет, небрежно брошенный на стол. Два альбома и новые фломастеры для девочек, и раскраска для Курта, которые он купил перед встречей с братом, собираясь вечером зайти к ним. И в тот момент он, несмотря на опьянение, отчетливо понял, что хочет как можно скорее протрезветь. Осознал, что самым его большим желанием является перейти холм и оказаться у Линды. Он хотел, чтобы две рыжеволосые малышки, так похожие на маму, повисли у него на шее. Правда Сару еще надо было поманить, чтобы она осмелилась так открыто выразить восторг. А потом он бы потрепал Курта по волосам и спросил как у них дела, надеясь, что однажды он все же ответит. И весь оставшийся вечер наблюдать за детьми и за Линдой, занятой своими повседневными делами.

Но он не мог. Не мог, пока от него несло дешевым пойлом и сигаретами. Пока он не твердо стоит на ногах. Он знал, какой будет реакция Линды и детей, если он явится к ним в таком виде. И это было для него кошмаром не меньшим, чем для них. Он решил дать себе еще день, чтобы протрезветь и прийти в норму. Но Линда пришла к нему сама.

А после того, как она убежала, он много думал. О ней, о себе, о детях. Он мог бы оставить все как есть. Но уже не мог. Он понял, что хочет заботиться о них. Он превратился в ничтожество, потому что не имел больше смысла в том, чтобы что-то делать. А теперь он хотел быть нужным этой семье. Чтобы у Сары и Доры всегда были фломастеры и бумага для рисования. И чтобы, вместо застиранных обносков, они носили красивые платица. Такие красивые малышки должны быть похожи на принцесс. А Курта бы он научил мастерить бумажные самолеты, как когда-то его самого научил отец. Он мог бы приглядывать за Саймоном, потому что Линде все труднее справляться с ним и Ян видел, как это угнетает ее.

Линда.

Иногда Яну делалось не по себе от того, что этой слабой, хрупкой женщине приходилось быть такой сильной. Это было противоестественным и неправильным. Сколько ей лет? Двадцать с небольшим, и уже четверо детей, о которых она вынуждена заботиться. Она была маленькой и юной на вид, но сколько всего таили ее глаза. Так разве не именно он должен взять часть этих забот на себя. Он был здоровым и сильным. Он может работать для них день и ночь. А если и этого будет недостаточно, то на его счетах до сих пор полно денег, чтобы Линда и дети ни в чем не нуждались.

Это было бы его целью. Это стало бы его жизнью. Он не хотел жить для себя. Теперь он мог бы жить для них. Они бы стали его искуплением. Может тогда он смог бы примириться с собой. Вот только девушка, стоявшая напротив, не спешила сделать и шага в его сторону. Но Ян не мог позволить себе допустить ошибку. Что он будет делать, если она отвергнет его. Он просто должен был убедить ее в том, что нужен ей.

Он сделал пару шагов к ней, но не стал подходить слишком близко.

— Линда — снова позвал он, и на этот раз она посмотрела на него. — Ты боишься?

— Нет. — ее ответ немного успокоил Яна, но расслабляться было рано.

— Давай поговорим, Линда. О том, что случилось. Я понимаю, что ты хотела бы

сделать вид, что ничего не было. Но это было.

Она сглотнула и попыталась что-то сказать, но передумала. На щеках вспыхнул румянец.

— Я не хочу, чтобы ты пугалась, Линда. Я не собираюсь теперь ворваться в твой дом и распоряжаться твоей жизнью. Это был просто поцелуй, но его бы не было, если бы между нами ничего не происходило.

— Да. — смело признала она, чем вызвала восхищение Яна. Он уже и так знал, что эта малютка умеет быть ответственной. — Но я не могу, не могу допустить, чтобы... — она виновато потупилась — Этого не должно было случиться. Я не виню тебя, я сама... пришла. И... осталась. Ты мог подумать, что я... хотела, чтобы ты... Но я не хотела... — и тут Линда почти в ужасе напряглась. — То есть, я хотела. Я сама, но...

Ян в растерянности отступил. Что за ахинею она несла? Он почти половину не понял из ее лепета, но вывод был один: она пыталась извиниться за то, что сама спровоцировала его? Это было до того нелепо, что Ян не в силах больше слушать ее самобичевание, поднял обе ладони и выставил перед собой.

— Подожди. Линда, что ты несешь? — просто перебил он ее. — Я вовсе не это имел в виду, когда сказал, что нам надо об этом поговорить. Я разве в чем-то тебя обвинял? Это я должен извиняться, что набросился на тебя. Но если честно, то несколько об этом не жалею. Слушай, я не знаю, что из этого выйдет, но не хочу, чтобы ты теперь избегала меня. Я просто хочу знать, что не испугал тебя, и не заставил ответить мне, потому что боялась отказать.

— Нет! Ты не заставлял. Я сама...

— Я понял. — Ян вздохнул. — Я подойду к тебе поближе, ладно? — и, не дожидаясь ее согласия, вновь подошел к ней. — Линда, послушай, в том, что произошло, нет ничего плохого. Мы взрослые люди. Нас тянет друг к другу. Торопиться ни к чему, я не стану настаивать, не буду давить на тебя. Пусть все идет, как идет. Я понимаю, что пока у тебя нет оснований доверять мне. Но я никогда не сделаю тебе больно или детям. Ты не представляешь, как они много стали значить для меня. Ты и твои дети, это самое лучшее, что случилось со мной за последние несколько лет. Ты же заметила, что я очень... привязался к ним?

Линда кивнула, потрясенно вглядываясь в его лицо. И Яну казалось, что она смотрит ему прямо в душу. Он боялся, что и так наговорил уже больше, чем она могла осознать и принять, но еще сильнее боялся, что упустит шанс донести до нее все это. Что если он спасует сейчас, то снова попадет в темноту, именно тогда, когда захотел на свет.

— Позволь мне быть рядом. Мы не станем торопиться. Если ты не сможешь, то я не стану настаивать. Но я хочу знать, что могу что-то сделать для вас. Для тебя.

Ян хотел бы найти нужные слова, чтобы убедить ее, но в голову ничего не приходило. И в какой-то момент ему нестерпимо захотелось обнять Линду. Больше ничего не говоря, сжать ее в руках, убедиться, что она тут, что настоящая. Что это не полупьянный бред. Сам не понимал, когда это случилось, но он хотел ее все эти дни, пока ремонтировал ей дом. Запрещал себе думать, смотреть и желать. А три дня назад, когда она пришла к нему, спустил спусковой крючок и уже не знал, как остановиться. Может он просто одну зависимость меняет на другую? Только это было опаснее, чем алкоголь. В этом случае он отвечал сам за себя и только. Но совсем другое — Линда и дети.

Тишина между ними нарушалась, доносившимися из дома звуками, но все равно была какой-то гнетущей. Ян пытался увидеть, о чем думает Линда по ее лицу, но она была

слишком растеряна и удивлена. А еще Ян заметил, что ее немного потряхивает. И все же что-то светилось в ее карих глазах, что давало ему надежду.

— Скажи же что-нибудь. Линда, не бойся. Что бы ты ни решила, тебе нечего бояться. Просто скажи мне, о чем ты думаешь?

— Я не могу. — тихо ответила она. — Это невозможно.

Ян не смог вздохнуть. Но потом заставил себя успокоиться. Он же знал, что это не будет легко. Слишком много было в жизни Линды, чтобы она смогла так просто кому-то довериться.

— Почему? Я тоже так думал совсем недавно. Я знаю, что тебе надо время, чтобы привыкнуть ко мне. Научиться не бояться, и верить...

— Пожалуйста, не надо.

Яна потрясло выражение ее глаз. Она словно что-то теряла, так смотрят люди, когда... Когда прощаются. Ян отступил, чтобы не схватить ее и не начать убеждать ее снова. Или зажать ей рот ладонью, а еще лучше поцелуем, чтобы она не успела сказать то, что собиралась. Потому что он видел по ее лицу, что это не то, на что он надеялся. Об этом же свидетельствовали ее слезы, прочертившие две влажные дорожки по ее щекам.

— Линда...

— Нет. Я не могу. Ты не понимаешь. — она всхлипнула и отвернулась. — Не могу.

— Потому что ты ничего ко мне не испытываешь? Или потому что боишься меня?

— Потому что я замужем. Потому что я замужем и... Я беременна.

У Линды шумело в ушах. Или это кровь неслась с такой скоростью по венам, что закладывало уши. Наверное, если Ян что-то скажет в данный момент, она просто не расслышит ни слова. Может, так будет лучше. Она все еще не могла поверить в то, о чем говорил этот мужчина. И она не понимала, откуда взялось это чувство утраты. Потому что с каждым словом она понимала, что хотела бы всего того, что он предлагал. И в то же время слишком хорошо знала, что этому никогда не бывать. И не только потому, что совсем забыла, как это, когда о тебе кто-то заботиться. А потому что забыла, а возможно никогда и не знала, что можно испытывать что-то иное, кроме страха, когда к тебе прикасается мужчина.

Она солгала бы себе, если бы сказала, что жалеет о том поцелуе. Сначала Линда думала, что у него будет вкус виски, и как только Ян поцелует ее, она испытает отвращение. Это было бы знакомо и привычно. Она бы знала, как справиться с этим. Но оказалось, что у него вкус мужчины и горьковатой нотки табака. И вместо отторжения она испытала трепет. А с этим она не знала, как быть. Потом Линда ждала, когда сильные руки причинят ей боль, но и этого не было. Ян был сильным, но его руки не делали больно. И уже никогда не забыть те несколько минут, когда Ян обнимал ее, а она слушала, как стучит его сердце. И все три дня Линда и желала и боялась, что это повторится. Но то, что он говорил, что предлагал, было больше того, что могла она предположить. Это не могло быть правдой, а если и так, то тогда она совсем ничего не понимала.

Ян говорил невероятные вещи. Линда понятия не имела, что могло побудить мужчину решить взять на себя заботу о чужих детях. Тем более о ее детях. Это не были милые простодушные малыши, которые улыбаются незнакомцам, рассказывают трогательные стишки для гостей. Они боялись чужих людей, пугались громких звуков, хватались за ее юбки, как только кто-то стучался в дверь. К тому же один из них был подросток, с которым становилось все труднее, а второй — маленький мальчик, который не говорил. Так зачем Яну брать на себя такую ответственность? Но даже если бы она могла предположить, что такое вполне может быть, то были и другие причины, по которым она не должна даже думать об этом.

Имела ли она право вновь так рисковать? Нет. Больше никогда она не хотела бы, чтобы ее дети снова попали во власть мужчины. Жестокого, и подверженного приступам ярости. А она не так хорошо знала Яна, чтобы быть уверенной в нем. Было еще очень много причин, из-за которых она все равно не смогла бы принять его предложение. Ведь, согласившись, она давала бы ему право рассчитывать не только на ее дни, но и ночи.

От этих мыслей холодная дрожь пошла по позвоночнику. Линда уже не помнила ни жар, ни ласку поцелуя Яна. В одно мгновение она вспомнила много других поцелуев, много других ласк, которые она хотела бы забыть. Одни воспоминания накладывались на другие, и она сама не заметила, как в глазах все поплыло. Ей казалось, что доски крыльца расшатались и теперь качались так, что пришлось схватиться руками за перила. Кажется, она даже не понимала уже кто перед ней. Все что она видела это силуэт большого мужчины, сердитое лицо и сцепленные в кулаки руки. Линда изо всех сил старалась успокоиться, убеждая себя, что Ян не опасен. Они много дней провели вместе, и он ни разу не обидел, ни ее, ни детей. Она стала глубоко дышать, только это не помогало. Где-то краем разума она понимала, что

ведет себя как сумасшедшая, но уже ничего не могла поделать. Впервые за много дней с ней случился приступ паники, с которыми она думала, смогла справиться.

* * *

Ян слишком поздно заметил, что с Линдой творится что-то неладное. Последние ее слова просто оглушили его. Он понимал, что убедить ее будет не просто, и ее отказ был вполне закономерен. Он и не рассчитывал, что она так с ходу доверится ему. Но спрашивая о причине, он и предположить не мог, что она скажет именно это. В эту секунду он пожалел о своем решении бросить пить. Злость плеснулась похлеще виски, обожгла желудок. Не на Линду, наверное, нет. На жизнь, на паскудную, не справедливую жизнь. Они с Мел так этого хотели, мечтали об этом. Проходили дорогостоящее лечение, жили по расписанию. Да он знал больше о женских циклах, чем некоторые из женщин! Его жена умерла, пытаясь стать матерью! Хоть раз, поддержать ребенка на руках! Да можно было бы желать этого сильнее!? Они дали бы этому ребенку все: любовь, заботу, защиту. Он получил бы прекрасное воспитание и образование. Но этому не суждено было сбыться, и теперь его жена лежит в могиле, а он оставил семью и работу, чтобы хоть в виски найти несколько часов беспмятства. Почему же это дар с такой легкостью дается другим? Менее достойным, и не способным дать ребенку того, что нужно. Ян понимал, что не имеет права даже так думать, но на какой-то момент он возненавидел женщину, стоящую перед ним.

Ян не знал наверняка, но уже был почти уверен, что именно муж Линды издевался над ними. Ему было тошно думать о том, что он делал, чтобы довести детей и женщину до такого состояния. Судя по одежде, и тому, что осталось от их вещей они влачили жалкое существование. И, тем не менее, у них были дети. За что? Почему? Кто решает этот извечный вопрос!? Линда, запуганная, хрупкая, женщина, сколько еще она сможет противостоять обстоятельствам. О чем она думала, когда позволила этому случиться. Они и так еле сводили концы с концами, так что же будет с детьми, когда Линда не сможет работать?

Но вспыхнув, его гнев и непонимание погасли, оставив после себя лишь горечь. И пришли другие чувства. Беспокойство и сочувствие. Ян понял, что его мышцы начали болеть от напряжения и только сейчас сообразил, что уже некоторое время стоит истуканом, сжимая руки в кулаки. Он вскинул голову, и что-то словно сломалось в нем.

Линда стояла бледная и напуганная. Такого страха в глазах он не видел у нее с первых дней после приезда. Она, словно, загнанный в угол зверек, застыла и сдалась, стараясь быть не заметнее, и настороженно вглядывалась в него.

Проклиная себя, Ян медленно разжал руки и заставил расслабиться каждую мышцу. Он представлял, что его эмоции отразились и на его лице, и попытался вернуть себе спокойствие. Только это мало помогло. Ян всего лишь хотел убрать волосы с лица, давая и Линде и себе, немного времени успокоиться. Но эффект получился обратным. Стоило поднять руку, как Линда дернулась, и вскинула обе свои руки, закрыв лицо.

Ян сомневался, что, даже зная, что нужно делать, он смог бы сдвинуться с места. Прошло несколько минут, прежде чем Линда поняла, что он не собирается бить ее и медленно опустила руки. И тут же в ее лазах загорелся стыд. Он понимал ее, знал, чего она стыдится. И от этого все его внутренности словно обожгло кислотой. Ему и самому захотелось прикрыться, чтобы не видеть ее лица, потому что стало совестно от тех мыслей,

что еще недавно занимали голову. И снова начал злиться, только не на Линду, а на себя, что напугал ее, и на того ублюдка, который довел до такого состояния.

Не было сил держать от Линды на расстоянии в этот момент. Он видел, что она мелко дрожала от напряжения и страха. Ян сделал шаг, потом еще один, и когда подошел вплотную на несколько секунд замер, с опущенными руками, а потом осторожно поднял одну и провел ладонью по плечу Линды. Она замерла, отводя взгляд и сжимая губы. Тогда он поднял вторую руку и погладил второе плечо. Он стоял рядом с ней и просто старался успокоить легкими прикосновениями, показывая, что не опасен. Ян видел, что Линда уже пришла в себя и немного успокоилась. Но он нет. Слишком много всего клокотало в нем. Он давно не испытывал таких сильных эмоций. Гнев и желание, совершенно неуместно появившееся от близости ее хрупкого тела. Нежность и жалость, когда только пытался представить, как жила эта маленькая женщина раньше. А еще страх. Забытый, из прошлого, из того времени, когда все было иначе и он был другим. Страх, который наступал после слов: «я беременна». Тогда начинались долгие дни ожидания и страха.

Вот и теперь он испугался. Потому что уже принял тот факт, что теперь он взял ответственность за эту женщину на себя. Ее признание ошеломило, но мало что изменило. Теперь Яну казалось, что эта семья еще больше нуждается в нем. Просто им всем надо немного времени. Линде, что бы принять тот факт, что она теперь не одна. И ему, чтобы все как следует обдумать. А еще, надо как можно больше выяснить о том, кто является мужем Линды, он ли действительно представляет для нее и детей угрозу, и сделать все, чтобы не позволить ему навредить им.

* * *

— Все будет хорошо. — его голос напряженным эхом отдавался в груди. — Я не хотел тебя пугать.

Лучше бы он не говорил. Потому что Линда пыталась забыть о своем унижении. Это было странное чувство, потому что она испытала его столько, что это стало привычным. Но от того, что Ян увидел ее страх, было неприятно и стыдно. Линда знала, что он и так о многом догадался, а остальное несложно додумать.

Но странным образом все неприятное ушло, когда перестав поглаживать ее плечи, посылая тепло по всему телу, Ян настойчиво потянул ее к себе и, как и три дня назад, прижал к своей твердой груди. Было таким большим искушением позволить себе немного расслабиться и забыться, пока сильные руки обнимали. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что в любой момент их могут увидеть дети, но было так сложно отстраниться. Удивительно, но теперь, когда приступ паники прошел, Линда почти не боялась. Такой большой и теплый, Ян Ривз странным образом давал уверенность, что все будет хорошо. Как за пару месяцев человек, тем более мужчина, может стать таким близким. Линда хотела бы прижаться еще сильнее, вжаться и забрать чуточку его силы.

— Ты подумаешь над тем, что я сказал тебе, Линда? — не выпустив ее из объятий, спросил Ян, нарушая молчание.

— Я не понимаю. Почему?

— Мне это... нужно. Твои дети. Ты. Я хочу быть рядом и заботиться о вас. Я понимаю, что ты не понимаешь и у тебя есть опасения, но... Линда, я клянусь, что никогда, ни разу не

поднимал руку на женщину и тем более на ребенка.

Линда не хотела это слушать. Она дернулась, пытаясь отстраниться, и Ян отпустил ее. А ей, в ту же секунду, захотелось вернуться в его объятия, и почему-то она была уверена, что если только позволила бы себе податься вперед, Ян бы снова обнял ее. Но она не решилась даже на такую мелочь, так как же принять такое серьезное решение.

— Линда, я не целую каждую встречную. И ты тоже, я полагаю, не каждому это позволяешь. Но так же я понимаю, что одного этого мало. Ты не знаешь меня, но я хочу, чтобы узнала. Мы не будем спешить, я ни на чем не стану настаивать. Просто хочу, чтобы ты знала о моих намерениях и больше не пугалась, как пять минут назад.

— Нам надо вернуться. — не зная, что ответить, напомнила Линда. Голова немного кружилась, наверное, от переизбытка эмоций, да и у кого не закружилась бы от такого предложения, учитывая все обстоятельства. — Дети могут выйти. И Саймон...

— Да. — кивнул Ян. — Ты права. Только обещай подумать. Обещаю, я не дам тебе повода пожалеть о том, что ты доверишься мне.

— Я подумаю. — пообещала она.

Ян смотрел на нее тяжелым взглядом, словно пытаясь одной силой мысли убедить ее согласиться. А потом он посмотрел на ее губы, и Линда непроизвольно облизала их. Стало не по себе, и по позвоночнику побежал снова холод. Но страх тут был не причем. Что-то было не так. Линда замерла, схватившись за перила. Головокружение стало сильнее, а внизу живота появилась тяжесть, и с каждой секундой начинало все больше тянуть. А когда она почувствовала горячую влагу, медленно ползущую по внутренней стороне бедра, то оцепенела от ужаса.

Все произошло так неожиданно, только что они разговаривали, а теперь...

— Что? В чем дело? Что с тобой? — Ян рванул к ней, поддерживая за локоть и вглядываясь в лицо.

Линда не ответив, взялась за ткань юбки.

— Отвернись. Пожалуйста... — прохрипела она. — Пожалуйста. Мне надс посмотреть...

Он был удивлен и снова нахмурился, только от беспокойства, Линда видела это. Она хотела бы что-то объяснить, но не могла. С ужасом она чувствовала, как влага доползла почти до лодыжки. Она беспомощно прижала руку к животу. И Ян Ривз понял. Это отразилось на его лице. Кажется, он даже побледнел, что было заметно на его загорелой коже.

Он отвернулся, резко крутанувшись на месте. Линда, молясь про себя, приподняла подол и ее худшие опасения подтвердились. Она не удержала всхлип, но выпустив юбку, зажала рот ладонью. Ян снова повернулся, и она видела вопрос в его глазах. Но ему не потребовалось много времени, чтобы прочесть его по ее лицу. Но не это было удивительным, не это потрясло Линду. А его дальнейшие действия. Передернувшись всем телом, будто по нему прошла дрожь, Ян Ривз в одно мгновение взял себя в руки. Он сделал шаг, обхватил Линду и, подняв на руку, понес к машине.

— Скажи мне, что ты увидела? Какая была кровь?

— Что? — Линду трясло, и все же она вцепилась в плечи Яна достаточно крепко.

— Не бойся. Я отвезу тебя в больницу. Сейчас я посажу тебя в машину. — он, не выпуская ее из рук, открыл дверцу со стороны пассажирского сидения и осторожно усадил ее. — Вот так. Успокойся. Главное не паникуй. Подожди, я предупрежу Саймона, чтобы

присмотрел за детьми.

Он отвернулся, но Линда схватила его за рукав.

— Дети. Не говори, что...

— Я понял. Саймон придумает что-нибудь. Я скажу только ему. Не волнуйся.

Он ушел в дом, а Линда с каждой секундой отчаивалась все больше. Она поняла, что не может ехать в больницу. У нее не было страховки. А тех денег, что у нее были, не хватит, чтобы заплатить. А это значит, что она должна выйти из машины, подняться наверх, и позволить случиться непоправимому. Линда заплакала, не готовая смириться. Она понимала, что возможно так даже лучше, но от этого ей было еще больнее. Она была плохой матерью, не способной дать своим детям все необходимое. Она не смогла уберечь их от ужаса, который им пришлось пережить, и этим не заслуживала еще одного ребенка. Но все равно от мысли, что она потеряет его, ей хотелось кричать. Но у нее не было выхода. Линда взялась за ручку дверцы, но тут подошел Ян. Лицо его было решительным и на удивление спокойным. Он распахнул дверь, сел за руль и повернул ключ зажигания.

— Я не могу поехать в больницу. — сказала Линда, стараясь не всхлипывать. Следующие слова дались ей с трудом, но она должна была их сказать, пока они не отъехали далеко, потому что Ян, не медля, тронулся с места. — У меня нет страховки. И я не...

Ян посмотрел на нее, с пониманием и сочувствием, но машину не остановил.

— Не думай об этом. — сказал он, продолжая движение. — Линда, ты не ответила. Это важно. Просто ответь, ладно? Что ты увидела? Это была просто кровь? Светлая? Темная? Насколько сильно кровотечение?

От его знающего, спокойного тона, при таких откровенных вопросах, Линда растерялась. Он посмотрел на нее, снова повернулся к дороге.

— Тебе больно? — немного сдавлено спросил он, так и не дождавшись ответа на предыдущие вопросы. — Не молчи. Это важно.

— Нет. Не больно. — чувствуя, что сил о чем-то думать и сомневаться, просто нет, ответила Линда. Обхватила крепче себя за талию, в слабой надежде удержать жизнь внутри себя. — Я не знаю, какая... Я не рассмотрела. Я просто увидела кровь... — не выдержав, она снова заплакала. — Боже, пожалуйста.

И ощутила, как на ее плечо легла рука. Успокаивающая, и уже знакомая.

— Не бойся. Я позабочусь о тебе. Мы скоро приедем, и тебе помогут. Я знаю, что кровь еще не значит... выкидыш.

Линду немного удивили познания Яна в этой области, но сосредоточиться на этом у нее не получилось. Она молилась, прося сохранить ребенка, и приходила в отчаяние, теряя надежду. Дорога показалась ей бесконечно долгой, во время которой она, обхватив себя руками, раскачивалась на сидение взад и вперед. А Ян пытался что-то донести до нее, то и дело поглядывая на нее. А потом все вокруг нее закрутилось. Он снова поднял ее на руки, понес к дверям здания больницы, стремительно вошел, громко сказав, что им нужна помощь. То ли от страха, то ли от кровотечения, но Линда чувствовала, что проваливается в темноту. Последнее, что она помнила, это как Ян укладывал ее на каталку, обещая, что все будет хорошо. Что-то странное было в том, как звучал его голос, но гораздо важнее для Линды было ощущение того, как сильная, но дрожащая рука нежно гладила ее по волосам, пока темнота не поглотила разум совсем.

Ян не мог поверить, что это снова происходит с ним. И пусть в этот раз это не была его жена, и ребенок был не его, почему-то легче от этого не становилось. Особенно от того, какими глазами на него смотрела Линда, когда поняла, что теряет ребенка. Он проходил через это не единожды, но чувства, которые испытываешь каждый раз были, острыми. А еще он знал, что это не самое страшное. Нет. Пока сидишь и ждешь остается надежда. Самое ужасное, это когда все кончено и надежды больше нет. И надо быть сильным, держать себя в руках, в то время как сообщаем жене, что ребенка больше нет, а потом задыхаешься от боли в глазах матери, потерявшей своего ребенка.

— Ян?

Он повернулся. Перед ним стояла женщина маленького роста, с седыми волосами в мелкую кудряшку. Он хорошо знал ее. Эта милая леди была одной из тех, кто еще не оставил надежды спасти его от зеленого змея и от пути саморазрушения.

— Ян, что ты тут?... Так это ты привез девушку?

— Да, миссис Рэнди.

— Тогда у меня к тебе есть вопросы. — она приготовилась записывать, покрепче перехватив папку, и поправив очки. — Мне нужны данные и номер медицинской страховки. Это ведь Линда, правильно? Которая работает у Полли в ресторане? Твоя соседка?

— Да.

— Итак, Линда. А дальше? Фамилия, дата рождения.

Ян не знал. Он совсем ничего не знал. Даже Полли Дойл до сих пор не знала фамилии Линды. И он не знал о ее возрасте. А медицинской страховки у нее нет, как она же сама и сообщила. Миссис Рэнди ждала, а все о чем Ян мог думать, так это о Линде и ее ребенке. Он мог бы сказать, что не знает и тогда все эти вопросы зададут Линде. Он представил, что это для нее будет значить. Все смешалось в его голове.

— Ян?

— Ривз. Линда Ривз. — сказал он и испытал какое-то облегчение. — Миссис Рэнди можем мы разобраться со всем этим позже?

— Но... Что это значит? Ты и она... Вы... Ты хочешь сказать, что вы однофамильцы?

Вспомнилась поговорка матери: назвался груздем, полезай в кузов. Но почему-то он не испытал ни капли сомнения, когда твердо посмотрел на женщину, с непрофессиональным любопытством смотрящую на него. Он знал, что сейчас выглядит невозмутимым и спокойным. Как в прошлой жизни, за столом в собственном кабинете, перед какой-нибудь решающей сделкой. Вот и теперь он выпрямился и твердо посмотрел на женщину.

— Нет, миссис Рэнди. Мы не однофамильцы. — просто сказал он, не солгав, но позволяя додумать остальное. — У Линды нет страховки, но не беспокойтесь. Я оплачу ее лечение. А теперь я хотел бы узнать, как там она. Вы поможете мне?

Кажется, уважаемая леди потеряла дар речи. Он ее понимал. Во-первых, не трудно догадаться, что она додумала, а Ян не собирался ее разубеждать. А во-вторых мало кто видел его в этом городе таким. У него и не было необходимости быть собой прежним. Теперь она возникла. Он и сам не понимал, почему ему стала так важна Линда, но и сопротивляться желанию сделать для нее все возможное не собирался. Он подумал о двух рыжеволосых малышах, и Курте, оставленных на попечение Саймона. Он знал, что нужен им. Ян никогда

не был особо верующим, но сейчас был готов признать, что возможно, эта семья была дана ему, чтобы искупить свой грех.

* * *

Он вошел в палату, испытывая стойкое чувство «дежа-вю». Обстановка, запахи, женщина, лежащая на голубых простынях, рыжие локоны, обрамляющие бледное лицо. И все же, сейчас как никогда он понимал, кто перед ним. И на этот раз ему не придется сообщать плохие новости. Да, не все было в порядке, но Ян слишком хорошо знал, что это не так страшно, когда уже все кончено. Он прошел вглубь палаты и присел на стул, ожидая, когда Линда проснется. Он не мог пропустить этот момент. Он смотрел на нее и едва сдерживался, от желания провести рукой по ее щеке или взять Линду за руку. Но боялся напугать ее или разволновать.

Правда им предстоял разговор, который ее явно растревожит, но теперь выхода не было. Он понимал, что было не честно принимать решения за нее, но надеялся, что все обдумав, Линда поймет, что он поступил правильно. Его не пустили бы к ней, если бы не подумали, что он ее муж. И теперь ему надо было предупредить об этом Линду, до того, как появится доктор. К тому же он боялся, что проснувшись, она не сможет мыслить здраво, и когда ей сообщат, что ее муж ждет в коридоре, она может испугаться. А так у него есть возможность предупредить ее.

Была еще одна причина, по которой им теперь придется изображать супругов. Линду выпишут только в том случае, если за ней будет кому присмотреть в первые две недели, пока прописан постельный режим. А практически все в больнице знали, что у Линды четверо детей и работа, при которой всю смену приходится стоять. Но, как бы там ни было, Ян был уверен, что Линда ни за что не согласится остаться в больнице. Так что он заверил доктора, что позаботится о «жене».

Ян видел вопросы в глазах персонала, но пока не был готов отвечать на них. Спасало лишь то, что его знали, и он ни куда не денется. Да и ситуация была такая, что с подробностями их личной жизни могли подождать.

Ян вздохнул и откинулся на спинку сидения. И пока ждал пробуждения Линды, поражался тому, как круто изменилась его жизнь за такой короткий срок. Еще недавно он был всего лишь пьяницей, а сегодня обзавелся детьми и женой. Абсурдность ситуации была в том, что он не знал даже даты рождения «своих» детей и «жены».

Пробуждение было резким. Не было никакого медленного возвращения к реальности. Линда проснулась как от толчка, и глубоко вдохнула открытым ртом, словно выныривая со дна реки. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы все вспомнить и позволить панике завладеть ей.

Кровь... больница... ребенок.

Из-за пересохшего горла всхлип вышел сухим хрипом. А потом она почувствовала, что ее руки и лба кто-то коснулся. Она открыла глаза и увидела перед собой знакомое лицо. Светлую щетину, выделяющуюся на загорелом лице, выгоревшие на солнце волосы, кончики которых касались ворота простой рубашки, одетой поверх белой майки. И глаза, зеленые, с темным ободком, и крапинками на радужке. Захотелось, отбросив все благоразумие, потянуться и спрятать лицо в ворота той рубашки, и хоть на минуточку забыть обо всем. Но вместо этого Линда отвернулась, чтобы Ян не увидел все это, не узнал.

Теплая ладонь, до этого неподвижно лежащая на лбу, осторожно погладила ее по голове.

— Линда. Посмотри на меня. — она послушно повернулась. — С твоим ребенком все в порядке. Есть некоторые сложности, но все поправимо. Все будет хорошо. Слышишь? Главное сейчас не волноваться.

Линда слышала. Только не могла сразу воспринимать услышанное. А когда смысл сказанного до нее доходил, она боялась даже дышать. Понимание, что с ребенком все хорошо, боролось с неверием. Она же видела кровь...

— Правда? — словно ребенок переспросила она.

Ян улыбнулся ей напряженно и, кажется устало. И было видно, его что-то тревожит. Линда тут же вспомнила о том, что до того разговора на крыльце он работал на крыше. А потом привез ее в больницу, и теперь сидит с ней. Сколько она спала?

— Правда. — подтвердил он.

Убрав руку с ее головы, Ян запустил свои пальцы в растрепанные пряди и небрежным движением откинул их назад. А Линда, к собственному удивлению, расстроилась, что лишилась тепла его руки на своей коже. Захотелось вернуть его руку обратно. Это было странно, а от того тревожно. Да к тому же, он, наверное, уже пожалел, что связался с ними, слишком много проблем. Скорее всего, ему не терпелось уйти, и от этой мысли Линде стало не по себе.

Но больше того, что Ян уйдет, Линда боялась, что он уйдет, а ее оставит тут. С чего она решила, что данный вопрос в его власти, Линда и понятия не имела, но как маленькая уже готова была умолять мужчину забрать ее домой. А еще она очень волновалась за детей. Они непременно почувствуют, что с ней что-то не так, и испугаются. Она только надеялась, что Саймон что-то придумал и отвлек их от ее такого неожиданного исчезновения.

А, пока что, Линда постаралась прислушаться к собственному самочувствию. Не считая легкой слабости и головокружения, чувствовала она себя вполне нормально. И все же волнение за малыша, которого она едва не потеряла, не отпускало.

— Ян... — позвала она, хотя в этом и не было необходимости, мужчина и так смотрел на нее, не отрываясь.

Позвала, но тут же смутилась. В голову закралась мысль, что он совершенно

посторонний, а она собиралась спрашивать его о таких интимных подробностях, как ее беременность и проблемы, связанные с ней. Но в то же время, именно он был рядом, и не колеблясь ни секунды, поднял ее на руки и отнес к машине. Он позаботился о том, чтобы предупредить Саймона, а потом отвез ее в больницу. Совсем не во время вспомнилось, как муж, когда у нее ночью неожиданно начались схватки, и она разбудила его, Райли велел ей разбираться самой, раз ей вздумалось рожать немедленно. А ведь он был ее мужем, отцом девочек, которых она должна была вот-вот родить.

Так может ли Ян Ривз быть посторонним, когда именно он был рядом все это время, пока она училась жить самостоятельно. Ответ был известен, и Линда вздохнула поглубже, чтобы спросить его о том, что так волновало ее.

— Что произошло?

— Не беспокойся. Главное, что теперь все будет в порядке. Врач все объяснит тебе. Но... — к удивлению Линды, Ян, выпустив ее руку, вскочил со стула и прошелся от ее койки до выхода из палаты, а потом вернулся обратно, предварительно плотно прикрыв дверь. Снова сел на стул, но больше не прикасался к Линде. — Послушай. Я не хочу, чтобы ты паниковала. Пойми меня правильно, ладно? Когда я привез тебя сюда, ты почти сразу потеряла сознание, и мне пришлось самому отвечать на вопросы. Когда они спросили о твоей фамилии я... Я не знаю твое настоящее имя, поэтому назвал свое.

Линда не знала, что раньше она почувствовала: облегчение и благодарность, или неясное предчувствие, что это только начало чего-то большего. Потому что мужчина, что сидел перед ней, выглядел неуверенным. Линда никогда не видела его таким. Она давно уже поняла, что при своей уверенности и силе, приходя к ней в дом, Ян старался вести себя осторожно и сдержанно. Этот пронизательный человек давно понял, как нужно вести себя в доме с перепуганными малышами. Но даже в те моменты, когда он говорил с Дорой и Сарой, или что-то показывал Курту, Ян Ривз не терял уверенности и спокойствия. А теперь он словно и сам не понимал, что происходит и страшился следующей минуты. Он смотрел на Линду, как на бомбу замедленного действия, не имея понятия, как ее разминировать. Это нервировало и ее саму. Она вцепилась в простынь, которой была накрыта.

— Они не поверили?

— Поверили. — вовсе не радостно сообщил он. — Только, Линда... Какова вероятность того, что мы носим одну и ту же фамилию? И я привез тебя в больницу, а ты... Ты беременна. Они сделали определенные выводы, и я не стал их разубеждать. Линда, подумав, я понял, что так даже лучше. Уверен, когда ты все обдумаешь, то решишь точно так же. Тем более я не шутил, когда говорил, что хочу заботиться о вас. А так это будет еще лучше. Тем более, учитывая условия при которых тебя могут выписать.

— Условия? — с нарастающей паникой прошептала Линда, потому что горло словно перекрыло. — Какие условия?

Ян с беспокойством смотрел на нее, а потом нахмурился. Линда подумала, что возможно он увидел ее состояние. Не желая его сердить, она изо всех сил сжала простынь в руках, пытаясь успокоиться. Но не было ни единого шанса унять бешеное сердцебиение. Все еще не веря в происходящее, Линда сглотнула, надеясь, что Ян не заметит, что ужас подкрался слишком близко.

— Значит, они думают... Извини, я не совсем... Они думают, что мы... Ты и я...

— Что мы муж и жена. — подтвердил Ян очевидное и худшее ее опасение.

В голове словно взорвалась граната, а потом все стихло, оставив после себя монотонный

гул, и ощущение легкой контузии. Мир сместился на пару сантиметров, разрушая с таким трудом созданное равновесие. Она чувствовала себя словно утопленница, в последний миг решившая спастись, но слишком поздно оказалось для этой попытки. Вода слишком глубоко засосала, и, успев сделать лишь один глоток воздуха, Линда снова пошла на дно.

— Линда! — возможно, ей только показалось, но, кажется, в голосе мужчины был испуг. — Черт возьми, послушай меня. Линда!

Отстраненно Линда наблюдала, как дверь в палату открылась, и в нее вошел доктор, с порога окидывая присутствующих взглядом. Линда в панике посмотрела на Яна и отчетливо увидела, что тот недоволен таким не своевременным появлением врача. Это она могла понять. А еще она точно знала, что должна делать. Это было знакомым, слишком знакомым. Как трудно было забыть и привыкать жить по другим правилам. Отпустить страх и выработанные инстинкты было гораздо сложнее, чем вспомнить все и вернуться к привычному для себя поведению. Только почему-то, было так больно, что хотелось выть, а еще появилось давящее на грудь ощущение предательства. Муж и жена. Ян Ривз ее муж.

Реальность навалилась и изменила ракурс видения. Линда смотрела на Яна, но теперь видела его совсем иначе. Теперь она видела не пронизательные, все понимающие глаза, а твердый определяющий взгляд. Не мужественные черты лица, а сурово сжатые губы, волевой подбородок и жесткую щетину. А еще Линда видела, что мужчина устал, и это была ее вина. А кому как не ей знать, что за провинности приходится дорого платить.

— Миссис Ривз, вы не должны так паниковать, если хотите сохранить ребенка. Ведь муж уже сказал вам, что, не смотря на некоторые проблемы, с ребенком все в порядке? Так что не надо смотреть на меня с таким ужасом. Я доктор Купер. Рад, наконец-то, познакомиться с загадочной красавицей, недавно у нас поселившейся. Здравствуйте миссис Ривз

Дальше доктор объяснил, что у нее есть некоторые проблемы с плацентой, но ничего критического. А при должном соблюдении рекомендаций у нее не меньше шансов доносить ребенка, чем у остальных женщин. Он пропишет ей лекарства и витамины, и отпустит домой только при условии соблюдения постельного режима в течении как минимум двух недель. Потом, по результатам обследования, будет ясно в каком направлении двигаться дальше. Линда кивала, и старалась не вздрагивать, когда доктор называл ее «миссис Ривз». И с облегчением замечала, что Ян этим доволен. Он в своей немногословной, немного грубоватой манере, с которой общался с людьми, за исключением ее детей, заверил доктора, что позаботится о своевременном принятии лекарств и соблюдении всех рекомендаций.

Но еще Линда не могла не заметить, что в этом мужчине что-то изменилось. Трудно было понять, что именно, но почему-то то, как он стоял, чуть снисходительно выслушивая врача и уточняя некоторые детали, то, как рассчитанным движением пожал мужчине руку, и как дал понять, что по всем остальным вопросам переговорит с доктором чуть позже, это не вязалось с тем образом Яна, который Линда знала. Словно одну картинку наложили на другую, и в то время как декорации совпали, то персонажи противоречили друг другу. Потому что впервые Линде показалась нелепой выцветшая рубашка с коротким рукавом, одетая поверх майки. Растрепанные волосы, которые в последние несколько часов расчесывались только пальцами, потертые джинсы и неизменный платок, в данный момент повязанный вокруг запястья.

И было очевидно, что это ощущение было не только у Линды. Врач немного удивленно поглядывал на Яна. И хоть обращался к нему по имени, явно хорошо его зная, все же в какой-

то момент стал подозрительно на того поглядывать. Да и вся ситуация была для него любопытной.

Что же, Линда хорошо его понимала. Это станет новостью номер один. Она знала, что будут думать люди. Что она забеременела, и Ян женился на ней. Но слухи и домыслы ее не волновали. В голове билась мысль, что она попала в ловушку, и что совершила ошибку, рассчитывая обосноваться в этом городе. Как она могла подумать, что сможет оставаться в безопасности и обезопасить детей, позволяя не кому-то, а именно мужчине, подобраться так близко к ним. Теперь и она, и ее дети, снова во власти мужчины.

Пока доктор был в палате, Линда старалась вести себя спокойно, отвечать на вопросы и вовремя кивать. Она умела это делать, это было второй ее натурой последние несколько лет. Но как только Ян, заверив, что вернется через пару минут, вышел вместе с доктором за дверь, Линда со стоном ужаса зажмурилась. Ее трясло мелкой дрожью.

Ей было некого винить в случившемся, только себя. Она по-прежнему осталась недалекой, доверчивой душой. Потребовалось несколько долгих минут, чтобы взять себя в руки. Теперь она больше не могла позволить себе проявлять эмоции или ошибки в поведении. Чтобы выиграть время и все исправить она должна быть идеальной. Она это умела. Наверное, это была единственная вещь, которую она умела делать. Быть идеальной женой.

* * *

Каждый раз, посмотрев на сидящую на соседнем сидении, Линду, Яну хотелось заскрипеть зубами. А еще не мешало бы пару раз приложиться об лобовое стекло, исходя из последних его поступков и принятых решений. Он не знал, просто не представлял, как теперь успокоить Линду. Успокоить? Если не присматриваться, то ее вполне можно было принять за статую, с которой она бы могла посоперничать в спокойствии. Абсолютно застывшее лицо, прямая спина, чинно сложенные на коленях руки. Когда Ян, отвлекаясь от дороги, смотрел на нее, то Линда медленно поворачивалась к нему и улыбалась. Очень показательно. От этой ее улыбки у него дергался глаз, а еще ломило в затылке. А он не знал, с какого бока подступиться к Линде, чтобы хоть как-то исправить ситуацию.

Он едва выдержал разговор с врачом, видя, в каком шоке находится Линда. Он постарался как можно скорее уладить все вопросы, чтобы вернуться в палату и успокоить девушку, но вернувшись, он понял, что опоздал. Вернее стадия паники прошла, а ту, которая наступила, он даже определить не мог. Она сидела вот точно так же, как теперь, и улыбалась ему. А на его вопрос о самочувствие и готова ли она ехать домой, каким-то чересчур спокойным голосом заверила его, что чувствует себя хорошо и готова ехать. И всю дорогу вела себя просто идеально. Отвечала на его вопросы, улыбалась, даже прикосновений его не избегала, лишь на несколько мгновений задерживала дыхание, а потом расслаблялась, когда Ян помогал ей выйти из больницы и усаживал в машину.

Желание выругаться вслух все нарастало. Некого было винить в таком ее состоянии, кроме как себя. Он же уверял ее, что они не станут спешить. Что даст ей возможность привыкнуть, что никаких кардинальных изменений не будет. Отлично это у него получилось, ничего не скажешь. Ян понимал, что им надо поговорить, он мог бы попытаться успокоить ее, привести разумные доводы, но решил пока дать ей время прийти в себя.

Надеясь на то, что оказавшись дома, в окружении детей Линда почувствует себя лучше и ей будет не так трудно свыкнуться с мыслью, что в ее доме поселится мужчина. По крайней мере, на две недели, и только днем, а ночевать он будет у себя.

Ян сейчас не был уверен в правильности собственных действий, ступая, словно по минному полю. И дело было не в том, что он испугался той ответственности, которую взвалил на себя, он был в какой-то степени рад этому, лишь бы не та пустота и глухота, которая поглощала его с каждым днем все сильнее. Но вот хорошо ли это для Линды и ее детей он не был теперь уверен.

Затормозив возле дорожки, ведущей к дому, Ян повернулся к Линде.

— Подожди, не выходи сама. Я помогу тебе. — сказал он.

Но едва успел выйти из машины, как на крыльце дома появился Саймон, а за ним нетерпеливо выбежали Курт и девочки. Увидев кто приехал, они побежали к Яну, даже не смотря на то, что были босиком. Он погладил их по пушистым рыжим кудряшкам, и повзрослому пожал протянутую ручонку подоспевшему Курту.

— Я привез вашу маму. — надеясь порадовать их этой новостью, сообщил Ян, и оглянулся назад.

Признаться, он не рассчитывал, что Линда его послушала и осталась в машине, он прекрасно знал, что значат для нее дети. Но к его изумлению она так и сидела, прямая как палка, и только огромные глаза и дрожащие губы, казалось, были живыми на ее лице. От чувства собственной бесполезности и непонимания происходящего Ян начинал злиться.

— Подождите минуточку, я помогу вашей маме выйти. — сказал он и обошел машину.

Открыл дверцу и подал руку Линде.

— Все хорошо? — спросил он, беря ее за руку и удивляясь, какая та холодная.

— Да, спасибо. — все таким же ровным тоном ответила Линда и украдкой бросила взгляд на детей.

Ян видел, как отчаянно ей хочется к ним, и не понимал, почему она умоляюще смотрит на него, словно спрашивая разрешения, вместо того, чтобы как обычно бросится к ним. И только в этот момент весь ужас происходящего дошел до него. Сразу стало понятным ее странное поведение. Ян с трудом сглотнул, ощущая горечь во рту, а внутренности обожгло, словно он глотнул стакан виски одним махом. От искушения хорошенько встряхнуть Линду зудели пальцы. Но зная, что именно этого она и ждет, становилось еще хуже. Все что мог сделать Ян в данный момент, так это позволить ей поздороваться с детьми.

А минутой позже, он впервые за целый день, смог вдохнуть с облегчением. Потому что стоило Линде подойти к детям, как она словно ожила, целуя их и обнимая. Сара и Дора привычно стали жаловаться на незначительные проступки друг друга, на что Линда снисходительно улыбалась и в шутку журила их. Курт же, то и дело протягивал руку и касался волос и лица Линды, а она ловила его ладошку и целовала маленькие пальчики. Ян посмотрел на хмурого Саймона, так и стоящего на крыльце. Ян понятия не имел, как парень воспримет новые обстоятельства и, думая об этом, чувствовал себя смертельно усталым.

Ян не мог на них насмотреться. На Линду, помогающую Саре и Доре что-то рисовать на Курта и Саймона, которых, как самых главных мужчин отправили приготовить чай на кухню. Не смотря на то, что все вели себя довольно тихо, в доме не смолкали голоса, наполняя пространство приятными звуками детской речи, мягких поощрений Линды, скупых и спокойных указаний Саймона. А ноздри наполнял сладкий аромат смешанных запахов детского шампуня, фломастеров и заваривающегося чая.

Ян сидел на ступеньке лестницы, наблюдая за Линдой и детьми и его вовсе не обижало, что о нем словно забыли. Он поднялся наверх, чтобы расстелить постель для Линды и немного задержался, словно что-то диковинное рассматривая ее спальню, которую она делила с малышками. А когда спустился, то от царившей в гостиной тихой уютной атмосферы у него сжалось горло, и он просто опустился на ступеньку, посередине лестницы. Он знал, что и Линда и дети заметили, что он вернулся, но спокойно продолжали заниматься своими делами. Только иногда, кто-то из детей, бросив на него взгляд, улыбался. И это было потрясающим ощущением. Потому что он только что понял, что стал для них своим. Они уже не видели ничего особенного в том, что он находился в их доме, словно его присутствие было естественным. Они его несколько не боялись.

Ян вспомнил, как жил еще пару месяцев назад. И стало неприятно даже от мысли, что вот этой семьи, особенной, пережившей многое, могло бы не случиться в его жизни. И поэтому он продолжать сидеть на лестнице и смотреть на них. Он покачал головой, когда Саймон вопросительно посмотрел на него, предлагая чай, разлитый в разномастные чашки и поставленный на край стола, отказываясь.

Ян еще какое-то время смаковал эти минуты, но вскоре заметил, что Линда устала. Он слишком забылся в этой медленной безмятежности и потерял бдительность. Он совсем забыл, что Линде строго прописан постельный режим и только с этим условием ее так скоро отпустили из больницы. Он понимал, что сейчас разрушит эту семейную идиллию, но был уверен, что это правильно в данных обстоятельствах. Он встал и подошел к дивану, на котором расположились Линда и девочки. Она подняла голову и встретилась с ним взглядом, в котором тут же появилась тревога.

— Линда, тебе пора лечь. Ты же знаешь...

Он не успел договорить, как она слегка побледнела. А потом кивнула и, поцеловав дочек в макушки, встала. Напряженная, но до ужаса покорная. Ян неосознанно отступил на пару шагов, то ли потрясенный ее видом, то ли давая ей понять, что не собирается обижать ее. Он не знал, что Линда там снова навывдумывала, но она сама выдала свои мысли. Обхватив себя руками, она в панике посмотрела в сторону лестницы, а потом снова на Яна. Было неприятно от того, что она думает о нем таким образом. И все же не мог винить ее за это. Ян пристально посмотрел на нее и покачал головой.

— Саймон — не отводя глаз от Линды, позвал Ян. — Проследи, чтобы Линда легла. Это предписание врача. А мне надо вернуться домой.

Линда явно такого не ожидала. Она растерянно моргнула, а потом покраснела. Наверное, никто так не умеет краснеть, как рыжие. Заливаться густым, от макушки до пяток румянцем, делая многочисленные веснушки еще ярче и отчетливее.

— Домой? — переспросила она. — Но я думала, думала, что ты...

— Останусь у вас? Правильно думала. — подтвердил Ян. — Я вернусь, только позже. Надо покормить Бродягу и съездить в ресторан к Полли. Чай — это, конечно, хорошо. Но на ужин надо привезти что-то посущественнее. Готовить я не умею, а бутерброды для малышей вряд ли подойдут. А тебе сейчас не стоит стоять у плиты. Так что, сегодня поедем что-нибудь из ресторанного меню.

Не позволив Линде возразить, Ян подхватил со спинки дивана свой платок и ловко повязал его на голову.

— Пока малышки. — подмигнул он Доре и Саре, внимательно прислушивающимся к их разговору. Потом потрепал по волосам Курта, когда тот подбежал открыть для него дверь.

И прежде чем переступить порог, обернулся к Линде. Она следила за ним взглядом, полным самых разных эмоций. От элементарного облегчения, до непонятого пока и ей самой сожаления. И потом, когда Ян садился в свой старенький «бронко», и когда ехал к дому, не мог понять, с каких пор стал так хорошо понимать Линду, когда даже свою жену так не понимал.

Он устал. Давно Ян не испытывал такого искушения просто упасть на потрепанный диван и заснуть. Причем, абсолютно трезвым. Но необходимость позаботиться об ужине для детей, удостовериться в том, что Линда не нарушила указания врача и действительно легла в постель, была сильнее. Ян понимал, что первые дни в роли мужа Линды будут тяжелыми. Она должна привыкнуть к тому, что он рядом, заботиться о ней и детях. Но самым главным было убедить ее, что он не представляет для них опасности. То время, что Ян уже провел в их доме, не смогли избавить Линду от опасений. Да он и сам понимал, что так легко это не сделать, и потребуются еще больше времени, чтобы она успокоилась и доверилась ему.

И вновь сомнения стали пробиваться в его усталый разум. Правильно ли он поступил, назвавшись мужем Линды. Не усугубит ли состояние Линды и ребенка, которого она носит, постоянное напряжение и волнение, которое она испытывает от его близости. Возможно, если он оставит Линду в покое, она успокоится и как следствие ее физическое состояние тоже придет в норму.

Но потом тут же пришла мысль о том, что тогда Линде придется справляться в одиночку. Снова выйти на работу, проводить по восемь часов на ногах, потом заниматься бесконечными домашними делами и приглядывать за тремя маленькими детьми. Конечно, был еще Саймон. Но он и так помогал по мере своих сил, да к тому же еще работал, что было даже больше, чем можно было ожидать от подростка.

Ян насыпал сухого корма Бродяге, с каким-то удивлением впервые отмечая, что тот уже не выглядит таким облезлым и страшным, как прежде. Конечно, отсутствующий глаз уже не вернешь, но вот то, что шерсть его стала гуще, было видно. Да и откормленные бока свидетельствовали о том, что с тех пор, как он прибил к Яну, жизнь пса стала значительно лучше.

А потом Ян подумал о себе. И странным образом Бродяга напомнил ему о том, как изменилась его собственная жизнь с тех пор, как в ней появилась Линда с детьми. Кем он был до этого? Никем. Жалким алкоголиком, потерявшим себя и свою жизнь, не видящим ни сегодня, ни завтра. Практически весь город пытался привести его в чувство, но все попытки

были бесполезны. К жизни его вернули две малышки с рыжими кудряшками, один молчаливый мальчик с умными синими глазами, угрюмый, но ответственный подросток, и перепуганная женщина, готовая не смотря ни на что защищать своих детей.

Так чем он может расплатиться с ними за это? И сможет ли когда-нибудь? Он мог бы сделать для них очень много. Им нужен надежный дом? Он даст им его. Безопасность? Он все сделает для того, чтобы больше никто не посмел причинить им вред. Финансовая стабильность? На его банковских счетах достаточно денег, чтобы у Линды и детей было все самое лучшее. Он может дать им так много. Он до безумия хотел бы дать им все это. Только бы она позволила. Маленькая женщина с темными огромными глазами, слабая и сильная одновременно, смелая и пугливая, открытая в один момент и замкнутая в другой, красивая. Желанная.

Вернуться получилось не так быстро, как он рассчитывал. Пришлось сначала заехать в банк и обналичить чек, чтобы иметь наличные. В этом небольшом городке не везде можно было расплатиться банковской картой, которая впервые за все время пребывания здесь Яна, покинула небольшую дорожную сумку, с которой он приехал в город. Затем потратил почти сорок минут на звонок брату, разговор с которым был не из легких. Майк готов был выехать немедленно, как только Ян сообщил, что возвращается к делам фирмы, правда, только дистанционно и частично. Но готов работать с документами и со всеми делами, которые не требуют личного присутствия. Брат был действительно этому рад, и хотел все обговорить как можно скорее, но Ян убедил его подождать их запланированной через три недели встречи. Оставалось только заехать в ресторан, но и там его ждала задержка в лице Полли Дойл. Пришлось доходчиво объяснять Полли Дойл почему все важные новости, которые, по ее мнению, и ее касаются, она узнает последней. И только потом она лично собрала им пакеты с едой, и еще немного джусь, взяла деньги. Но Полли Дойл была бы не сама собой, если бы не проявила удивительную осведомленность, и напрямую не поинтересовалась, откуда у Яна деньги, если он в последнее время, практически не появляется на ферме. Что же, эта женщина заслуживала объяснений, правда Ян ограничился минимум информацией, просто сказав, что теперь вряд ли вернется к работе на конюшнях.

Помолчав с минуту, не переставая смотреть на Яна своим пронизательным взглядом, она облегченно вздохнула. И со словами «Вот и хорошо, вот и отлично» величественно удалилась в свой кабинет, даже не попрощавшись. И Ян сам не мог бы объяснить себе, откуда знает, что Полли Дойл очень рада сложившимся обстоятельствам. И это не смотря на то, что она фактически потеряла работника в лице Линды.

К тому времени как он вернулся было самое время садиться ужинать. Дети были рады его возвращению, постоянно пугались у него под ногами, больше мешая, чем помогая с сервировкой ужина, но и в этом была какая-то особенная радость, которой Ян не испытывал раньше. Он пока не решался, да и не хотел одергивать детей, позволяя им баловаться. А вот Саймон спокойно пресекал чрезмерное баловство сестер, и даже пару раз одергивал Курта, что случалось крайне редко, ведь ребенка послушнее Ян еще не встречал.

Ян не спрашивал, но по отсутствию Линды в гостиной было ясно, что она наверху. Да и Сайман явно был не расположен к разговору. Паренек настороженно поглядывал на него, и

впервые с момента их знакомства Ян видел, что Саймон злиться на него. Хотя, Ян был достаточно понятлив, чтобы безошибочно угадать истинную причину такой перемены в Саймоне. Об этом Ян догадался давно, просто не было необходимости заострять на этом внимание. А вот теперь ввиду новых обстоятельств такая необходимость возникла.

Ревность. Для влюбленного подростка острое, болезненное чувство.

Не было ничего особенного в том, что Саймон немного влюблен в свою мачеху. Кто-то влюбляется в учительницу, в красивую подругу старшей сестры. Судя по всему, в жизни Саймона было не так и много достойных объектов для первой влюбленности подростка. А Линда, красивая, хрупкая, нежная, с ее самоотверженной любовью к своим детям, прекрасно подходила. Так что и настороженность Саймона к Яну была вполне объяснима. Но так же Ян знал, что лучше этот вопрос уладить как можно раньше, чем ждать взрыва.

Но пока поговорить с пареньком так и не получилось. Дети уговорили его выйти на улицу и поиграть. Идея была действительно хорошая, дождя не было, и погода к вечеру наладилась. К огромному удивлению Яна, прежде чем согласиться, Саймон посмотрел на него, словно спрашивая разрешения. Что же, Линда явно уже поговорила с Саймоном и объяснила ему ситуацию.

Ян помог Саре обуться, пока Дора сама возилась со своими сандаликами, еще умудряясь при этом поучать Курта, как правильно спускаться с крыльца, чем развеселила Яна. Насколько он смог уже убедиться, сама она никогда не держалась за перила, рискуя скатиться с лестницы кубарем. Провожая взглядом детвору, Ян не мог решить будет ли правильным подняться к Линде наверх и отнести ужин. Или лучше дожидаться Саймона. Так и не приняв решения, он решил помыть посуду. Но ее было не так уж и много, учитывая, что половина еды была в коробках. Наведя порядок на кухне, Ян все же взял порцию для Линды и поднялся на второй этаж.

Он постучал и услышал, как за дверью что-то упало.

— Линда?

Ян обеспокоенный приоткрыл дверь. И растерялся, от увиденного. Но растерянность прошла быстро, а вот понимание того, что делала Линда до его прихода, задело. Даже разумные доводы о том, что в прошлом ей явно досталось, и что у нее есть веские причины для страха, не помогли.

Он вошел в комнату и поставил бумажный пакет с ужином на стул, стоящий прямо возле входа, и, закрыв за собой дверь, прислонился к ней спиной. Линда застыла, сидя на кровати, с огромными глазами и сжимая в кулачке свои скудные денежные запасы. Перед ней, на покрывале, стояла открытая жестяная банка, и тут же лежали несколько не крупных купюр, и еще немного мелочи.

— Этого недостаточно, не так ли? — спросил Ян, спокойным голосом. — Недостаточно, чтобы забрать детей и опять податься в неизвестность.

— Ян, я...

— Недостаточно, чтобы где-то обосноваться на первое время, и не голодать. Недостаточно, чтобы обеспечить четверых детей и подготовиться к рождению пятого. Так стоит ли... — он хотел бы найти правильные слова, чтобы убедить Линду, но не знал, что сказать. Мысли путались, не складываясь в слова. — Я знаю, знаю или... могу только догадываться, что ты и дети... что вам пришлось трудно. Но я не... Вот черт!

Ян видел, что напугал Линду. И сил уже не было смотреть на ее перепуганные глаза, побелевшее лицо. На сжатые кулаки, которые беспощадно мяти деньги. Но так

продолжаться не могло. Как он сможет помочь ей, позаботиться о ней и детях, если она сбежит. Ян только представил их, снова скитающихся, усталых. А Линду в перевязанных проволокой сандалиях, у него скрутило живот и застучало в висках от жалости и гнева.

— Сколько для тебя будет достаточно, Линда? Сколько тебе нужно денег, чтобы ты могла спокойно жить, зная, что в любой момент сможешь уехать? Ты испугалась, что стала зависеть теперь от меня? Ладно. — Ян достал из заднего кармана джинсов бумажник и вынул все наличные, которые совсем недавно получил в банке. Бросил купюры на покрывало перед Линдой. — Столько хватит?

Она даже не посмотрела на деньги, продолжая ошарашено смотреть на Яна. А он уже не мог остановиться. Потому что даже самому было стыдно признаться, что вдруг испугался. Он испугался, что они исчезнут из его жизни и все станет как прежде. Не будет застенчивой Сары, которая прятала личико на его плече, не будет Доры, постоянно чему-то поучая сестру и брата, а иногда и самого Яна. Курт больше не посмотрит сияющим синим взглядом, когда получит вырезанный из дерева самолетик или пистолет. Саймон больше не станет угрюмо следить за ним взглядом, а потом, позабыв об опасениях, не будет слушать какую-нибудь байку, приоткрыв рот и веря каждому слову Яна. Он смотрел на сидящую перед ним Линду, и понимал, что больше всего хотел бы схватить ее и прижать к себе, чтобы дать ей понять, что вся его сила не для того чтобы обидеть ее. А еще хотелось поцеловать ее. Он был бы нежным и терпеливым с ней.

Но сейчас было не время для всего этого. Да и ничего, кроме как страха его действия не вызвали бы. А страха между ними и так достаточно.

— Этого тоже не хватит? — продолжил он, так и не дождавшись никакой реакции от Линды. — Ладно. Тогда вот.

Ян выудил из портмоне кредитную карту и отправил к деньгам.

— Вот. Есть ручка? — он бегло осмотрелся и решительно подошел к кровати, на которой, судя по всему, спали девочки. На покрывале лежало три карандаша и один из рисунков. Он взял карандаш и на обратной стороне рисунка написал комбинацию цифр. Протянул лист и зачем-то карандаш Линде. — Это код. Вот и все. Ты можешь снять с нее до пятидесяти тысяч. Этого достаточно? Теперь ты можешь прямо сейчас забрать детей и уехать. Я не погонюсь за тобой, не заблокирую карту. Я не стану мешать тебе. Я даже могу подвести вас до вокзала. Теперь ты не нуждаешься во мне. Но... Знаешь, теперь я нуждаюсь в вас. В тебе. Вы уедете, а я останусь. А я хочу просто быть с вами, чтобы вы больше ничего не боялись. Никого не боялись.

Линда словно отгаивала. Ее плечи опустились, а пальцы разжались, позволяя деньгам упасть к теперь существенно увеличившейся груде банкнот. По щекам потекли слезы, но она по-прежнему молчала. Ян подошел и присел на край кровати, борясь с желанием прикоснуться к Линде.

— Давай попробуем, Линда. Тебе страшно, я знаю. Но и мне страшно. Еще недавно я ненавидел себя, собственную жизнь и не видел для себя ничего, кроме бутылки и жуткого похмелья каждое утро. А теперь я беру ответственность за четверых детей, и еще одного, которого ты носишь. Это страшно, но это не повод бежать.

Все же не удержавшись, Ян протянул руку и вытер слезы с ее щек, а она потянулась за его ладонью. И тогда он просто сделал то, что давно хотел. Притянул Линду за плечи к себе и, прижав, поцеловал ее в висок.

— Останься. Теперь у тебя есть деньги, и ты можешь уехать. Но ты останься, Линда.

Она молчала какое-то время. А потом вдруг сама обняла его за пояс и уткнулась лицом ему в грудь.

— Я не понимаю. — тихо сказала она. — Не понимаю, почему ты это делаешь. Как ты можешь меня... хотеть. Почему хочешь быть со мной. Ведь я не... У меня нет ничего. Ни дома, ни денег, даже гордости и смелости у меня нет. А еще у меня дети, и я беременна. И ты все равно говоришь... Я не понимаю, и поэтому мне страшно.

— Я не знаю, о ком ты рассказываешь сейчас. — вздохнул Ян, в душе ликуя, что Линда доверчиво сейчас прижимается к нему и обжигает его кожу под майкой своим дыханием. Что он просто держит ее в своих руках и вдыхает запах ее мягких волос. — Я не вижу тут никакой нищей трусихи. Я вижу отважную женщину и любящую мать. Я даже завидую ей, потому что у нее есть все сокровища мира, Линда. Их зовут Сара, Дора, Курт, Саймон и еще один драгоценный камень, который пока находится на стадии огранки и еще не понятно, кто там получится, но скоро мы это узнаем. И теперь скажи мне Линда, кто богаче тебя? Если сравнивать, то я просто нищий.

Линда уже всю плакала, не стесняясь шмыгать носом и откровенно вытирать слезы о его майку.

— Ну, теперь ты не совсем нищий. — всхлипнула она. — Считаю, что тебе выдали кредит, под большие проценты. А скоро... через несколько месяцев, точнее через пять с половиной будет бонус.

Ян с облегчением выдохнул, обхватил ладонями заплаканное лицо Линды и прижался своим лбом к ее.

— Спасибо. — прошептал он.

Он хотел бы побыть с ней подольше. Но уже слышал, что Саймон и дети вернулись в дом. Поэтому Ян отстранился и собрал разбросанные на кровати деньги и заложил их в жестяную банку Линды. Туда же сунул и карту с кодом. Плотно закрыл крышкой и вложил в руки Линды.

— Не надо! — взволнованно покачала головой Линда, явно расстроенная. — Это не обязательно! Ты не должен...

— Убери это. Если это как-то придаст тебе уверенности, то пусть так и будет.

Он пошел к двери, но в переполнивших его чувств. Они постояли так еще несколько мгновений, а потом Ян ушел, не забыв предварительно подать Линде пакет с ужином. Хорошо, что кроме салата Линда ничего не ела на ужин, иначе ей пришлось бы довольствоваться холодной едой. Но он пообещал Линде прислать к ней Саймона с горячим чаем. А вот о том, что он собирался поговорить с подростком, Ян промолчал. Волнений для Линды было и так достаточно.

Терпение. Последний месяц терпение стало его жизненным кредо. Он и сам не предполагал, что может быть таким терпеливым по отношению к кому-то. Но Линда нуждалась в его понимании, и Ян делал все возможное, чтобы дать ей это. Не сказать, что он не добился определенного успеха. Если сравнивать то, что было, и как стало теперь, то можно сказать, что прогресс на лицо. Но это если не принимать в расчет, что он хотел большего.

Иногда Яну казалось, что он какой-то извращенец. Он хотел беременную женщину, которая все еще немного его побаивалась. Но было бы еще более странным, если бы Ян не хотел Линду. Она была красивой. Особенно теперь, когда болезненная худоба прошла. Она все еще была хрупкой, но уже не изможденной. Но особенно она была красива в тот момент, когда улыбалась. А это случалось все чаще. Теперь из ее глаз почти исчезло затравленное выражение. Да и чистый страх больше не появлялся. А вот улыбка очень часто появлялась на ее лице. И если она была обращена к детям, то Ян испытывал болезненную нежность. А когда Линда улыбалась ему, то он желал ее каждой клеточкой своего тела.

Это была особенная улыбка. Уголки ее губ едва ли приподнимались, но что-то менялось в ее лице. А может быть, все дело было в глазах. Их темная глубина, когда Линда улыбалась ему, наполнялась светом, смягчая их выражение. Это длилось недолго, но было так значимо. И Ян боялся все испортить. Действовал так медленно и осторожно, как только мог. За весь прошедший месяц он ни разу ее не поцеловал. И иногда ему казалось, что не выдержит больше ни минуты. И как только увидит, вопьется в ее губы поцелуем, утоляя в себе потребность. Но как только видел ее доверчивый взгляд, ее улыбку, то заталкивал свои инстинкты куда подальше. Он подождет. Столько сколько нужно. Ведь не менее важным, чем поцелуй, была возможность ее обнимать.

Она позволяла ему себя обнимать. Первую неделю она лишь принимала его объятия. Замирала в его руках, и казалось, почти не дышала. Но в последние дни она порой сама тянулась к нему. Ян видел, что порой она и сама этого не замечает. Как немного наклоняется в его сторону, когда он садиться или встает рядом с ней. Совсем чуть-чуть, но этого достаточно. Ян рад был дать свои объятия. И она прижималась к нему, тихонько вздыхая. А он наслаждался ощущением ее тела в своих руках.

Ян боялся нарушить то равновесие, что установилось между ними. Понимая, что для большего нужно время. И просто, как мог, заботился о ней.

Но у него была отдушина. Дети. Впервые за много лет, он чувствовал себя счастливым. И не понимал, как мог жить без этих малышей. Иногда ему становилось страшно, от мысли, что их могло не случиться в его постылой жизни. Но они случились, и он с жадностью брал от них то, что они готовы были отдать. А отдавали они так много и так бескорыстно, что Ян готов был кричать от восторга. С каждым днем они проникали в него все больше и больше. А они принимали его. Они не жалели для него ни объятий, ни улыбок ни поцелуев. Они рисовали для него картинки, заваливали вопросами, и позволяли смазывать их содранные коленки, стараясь быть аккуратным, но, как правило, заливал зеленкой все вокруг, а потом дул на ранку, чтобы облегчить боль. Он научил Курта кататься на велосипеде, которого у него никогда не было. И обещал научить малышей. Но когда дело дошло и до них, то в отличие от сестры, Сара испугалась.

Она была робкая малышка, застенчивая и нерешительная. Она была так похожа на мать.

Тогда Ян подарил ей вместо велосипеда самокат. И Сара подолгу каталась на нем, мыла каждый вечер от пыли, чтобы он блестел как новенький.

Линда плакала в тот вечер, когда Ян принес Саре самокат. Он вошел в дом, оставив детей с Саймоном, чтобы помочь Линде с ужином и застал ее врасплох. Она сидела на стуле, возле кухонного стола и плакала. Заметив Яна, она не отвернулась и не попыталась скрыть слезы, как часто бывало. Просто смотрела на него и позволяла соленым ручейкам бежать по щекам. Ян подошел и поднял ее со стула, прижал к себе.

— Спасибо. — тихо сказала она, вытирая слезы о его рубашку.

— Не благодари. Это и для меня.

— Я не знаю, как благодарить тебя за все это, что я могу...

— Просто верь мне...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он не знал, показалось ли ему или нет. Но когда Линда, привстав на цыпочки, обняла его за шею, то прежде чем уткнуться лицом в его плечо она коснулась губами его щеки. Она его поцеловала. Вот так невинно и немного по-детски. Но если бы кто-то мог только представить, как потряс и ошеломил Яна этот поцелуй. Его сердце зашло на вдохе, а грудь сдавило так, словно он столкнулся с каменной плитой.

Он позволил Линде прятаться на его плече всего минуту, а потом отстранился, обхватил ее лицо ладонями и заставил посмотреть на него. Он готов был поцеловать ее в тот момент. И она позволила бы ему. Она прикрыла глаза, задышала немного чаще. Он медленно стал наклоняться, не веря, что это случится.

Но в следующую секунду он услышал, как Дора зовет его с улицы. И все, что он позволил себе, только погладить большими пальцами мокрые от слез щеки Линды. А потом вышел на улицу.

Он решил, что подождет, когда дети поужинают и отправятся спать.

* * *

В доме было так тихо, что Линда отчетливо слышала тихое постукивание клавиатуры ноутбука, за которым работал Ян. Ей нравилось смотреть на него в этот момент. И в то же время это рождало какую-то настороженность. Потому что Ян Ривз становился не похож сам на себя. Но тут же возникала мысль, что возможно он именно такой. Спокойный и собранный, сосредоточенный. По сути, Линда ничего о нем не знала. Когда они встретились, то она с легкостью определила его как пьяницу. Да и что она могла подумать, если во время их первых, не совсем приятных встреч, он всегда был в той или иной степени пьян. Но теперь она с каждым днем убеждалась, что совершенно ошибалась. Он прекрасно вписывался в этот маленький захолустный городок с его размеренным полусонным течением жизни. С устоявшимся укладом. И даже в ее маленьком домишке, со всей этой убогой мебелью и с минимумом удобств Ян не казался чем-то чужеродным. И все же он был другим. Особенно теперь, когда перестал пить и взял заботу о ней и ее детях на себя. В этом мужчине появилось что-то властное, но что удивительно совершенно не пугающее.

Он теперь не работал на ферме, а подолгу сидел за компьютером или говорил по телефону. И когда обрывки этих разговоров доносились до ее ушей, то приводили Линду в

смятение. Его тон, голос, порой непонятные термины, которые Ян употреблял, явно говорили о том, что Ян не был простым рабочим на ферме. Она легко могла представить его в каком-нибудь кабинете, в костюме, а не на ее крохотной кухоньке, в неизменной белой майке и распахнутой рубашке.

И это от чего-то тревожило ее. Она не хотела ничего другого. Слишком дорого досталось то, что было сейчас. Спокойные, счастливые дети, не пугающиеся каждого шороха. Все чаще и чаще шалившие, открыто смеющиеся. Даже Саймон не смотря на свою угрюмость, кажется, немного оттаял. Стал более спокойным. И Линда вздыхала с облегчением, когда все реже стала видеть в его глазах ожесточенность и ненависть к отцу. И еще Ян. Непостижимый мужчина, подаривший ей все это. Зачастую она просто не верила, что такое могло случиться. Как могла она так быстро привязаться и довериться мужчине, которого совершенно не знала еще недавно. Как могла ощущать все то, что заставляло ее дыхание замирать, а сердце биться с удвоенной силой, стоило только Яну посмотреть на нее одним из тех его тяжелых темных взглядов. И страх был тут совсем не причем.

И с каждым днем ей все больше хотелось быть к нему ближе. Она и боялась и желала, чтобы он обнял ее крепче. И даже самой себе она запрещала вспоминать о его поцелуе. Линда не понимала, почему он больше даже не пытается ее поцеловать. А потом с непонятной грустью осознавала, что ей нечем привлечь этого мужчину. Она тощая и плохо одета. Но самое главное — она беременна. Кто захочет беременную женщину. Но это было и к лучшему. И все же эти мысли не давали ей покоя.

И настал такой момент, когда чувства переполнили ее. Линда уже почти решилась сама поцеловать Яна. Коснуться его губ своими, почувствовать их теплое твердое прикосновение, как тогда, на его крыльце. Но потом струсилa. Испугалась собственных мыслей и желаний, и все на что оказалась способной это скользнуть губами по его щеке и молиться, чтобы Ян ничего не понял и не заметил.

Но его взгляд сказал ей о том, что он все почувствовал. Ей бы испугаться того огня, что разгорелся в его взгляде. А она наоборот замерла в ожидании. А потом долго не могла успокоить собственное сердце, когда он вышел за дверь.

— Линда, иди сюда.

Линда вздрогнула, словно очнувшись, и только теперь поняла, что как дурочка смотрит на него, позабыв о том, что зашивала платье Сары, пока Ян работал. А теперь он смотрел на нее, протянув к ней руку, приглашая ее присоединиться к нему на диване.

И она пошла не задумываясь. Еще недавно она бы ощутила, как неприятный холодок ползет по спине, а страх затмевает разум липкой пеленой. А сейчас только сердце на секунду сбилось и продолжило свой ритм. И тепло. Непривычное, но приятное тепло охватывало тело с каждым шагом. Линда присела рядом, почти касаясь ноги Яна своим бедром. Он, как делал в последнее время постоянно, словно угадав ее желание, приобнял за плечи и притянул к себе ближе, позволяя впитывать его силу и надежность.

— Как ты? Устала? — спросил он.

— Немного. Но это приятная усталость. Хорошо, что мне разрешили встать с постели.

— С условием, что ты не станешь переутомляться. — напомнил он.

— Я всего лишь приготовила вам ужин. Мне хочется заботиться о детях и о...

Она замолчала, чуть не сказав то, что было на уме. В последнее время она стала неосмотрительной. Теряла бдительность, и иногда готова была ляпнуть все, что в голову взбредет. Раньше это ей стоило слишком дорого. И она научилась тщательно взвешивать то,

что говорила.

Но было поздно, Ян все равно понял все. Он отстранился от нее, обхватил ее лицо теплыми шершавыми ладонями, и заглянул в глаза.

— Обо мне? — напрямую спросил он. — Ты хотела бы заботиться обо мне?

Линда могла бы уйти от ответа. Но не смогла. Ян смотрел на нее по-другому. Словно это не он все это время давал им надежность, заботился о них, обустроивал их дом. И вовсе не он непостижимым образом завоевал доверие детей, давая им возможность радоваться, и открыто наслаждаться детством. Буд-то это она сделала так много, что не хватит и жизни, чтобы расплатиться.

Линда не смогла ответить словами, все еще не чувствуя в себе такой смелости, но кивнула и закрыла глаза.

— Посмотри, Линда. Посмотри на меня.

Она подчинилась. И увидела все по его лицу. И то, что ошибалась, когда думала, что не привлекает его. И еще поняла, что сейчас он ее поцелует. Все смешалось в ее голове. Она и хотела этого и волновалась. Под его пристальным взглядом, Линда облизала губы и увидела, как дрожь прошла по его лицу. Как вспыхнули его глаза. Ян медленно, так медленно приближался, что она вцепилась в его плечи пальцами, не торопя, но и не останавливая. А потом он ее поцеловал. Как тогда, на своем крыльце. Именно так, как она хотела. Сначала медленно и осторожно. И постепенно усиливая нажим. Ян одной рукой обхватил ее талию и придвинул к себе ближе, а другую руку положил ей на затылок. Согревая и едва заметно поглаживая кожу на шее. А уже в следующее мгновение Линда почувствовала, как его язык раздвигает ее губы, и она открылась, принимая и позволяя. Что творилось с ней, Линда не понимала. Сердце заколотилось, как от страха, но она не боялась. Только все сильнее цеплялась пальцами за плечи Яна, ища поддержки. И он все понимал. Он держал ее крепко, но не причинял боли. И целовал, то напористо и сильно, то ненадолго отступая, когда чувствовал, что слишком спешит. А Линда теряла голову, теряла время и сознание. Она не помнила, что так бывает. Что можно столько чувствовать, от поцелуя. А знала ли она вообще?

Стало горько от того, что она не знала, как бывает горячо и сладко от поцелуя. И голова шла кругом, только от ощущения поглаживания на шее. И что можно не бояться силы, которая была в руках этого мужчины, и не сжиматься в ужасе, от прикосновения этих рук. Было слишком много, и горечи и сладости, и, переполнив ее до краев, эта смесь выплеснулась наружу тихим всхлипом. Ему в губы, влажным вздохом.

Ян замер на мгновение, а потом поднял голову и посмотрел в ее глаза. Линда потянулась к нему, пока не готовая вернуться в реальность, не желавшая показывать Яну свое смятение, и прижалась лицом к груди мужчины. Там билось его сердце, повторяя бешеный ритм ее собственного. Она всем телом ощутила его тяжелый вздох, когда он прижал ее к себе, давая ей такие желанные объятия.

— Я напугал тебя?

— Нет! Нет. Я не думала, я просто... Я не знала, что... Что так... бывает...

Она больше ничего не сказала, только потерлась щекой о его рубашку, пахнущую хвойным мылом и мужчиной. А Ян молчал несколько минут.

— Он был с тобой жесток все время?

Линда похолодела. С сожалением ощутила, как остатки тепла и надежности покидают ее тело и разум. Она попыталась выпрямиться, почти испытывая физическую боль, от того,

что лишается его объятий. И Ян позволил. Он разжал руки, давая ей пространство. Линда выпрямилась и нервно поправила юбку на коленях. Попыталась пригладить волосы.

Ян не выключил ноутбук, и теперь Линда невидящим взглядом смотрела в светящийся монитор, пытаясь взять себя в руки.

— Линда.

Она подскочила с дивана и отступила на несколько шагов. Прекрасно понимая, что ведет себя как идиотка, не могла ничего поделать с этим.

— Хочешь чаю? Я выпила бы чашечку. Тебе налить? Хочешь? — быстро проговорила она, даже сама слыша, что почти умоляет его.

А Ян только несколько секунд смотрел на нее с пониманием и сожалением, а потом кивнул.

— Давай. Хорошо, Линда. Сделай нам чай.

Она чувствовала его взгляд все то время, пока заваривала никому не нужный сейчас чай. И сожалела о том, как все закончилось. Она могла бы просто ответить «да» на его вопрос. Вот и все. И откуда-то знала, что этого было бы достаточно. Ян не стал бы настаивать на подробностях. А сама она не может, просто не может рассказать ему. Еще недавно Ян сказал ей, что она сильная и смелая. Но как он будет думать о ней, когда узнает, как она жила последние пять лет. Будет ли по-прежнему считать ее храброй. Вряд ли. Ей и так было нечего предложить ему взамен на то, что он готов был дать.

Линда поставила на столик перед Яном чашку с чаем и сама присела рядом. Но уже не так, как раньше, а стараясь, чтобы их тела не соприкасались. Молчание повисло между ними, заставляя Линду чувствовать себя виноватой.

— Линда. — Ян протянул руку и забрал чашку из ее трясущихся рук. — Ты можешь обжечься.

Он отставил ее чашку, к своей же он даже не притронулся. Ян снова позвал ее по имени, и Линда посмотрела на него. Она просто надеялась, что найдет в себе смелости ответить, если он спросит еще раз. Но, не смотря на намерение быть честной, непроизвольно покосилась в сторону лестницы, словно ища пути к отступлению. Она знала, что Ян все понял, но не сказал ничего.

Просто снова обнял ее, едва не заставив Линду расплакаться.

— Мы не будем говорить об этом, если ты не хочешь. — тихо сказал он. — Расскажешь, когда будешь готова.

— Ян...

— На самом деле, я хотел спросить тебя о другом. — он усмехнулся, когда она снова напряглась в его руках. — Не нервничай. Я просто хотел бы завтра поехать с вами в город. Отвезем детей в магазин. Уже осень и на улице похолодало. А у детей, и у тебя нет теплых вещей.

Линда зажмурилась. Стыд. Жгучий горький стыд затопил ее. Ян был прав. Она и сама это знала. Еще два дня назад она вновь пересчитала свои скудные накопления, хранившиеся в жестяной банке, вместе с деньгами и банковской картой Яна. Она не стала бы использовать те деньги, которые он ей тогда дал. А ее средств хватило бы от силы на одежду для кого-то одного. Это в очередной раз показало, какая она безнадежная мать. А если бы еще и Саймон не подрабатывал на ферме, получая хоть какие-то деньги, тогда пришлось бы покупать одежду и для него. А ведь ему надо закончить школу. Он и так пропустил целый год, когда оставлять Линду одну с детьми стало совсем невыносимо для него. Но он не

может просто забыть о школе. Саймон должен учиться, чтобы иметь будущее. Но он и слышать об этом не желал. И с каждым днем все отдалялся от нее, заставляя сердце Линды кровоточить. Но и винить его в этом она не могла.

— Линда, не надо. — услышала она голос Яна. — Это не проблема. Мы купим все, что нужно. Ты не должна, ни о чем, беспокоиться. — Он погладил ее по пылающим щекам. Провел пальцем по губам. — Позволь мне побеспокоиться об этом.

— Но...

— Мы же уже все решили. Я забочусь о вас. Поверь, для меня купить детям теплые вещи ничего не стоит. А вот знать, что они не мерзнут, значит очень много.

— Но откуда у тебя...

Он ждал, когда она спросит. Может ей и показалось, но он даже хотел этого. Но Линда только еще больше смутилась. Ян покачал головой.

— Я объясню тебе немного позже. Поверь, я могу позволить себе заботиться о вас. О тебе, Линда. Завтра поедем и купим все необходимое. Хорошо? Просто забудь обо всем на один день. Пусть дети порадуются. И тебе надо отвлечься.

— Хорошо.

* * *

И у нее получилось. Получилось ненадолго практически забыть обо всем. И просто наслаждаться искренней радостью детей. Даже Курт был непривычно подвижен и весел. И Линда со щемящей болью подумала, что ни Курт, ни Сара с Дорой, ни разу еще не были в таком магазине. Пусть и не очень большой, но все же торговый центр, произвел на детей большое впечатление. А большое скопление людей только поначалу насторожило их. Но потом они увлеклись рассматриванием витрин с игрушками, пока Линда выбирала для них одежду. Их практически невозможно было уговорить, чтобы хоть что-то примерить. Порой Линда с беспокойством поглядывала на Яна, волнуясь из-за того, что поход по магазину затягивается. Но он только мягко, но настойчиво помогал с примеркой, урезонивая расшалившихся малышей.

И она не узнавала своих детей. Как недавно они боялись даже простого прохожего, сжимались от громких звуков. И прятались за ее спину, стоило хоть кому-то подойти к ним слишком близко. А сейчас Дора с интересом перебирала заколочки и бантики в большой коробке, с надписью «распродажа». А Сара любовалась на себя в большое зеркало, рассматривая яркие пуговицы на ее новом осеннем пальто. И как маленькая леди позволяла Курту держать ее новую голубую сумочку.

Если бы Ян мог представить себе, что значит для нее каждая улыбка и счастливый взгляд детей. Но глядя на него, Линда откуда-то знала, что он прекрасно ее понимает. Потому что он смотрел на радость ее детей с таким удовольствием, словно это были его собственные дети. Этот день мог стать одним из самых счастливых. Но настал момент, когда Линда вернулась в свою мрачную реальность. И поняла, что она никогда ее не отпустит.

Линда поняла, как неотвратимо то, что надвигалась на нее, пока Ян шел к ней, неся в руке платье. Проходя мимо детей, он протянул свободную руку и погладил Курта по темным волосам, улыбнулся Саре и кивнул Доре, когда она показала ему выбранный в коробке бантик.

А Линда уже не видела ничего вокруг, только Яна и платье в его руке. Он подошел и протянул ей его.

— Ты ничего не выбрала для себя. — сказал он. — Но в скором времени я хочу тебя познакомить кое с кем. И решил, что тебе понадобится что-то новое. Я не в этом не специалист, так что если не нравится это, то можешь выбрать сама. Что скажешь? Но мне кажется, что это платье тебе пойдет. Примеришь?

Она знала, что этот момент наступит. Рано или поздно ей придется рассказать о муже и о том, как она жила до встречи с Яном. Но понимать это и не пытаться отдалить этот момент не одно и то же.

И меньше всего она хотела, чтобы этот момент настал в торговом центре, когда вокруг столько людей. Когда рядом дети счастливые и довольные новыми игрушками и нарядами, которые для них купил Ян.

Он смотрел на нее без гнева или недовольства. Просто с естественным любопытством. А у нее задрожали руки. И она вцепилась, в мягкую ткань платья, похолодевшими пальцами.

В платье не было ничего особенного. Ян не мог выбрать бы более подходящего для нее. Однотонное, глубокого синего цвета, с юбкой солнце. Ей понравилось оно. Своей простотой, но благородным цветом, придающим ему шик. Вот только длинна его была чуть ниже колена. И она не могла его надеть. Но и ответить на такой простой вопрос Яна "Почему?" она не могла. Горло перехватило, и Линда изо всех сил пыталась выдавить из себя хоть слово.

А потом увидела, что взгляд мужчины изменился. И простое любопытство сменяется беспокойством. И еще чем-то тяжелым и темным. Не гневом. Нет. Линда могла бы за секунду распознать гнев.

В глазах Яна появлялось понимание. Он медленно перевел свой взгляд на ее ноги, скрытые неизменно длинной просторной юбкой, а потом вновь посмотрел на ее лицо. Губы его поджались, а линия скул затвердела. Но он ничего не сказал. Только несколько секунд смотрел на нее. А потом молча забрал предложенное им платье из ее судорожно сжатых рук.

И уже ничего не могло вернуть ей приподнятой настроение, и простую радость от каждой минуты. Линда старалась не встречаться глазами с Яном, от стыда и чувства вины. Впервые за весь день ей были неприятны любопытные взгляды людей. Многие знали Яна и некоторые из них ее, но все они прекрасно слышали о ней и о последних новостях. Кто-то подходил, здоровался, пожимал руку Яну, задавал общепринятые вопросы. Они поздравляли его с женитьбой, а Линда прятала глаза. Он принимал поздравления, благодарил. А Линде казалось, что она обманщица. Самая последняя лгунья.

Она была рада вернуться домой. Девочки, утомленные поездкой уснули сразу, как только поели. А Курт принялся собирать детский конструктор в комнате, которую делил с Саймоном. Линда старалась быть спокойной и просто заниматься повседневными делами. Но все буквально валилось у нее из рук. Понимая, что выглядит законченной истеричкой, она изо всех сил старалась успокоиться, при этом чувствуя не отпускающий ее взгляд Яна.

Линда уже не могла выносить его молчания и немного вопроса в глазах. Но хуже всего было сочувствие и понимание в их выражении. И это не помогало взять себя в руки.

Но Линда забыла, как Ян все время угадывал ее состояние. Вот и теперь он, наверняка увидев, как она издергалась, решил оставить ее одну. Он закрыл ноутбук и, встав, направился к выходу. В этом не было ничего странного. Линда знала, что иногда он выкуривал одну сигарету передсном, но всегда выходил на улицу, никогда не позволяя себе курить в доме.

Но в этот раз, когда Ян подошел к двери, Линде показалось, что вот сейчас этот мужчина выйдет и больше не вернется. Что удержит его в этом доме полном проблем?

Что она сама сделала, чтобы облегчить ему пребывание в нем? Ничего.

Она не думала о том, что будет, если в один день Ян решит, что больше не хочет быть с ними. А теперь на мгновение представила и задохнулась. Еще недавно ей было не по себе, от того, что этот мужчина живет в этом доме, а теперь страх сковал ее от одной только мысли, что Яна в нем не будет.

Сама не ведая, что творит, Линда последовала за ним.

— Ян!

Он обернулся, с удивлением посмотрев на нее.

— Линда? Что?...

— Не уходи. Прости меня. Я знаю, что... Я расскажу, если ты хочешь! Я расскажу. Спроси меня еще раз. Спроси, Ян. И я все расскажу.

Он вернулся так быстро, что Линда не успела опомниться, как он оказался рядом. Так близко, что Линда могла видеть морщинки вокруг его зеленых глаз, линию губ, светлую щетину. И родинку на шее, там, где билась жилка.

Ян обхватил ее руками, притянул к себе. Ее трясло, и она не могла остановиться.

— Тише. Тише, Линда. Я никуда не уйду. Я так долго ждал вас, я не могу теперь уйти. А тебе нельзя так нервничать.

— То платье, я...

— Не надо. Я уже говорил, ты расскажешь, когда будешь готова.

Линда отстранилась. Отступила на шаг.

— Но я никогда не буду готова. Но если ты спросишь, я отвечу. Сама я никогда не решусь. Я не хочу, что бы кто-то знал. Что бы ты знал.

— Линда...

— Спроси меня. Прямо сейчас. Спроси, почему я не могу надеть то платье.

— Не надо, Линда. Успокойся...

Он попытался снова обнять ее, но если она позволила бы ему, то снова бы струсил. Предпочла бы спрятаться на его плече. Но он столько сделал для нее и детей. Она не могла больше прятаться.

— Спроси. — перехваченным голосом попросила она. — Спроси меня.

Он молчал несколько секунд. Потом сглотнул.

— Почему ты не можешь надеть то платье, Линда?

Ее руки так тряслись, что у нее с трудом получилось ухватить подол длинной застиранной юбки. Она тянула и тянула его вверх. Так мучительно медленно. Не отводя взгляда от глаз Яна, который с болью смотрел на то, что она делает. Она видела, как бледнеет его мужественное лицо по мере того, как подол юбки поднимался все выше. И как черты его лица исказились, когда край юбки оказался выше колен. Она знала, что он там увидел. Много побелевших шрамов, от лодыжек до бедер. Напоминание о том, что ей никогда не убежать.

Все же она позволила ему обнять ее. И целовать мокрые от слез щеки. Линда плакала, совсем беззвучно, но не могла прекратить, как ни пыталась. А Ян все держал ее, тихонько укачивая. Линда видела, какая ярость кипит в нем, но не боялась. Она знала, что она направлена не на нее.

Хотел ли Ян слушать, как какой-то выродок издевался над женщиной, которую он полюбил, и над детьми, которые наполнили его жизнь смыслом? Нет, конечно. Но должен был. Потому что Линда должна была рассказать. Невозможно носить такое в себе, и не сходить с ума каждый день. Потому что невозможно вот так по капле узнавать страшные вещи, или додумывать самому, и бороться с желанием разгромить все вокруг, от съедавшей внутренности ярости. Невыносимо было увидеть шрамы на ногах Линды и попытаться сохранить на лице спокойное выражение, чтобы не испугать Линду еще больше. А потом пытаться унять ее дрожь, машинально обещая, что все будет хорошо, когда сам еще не пришел в себя.

Яну трудно было просто теперь сидеть напротив нее на диване и смотреть, как Линда сжимается в комочек, словно боится, что прямо сейчас ее муж войдет в этот дом и сделает с ней те ужасы, о которых так боялась поведать. Но не только страх был на ее лице и в ее огромных, темных, как кофе глазах. В них был стыд от воспоминаний о собственной беспомощности.

Он подумал о ребенке, которого носит Линда и страх, что такое ее состояние скажется на нем, сковало сердце тревогой.

— Линда. — она вскинула на него взгляд, а потом отвернулась. — Посмотри на меня.

— Не могу. — сдавлено ответила она. — Ты не понимаешь. Я хочу рассказать, но... Это так стыдно. Я делала такие вещи, о которых... Ты бы никогда так не сделал. Не стал бы так унижаться... Ты станешь презирать меня... Когда узнаешь, какой слабой я была.

Ян старался, чтобы голос его звучал спокойно. Но это было чертовски трудно. Ему хотелось схватить эту хрупкую женщину, и закрыть от всего мира. Но это было невозможно, потому что все, что терзало ее, жило внутри нее самой. Он не сможет облегчить ее ношу, если она сама не поделится этой ношей с ним.

— Линда. Ты не сможешь рассказать ничего такого, за что я стал бы презирать тебя. К тому же, кто я, чтобы осуждать тебя за что-то. Еще недавно, я был тем, кто не мог прожить и дня без бутылки виски.

— Понимаешь... Я не была такой всегда. Не была. Я и сама не заметила, как стала такой трусихой. Когда становилась все без вольнее и без вольнее, пока не превратилась в ничтожество. — она сжала кулаки и прижала их к груди. — Я позволяла издеваться над собой! Позволяла ему пугать детей! — крикнула она и зажмурилась.

Ян еще ни разу не слышал, что бы Линда так повысила голос. Сама этого не осознавая, она всегда говорила тихим голосом, словно боясь кого-то потревожить. Так разговаривают матери, когда их маленькие дети спят. Ян молчал, отчасти давая возможность Линде успокоиться, отчасти, потому что не знал, что можно сказать. Спустя пару минут, Линда открыла глаза.

— Он ведь мне даже не особо и нравился. — до странности спокойно заговорила она. — Я всегда чувствовала в нем что-то настораживающее. Какую-то суровость. А потом сама же смеялась над своими сомнениями. И девушки, с которыми я работала, тоже не понимали, как я могу оставаться равнодушной, когда за мной так ухаживает мужчина. А он красиво ухаживал. Дарил цветы, приглашал в кино или в уютное кафе. Все как у всех. Я работала официанткой в баре и поздно заканчивала, а он встречал меня после смены и

проводил домой. Я замечала, что он порой слишком остро реагирует на какие-то незначительные ситуации. Раздражался, если я опаздывала на встречу, или долго говорила по телефону. Но потом сам же смеялся над своим ворчанием. А порой он говорил жестокие вещи, пару раз бывал груб со мной. Я не знаю, если смотреть в целом, то со стороны он казался не более ненормальным, чем все остальные парни, ошивающиеся в баре или вокруг моих подруг. Ну, кто без недостатков, говорили они мне. Утверждали, что я придираюсь. Но, все равно, я... Я держала дистанцию. А ухаживания Райана становились все настойчивее. Я понимала, что надо что-то решать. Либо совсем прекратить отношения, либо, как он и настаивал, переводить их на следующий уровень. Он хотел, чтобы я... Что бы мы...

Она стыдливо глянула на него, и Ян не мог не улыбнуться про себя ее стеснительности. Он и так понял, о каком новом уровне пыталась сказать Линда. Поэтому решил не мучать ее.

— Я понял, Линда.

— Да? Ладно, я просто... В общем, Райан все больше настаивал и сердился, когда я отказывала. Это еще больше меня пугало. И однажды я сказала ему, что хочу повременить и сделать паузу. Но тогда он попросил разрешение познакомиться меня с его детьми.

— До этого ты не знала о них?

— Нет! Он никогда о них не рассказывал. А тут... Он сказал, что его жена умерла и у него два маленьких сына. И что я первая, которая привлекла его за долгое время, ведь он очень любил жену. И ему надо было заботиться о мальчиках. А его спешка и настойчивость вызвана тем, что он хочет иметь жену и чтобы у детей была семья. Я была так растеряна. И поехала к нему. О, Ян! — всхлипнула Линда и по ее щеке скатилась слезинка, сорвалась с подбородка и оставила маленькую влажную точку на ее блузке. — Мое сердце разбилось, когда я их увидела. Я думала, это такой оборот речи, из любовного романа. Но в тот момент, когда я увидела Саймона и Курта, оно и правда разбилось.

Курт сидел на высоком стульчике и не столько ел, сколько размазывал кашу по лицу и столу. А Саймон, он стирал в тазу детские штанишки. Он так старался, что его черные волосы взмокли, а щеки раздурманились. Курт заплакал, как только увидел, что мы вошли, а Саймон так зло смотрел на меня. Не знаю, поверишь ты или нет, но я полюбила их в тот же момент. Я не могла уйти. Не знаю почему. Но не могла. Я была им нужна. Я это знаю. Никто не знает, лучше меня, как это, расти без родителей. Я хотела заботиться о них. И, в конце концов, подумала, что все кругом правы. Принцев же не бывает. Какой принц влюбится в сироту, работающую в баре. А Райан. Он был обычным, земным. Все его раздражение и срывы я объяснила себе тем, что он уставал и волновался за детей. Ему приходилось оставлять их одних, пока он водил меня гулять, а я еще и опаздывала. По глупости я нашла оправдание всем его недостаткам и сказала «да». А уже через неделю он убедил меня переехать к нему. Потом сказал, будто не хочет, что бы обо мне болтали всякое, и мы поженились. Без всяких церемоний. И знаешь... Сначала все было не так и плохо.

Утром он уходил на работу, а я оставалась с детьми. Он почти сразу настоял, чтобы я уволилась из бара. А когда приходил, то порой был грубоват, но я думала, что это от усталости. Но с каждым днем все становилось только хуже. Он часто кричал на мальчиков и на меня. Казалось, дети все больше начинают раздражать его, и я старалась, чтобы они всегда были чем — то заняты. Саймон уроками или помощью по дому, Курт игрушками, мультфильмами. Только бы не плакал. Я же была как можно более предупредительной и уступчивой. Но Курт был таким маленьким и порой капризничал без причины. Однажды Райан схватил его и затолкал в небольшой чулан, где хранились старые вещи. Курт плакал, и

я пыталась добраться до него, но Райан стоял возле двери и не позволял мне. А когда я стала бороться с ним, то он ударил меня. Я отлетела, стукнулась головой о стену, и потеряла сознание. А очнувшись от того, что меня тряс и звал Саймон. Райана не было, он ушел, но забрал ключ от кладовки. А Курт все плакал и плакал... Мы с Саймоном сломали замок и открыли дверь. Когда муж вернулся, мальчики уже спали. Он только вошел, увидел, что дверь кладовки открыта, и... то была кошмарная ночь. Тогда я думала, что это самая ужасная ночь в моей жизни. Как я ошибалась...

Голос Линды сорвался, она закрыла лицо руками. В комнате была такая тишина, что Ян мог слышать, как тикают старые часы на стене с помутневшим от времени циферблатом. Больше не в силах оставаться в стороне, он переместился на диване ближе к Линде, обхватил ее, вдруг ставшее безвольным тело, и усадил к себе на колени. Он думал, что она воспротивиться или насторожится, но она только вздохнула и прижалась к нему. А Ян легко мог представить Линду пятилетней давности, вряд ли она сильно изменилась. И Курта, синеглазого малыша. Саймона, наверняка такого же тощего, как теперь. А потом расплывчатый образ подонка, избивающего эту хрупкую женщину. Ненависть обожгла горло похлеще глотка виски и на несколько секунд оглушила так, что Ян не сразу понял, что Линда продолжает рассказывать.

Открывает ему то, что и слушать было невыносимо.

О том, как на следующий день, избитая и перепуганная, она слушала мольбы мужа о прощении. И что он умолял дать ему шанс ради детей. И несчастные глаза Саймона, и его вопрос «Теперь ты уйдешь?» не позволили ей быть твердой. Она осталась. Но так и не смогла перебороть страх после той ночи и не подпускала Райана к себе. Он сорвался через неделю. Изнасиловал ее и избил. А чтобы она не вздумала обращаться за помощью, пригрозил, что вышвырнет детей из дома, потому что сам о них заботиться не собирается. А для убедительности выставил их за дверь на всю ночь. И пока Саймон и Курт сидели в холодном подъезде, брал ее снова и снова. В эту ночь Линда забеременела Сарой и Дорой.

А Райан взял ее жизнь под свой контроль. Деньги, все документы хранились у него. Да и не составило большого труда, с помощью детей, запугать Линду. За любую ее провинность он угрожал детям. А за провинность детей, Линде. Поэтому никто из них не решался пойти против мерзавца. Линда научилась переключать гнев Райана на себя, и когда ситуация обострялась, то доставалось именно ей. Линда приучила Саймона уводить Курта в другую комнату каждый раз.

Не понятно, почему, но когда стал заметен живот Линды, Райан перестал бить ее. Но напряженная атмосфера в доме все нарастала. Когда Райану было на ком выместить гнев, дети были в безопасности. Теперь нет. В тот день, когда он ударил Саймона, Линда решила бежать. Ее задержали на автостанции, когда она покупала билеты. Райан заявил, что они поссорились, и теперь Линда пытается увезти его детей. А она сама не в себе из-за беременности. Документов при ней не было, ее задержали до выяснения обстоятельств. Когда в участок за ней приехал Райан, он долго наедине говорил с офицером. После чего ее даже слушать не стали. Велели мужу отвезти ее и детей домой, и обратиться к врачу.

В напоминание об этом дне у Линды остались шрамы на ногах. Он не изменил себе и не применял кулаков, против беременной женщины. Для этого у Райана был ремень.

Больше попыток побега Линда не предпринимала. Единственной ее задачей стало уберечь детей от гнева отца. Она позволяла мужу все, что ему не заблагорассудится. По ее словам, если бы он велел ей раздеться и пройти голышом по улице, она, не задумываясь,

скинула бы платье.

Как бы ужасно это не звучало, но их жизнь обрела какую-то закономерность. Райан срывался, вымещал на ней гнев, потом на несколько дней успокаивался. Потом снова срывался.

Казалось, хуже быть уже не могло. Но Линда в очередной раз ошиблась. После родов все стало еще хуже. Его раздражал плач девочек. Из школы, где учился Саймон, поступали вызов за вызовом из-за плохих оценок. Курт только начинал говорить и любил какое-нибудь новое слово повторять без конца, пока оно ему не надоедало. Это радовало и умиляло Линду, но сердило Райана. Было лишь вопросом времени, когда тот сорвется на ком-то из детей. Этим кто-то стал Саймон, когда он решил заступиться за Линду. Все произошло слишком неожиданно. Линда не успела закрыть детей в другой комнате, не смогла убедить Саймона увести Курта. И когда Райан набросился на нее, Саймон не сдержался и бросился отцу на спину. Это было сумасшествие. Линда пыталась остановить мужа, но у нее ничего не выходило. Он бил Саймона по щекам снова и снова. Линда умоляла его остановиться, обещала выполнять все, что только Райан не пожелает. Даже намеренно оскорбляла, чтобы как обычно переключить его ярость на себя. Но все было бесполезно. А потом она обезумела. Когда увидела, как из разбитой губы мальчика течет кровь. Увидела наполненные ужасом глаза ребенка и ее разум помутился. Она не помнила, как схватилась за деревянный табурет около кухонного стола. Как подняла и обрушила его на мужа. Как Райан повалился вперед, прямо на Саймона. Она помнила только гробовую тишину в квартире, после того, как Саймон выполз из-под тела отца, и наполненные ужасом синие глаза Курта, замершего, словно изваяние, возле дивана. С того дня, он не произнес больше ни слова.

Мерзавец очнулся буквально через пару минут и сам вызвал скорую. А потом сообщил в полицию о том, что из-за послеродового стресса жена в последнее время не в себе. А теперь напала на ребенка и на него. Если бы у нее хватило смелости, то она, возможно, смогла бы доказать обратное. Если бы не была так напугана, то поняла бы всю абсурдность слов мужа. Но Райан наполнил ей тот разговор с офицером при ее попытке сбежать. Теперь слишком много всего говорило о том, что это у нее не все в порядке с головой. Райан сказал Саймону, что если тот опровергнет его слова, то он отправит Линду в психушку, или вовсе убьет. Линде он сказал то же самое, напомнив, что в любом случае детей ей больше не видать.

И она смирилась. Она научилась предугадывать любое настроение мужа. В основном ей удавалось отправить их с Саймоном в другую комнату в нужный момент. Саймон больше не противился. Она научилась после всего, что с ней сделает Райан вставать, затем с помощью Саймона обрабатывать синяки и ссадины. Накладывать грим, и улыбаться Курту и малышам. Каждый день был слишком долгим, чтобы его прожить, и слишком коротким, чтобы что-то изменить. Иногда, стоя под душем у нее возникало желание воспользоваться бритвенными лезвиями мужа. Порой, принимая таблетку обезболивающего, которые были ее спасением, искушение проглотить целую горсть было слишком сильным. С каждым прожитым днем Линда все больше становилась той, кем желал ее выставить муж — сумасшедшей. Потому что начинала бояться, что однажды ее не остановят даже мысли о детях.

Иногда у Райана были хорошие дни, и он практически ее не трогал. И тогда Линда начинала думать, как выбраться из этого ада. Но, как правило, эти дни не длились больше недели. И она опять впадала в то состояние, когда казалось — выхода нет.

Но, видимо, что-то еще оставалось в ней от живого человека. Видя, что ее дети больше

похожи на запуганных и забитых существ, чем на обычных детей, Линда понимала, что должна либо все изменить, либо умереть. Она начала воровать деньги у собственного мужа, пока он был пьян и спал. Тайком убираться в доме у парализованного старика из соседней квартиры, рискуя быть пойманной. Это были крохи и они собирались с таким трудом и так долго, что Линде казалось, она никогда не накопит даже на билеты на автобус, не говоря о другом.

Осознание, что возможно ей удастся убежать, если все как следует обдумать, придавало сил. И Райан почувствовал это. К тому же, он стал волноваться, что малышки подросли, как и мальчики. А значит, Линда могла быть более свободна в своих действиях. И однажды Райан заявил, что она должна снова забеременеть. Линда пришла в ужас. Но никто не собирался спрашивать ее мнения. Он просто выбросил противозачаточные таблетки.

В ту ночь, когда муж уже спал, Линда рыдала в ванной над своими скудными накоплениями и понимала, у нее больше нет времени.

Но осуществить задуманное оказалось сложнее, чем она планировала. Бежать без документов не было никакого смысла. А Райан хранил их в маленьком сейфе, больше похожем на шкатулку, запирающуюся на ключ, который он всегда забирал с собой, а пока был дома, тщательно его прятал. Пока она искала выход, Линда пыталась по мере возможности избегать близости с мужем. Это и так всегда было испытанием для нее, а от сознания, что она может снова забеременеть приходила в отчаяние. Линда знала, как отвлечь мужа от секса. Разозлить его настолько, чтобы он избил ее. Тогда он просто оставлял ее и уходил спать. Но это не могло долго срабатывать.

Однажды муж пришел домой раньше обычного и уже пьяный. Саймон как раз вышел немного погулять с детьми до прихода отца, пока Линда готовила ужин. Райан избил и изнасиловал ее прямо на кухне. А потом ушел, оставив ее лежать на полу. В очередной раз замазывать побои и приходить в себя ей помогал Саймон, вернувшийся домой. Наверное, она не смогла бы все это перенести, если бы не Саймон. Но он стал совсем взрослым, и убедить его не вмешиваться становилось все труднее. И тогда Линда все чаще применяла тот же аргумент воздействия на него, что и Райан на нее. Дети. Курт и малышки. Но Линда знала, что надо бежать. Как можно скорее. Вот только у нее по-прежнему не было документов.

Но пристрастие мужа к выпивке из проклятия стало тем шансом, которого она так ждала. Напившись, он устроил драку в том самом баре, в котором когда-то работала Линда. Он сумел ускользнуть, но утром за ним все равно пришли и арестовали. Он оказал сопротивление при аресте, так что вывели его в наручниках и в том, во что был одет. В рубашке, но без куртки. Когда Линда нашла в кармане ключ от сейфа, то не смогла сдержать слез. Она не собиралась ждать второго шанса. Забрав свои скудные сбережения и то, что нашла в бумажнике мужа, она собрала немного вещей для детей, и погрузила все в машину Райана. Ее трясло так, что она едва могла вставить ключ в замок зажигания. Выехав за пределы города, она потратила большую часть денег на то, чтобы взять другую машину на прокат. Самую дешевую, которая оказалась полной рухлядью, и в итоге заглохла. Но до этого она увезла Линду и ее детей далеко от чудовища по имени Райан Хоксли.

Как давно ей не было так легко. Легко проснуться утром, не замерев на секунду, чтобы понять — она в безопасности. Легко улыбнуться детям, потому что и она сама, и они знают — этот день будет еще более лучшим, чем вчерашний, потому что он еще больше отдалял их всех от кошмара прошлого. Легко спуститься вниз и приготовить завтрак. Легко встретить улыбкой вошедшего в дом Яна, и протянуть ему чашку свежесваренного кофе, аромат которого наполнил дом. Легко принять поцелуй мужчины, ставшим особенным для нее. Вдохнуть его неповторимый запах хвойного мыла и понять, что сердце ускорило ритм не от страха. А от теплого чувства, разогревшего кровь, давно забытого желания быть любимой.

И было так странно и все же легко кормить завтраком детей, под пристальным взглядом Яна и не испытывать стыда и страха, не смотря на то, что вчера открылась ему.

— Как ты сегодня? — спросил он, когда Линда, подливала в его кружку кофе.

— Хорошо. — ответила она, нисколько не сдукавив.

Он смотрел на нее, поверх кружки и Линда волновалась, как девчонка на первом свидании. Она просыпала сахар и уронила ложку, засуетилась, прекрасно понимая, что выдает себя с головой. Но от этого становилось почему-то веселей. А когда Линда посмотрела на Яна, то он улыбался ей, и она не смогла удержаться и улыбнулась ему в ответ. Он был таким красивым и сильным. Ян Ривз. Как много доброты и заботы, нежности и тепла, суровости и стойкости уместилось в коротком четком имени. Как много чувств пробуждало это имя и мужчина, которому оно принадлежало.

Было так страшно вечером, когда он уходил, что утром она увидит в его глазах осуждение и жалость от того, что она позволяла делать с собой мужу. Линда и сама не заметила, как отвечала на вопросы Яна настолько откровенно, словно давая ему возможность самому присутствовать при этом. Она говорила и говорила, иногда сжимаясь от ужасных воспоминаний, но Ян шептал ей слова утешения и обнимал сильными руками, и демоны отступали. Она больше не плакала. Каким-то непостижимым образом этот мужчина давал ей силы не только рассказать обо всем. Но и пережить это заново, смириться с этим и отпустить.

Линда понимала, что такое невозможно забыть, но и изменить она ничего уже не могла. У нее не было возможности заново переделать прошлое, но построить для себя лучшее будущее она может. Если найти в себе силы и смелость. И Линда хотела, чтобы в этом будущем был он — Ян Ривз. Она так мало знала о нем, но казалось, что он такой близкий. Желание довериться ему уже стало таким большим, что невозможно было уже держать его под контролем сомнений. И она доверилась. И вчера, после того как иссякли слова и воспоминания, Ян целовал ее так долго и так самозабвенно, что она забывала. Забывала страх и отчаяние. Забывала сомнения и настороженность. И вспоминала... Вспоминала, как приятны мужские поцелуи, когда два дыхания перемешивались в точке соприкосновения губ. Когда стук собственного сердца вторил пульсу в венах Яна. Он целовал ее нежно, но в то же время как-то определяюще, словно она уже давно принадлежала ему.

Линда хотела, чтобы он остался. Но с тех пор как ей разрешили вставать, отменив постельный режим, Ян стал уходить ночевать к себе домой. Но весь день он проводил у нее. Завтракал, работал, помогал ей, играл с детьми. Занимался ремонтными работами по дому с Саймоном. И в какой-то степени Линда была рада, что он уходит на ночь, но в этот вечер

захотела, чтобы он остался. Она пока еще не была готова к чему-то большему, чем поцелуи, но от мысли, что он спал бы поблизости, становилось спокойнее. Но он ушел, а она не осмелилась попросить его остаться.

Но сегодня утром она приняла решение. Было немного волнительно решиться на такое, не зная, какова будет реакция Яна, но страха не было. И это было прекрасно. Не бояться гнева мужчины. Даже если ему не понравится ее затея, то он не причинит ей боли, Линда была уверена. Да, она немного робела, но не потому, что боялась Яна, а потому, что никогда еще не вела себя так смело, как собиралась. И от этого на протяжении всего утра, пока дети завтракали, потом Саймон уходил на работу, Линда была как на иголках. Наверное, это передалось и Яну, потому что когда на кухне остались только они, и Сара с Дорой, Ян с беспокойством посмотрел на нее.

— Линда. — он подошел к ней, забрал из ее рук кухонное полотенце, которое она окончательно измяла, и погладил по плечу, будто успокаивая. — Что такое?

— Ничего. — ее голос дрогнул. — Все в порядке. Правда.

Ян кивнул. Линда замерла, пытаясь продлить приятное ощущение от его ладони на своем плече. Она понимала, что это совсем не серьезно, но ей так хотелось, чтобы Ян подошел ближе и обнял ее. Линде казалось, что это время пройдет и когда-то непременно закончится светлая полоса, и она боялась не успеть. Не успеть насладиться объятиями и поцелуями. Ценным чувством осознания, что о тебе кто-то заботится. Но что самое важное, Линде хотелось подарить что-то взамен. Она захотела вдвойне вернуть свою заботу и ласку. Чтобы этот сильный мужчина тоже почувствовал, что он не один и что о нем тоже кто-то заботится. Ведь, судя по всему, он нуждается в этом, потому что одинок. Был одинок. Линда желала дать ему понять, что теперь у него есть те, кто его очень любят. Несомненно, девочки боготворили его, а Курт дарил свою любовь пусть и молча, но так очевидно. Даже Саймон, боясь показаться сентиментальным, и постоянно напускающий на себя недовольный вид, не мог не выказывать Яну уважение и привязанность.

Линда жалела, что не может как Дора и Сара, не думая о приличиях и о множестве помех с такой же легкостью броситься в объятия и спрятать лицо на его плече...

И вдруг что-то случилось с ней, словно она сошла с ума. В голову пришла совершенно безумная мысль, и если бы она дала себе хоть несколько секунд на раздумья, то абсолютно точно не стала бы так делать. Но Линда не дала себе и мгновения на страх. Она до боли в мышцах желала очутиться в кольце его сильных рук и поцеловать его горячие губы.

Линда сделала разделяющий их шаг и замерла на секунду, с мольбой глядя Яну в глаза. Она просила его понять и помочь ей. И увидела, как загорелся его зеленый взгляд, как что-то торжествующее вспыхнуло в глубине его глаз. И он обхватил ее руками и прижал к себе. Выдох облегчения и благодарности сорвался с губ Линды. Она доверчиво уткнулась лицом в грудь мужчины.

— Линда... — в его голосе было беспокойство. — Что с тобой? Я же вижу. Ты жалеешь о том, что все рассказала мне вчера?

— Нет.

— Хорошо. Я рад, что ты рассказала. Я и раньше знал, что ты смелая и сильная, но теперь понимаю насколько. Если ты не жалеешь, то что с тобой происходит? Ты плохо себя чувствуешь? Может отвезти тебя к врачу?

— Нет. Я чувствую себя хорошо.

— Тогда я не понимаю. Ты чего-то испугалась? Просто скажи мне. Что...

Линда поняла, что он не на шутку озабочен ее состоянием. Она еще сильнее прижалась к нему, и все же нашла в себе силы поднять голову и посмотреть Яну в лицо. У нее дыхание перехватило от того, как он смотрел на нее. И ей нравилось все в его лице. И светлая щетина, и не очень темные, но длинные ресницы, и зеленые глаза. Яркие выраженные скулы, прямой нос и твердая четкая линия рта. Как могло так случиться, что с каждым днем Ян казался Линде более красивым. Линда протянула руку и коснулась кончиками пальцев его щеки.

— Я ничего не испугалась. Я не боюсь. Я просто... Я хотела, чтобы ты...

Она почувствовала, как краснеет ее лицо. А Ян улыбнулся. Напряжение покинуло его, Линда ощутила это всем телом. Он наклонился к ней и коснулся ее губ своими в быстром, но твердом поцелуе. Линда понимала, что они не одни, но ей так хотелось продлить этот момент. Но у нее были две маленькие соперницы, которые требовали к себе внимания.

Дора, бросив фломастер, подбежала к Яну и протянула к нему руки.

— А меня!? — немного обиженно, немного требовательно потребовала она. — А меня поцеловать! Это же я твоя принцесса!

Линда покачала головой, зная, что это не очень-то хорошо поощрять такие капризные интонации у маленькой девочки, и возвращать в ней кокетство. Но разве могла Линда устоять перед дочерью, когда она, ничего не боясь, требовала внимания к себе. Дора, сверкая лукавыми темными глазами, притворно надула губки. А руками она грозно подпирала бока. На ней было белое ситцевое платье в красный цветочек, абсолютно новое. И домашние мягкие туфли с сиреневыми звездочками. Теперь ее малышки не носили обноски. Дора была такой красавицей, что материнское сердце наполнилось глупой безосновательной гордостью. Вот и Ян не смог устоять. Он отошел от Линды на шаг, старательно пряча улыбку и напуская на себя виноватый вид. Потом присел на корточки и легко ущипнул девочку за щечку, чем вызвал у нее улыбку.

— Прости меня, моя принцесса. — виновато сказал Ян и затем подхватил Дору на руки и посадил на свое бедро.

Она обняла маленькими ручонками его шею и сама поцеловала в щеку. Невозможно было не заметить, как поцелуй малышки преобразил Яна. Черты его лица смягчились, а глаза наполнились мягким нежным светом. Но тут он, немного посерьезнев, повернулся в сторону дивана. Там, не сводя с них глаз, стояла Сара, и как обычно в минуты волнения задирала подол такого же платья, как и у сестры, только с синими цветами, и натягивала его почти до носа. Но и, не видя за тканью, можно было с уверенностью сказать, что ее губы дрожат. Она смотрела на Яна огромными карими глазами, в которых светилось безграничное обожание. Но, в отличие от сестры, Сара была очень робкой малышкой и не решалась требовать к себе внимания.

Но Ян улыбнулся ей и кивнул, протягивая свободную руку, приглашая в свои объятия.

— Иди ко мне, малышка.

Саре не нужно было второго приглашения, она посмотрела на Линду и, дождавшись одобрительной улыбки, счастливая подбежала к Яну. Он подхватил ее и усадил на второе колено.

— Подаришь мне поцелуй? — спросил он у девочки, которая с сияющим личиком смотрела на него.

— А я тоже принцесса? — спросила она.

— Ты не можешь быть принцессой. Я принцесса! — возмутилась Дора и обхватив щеки Яна маленькими ладошками потянула, заставляя его смотреть на нее. — Ведь это я

принцесса!

— Ну, конечно! Одна единственная на свете, моя самая прекрасная принцесса! А Сара... — он посмотрел на Сару и нежно ей улыбнулся. — Сара — моя фея. Самая волшебная из фей. Да?

Сара закивала и от радости и удовольствия спрятала свое лицо в ямке между плечом и шеей Яна. Дора, как обычно, не желая в чем-то уступить сестре, повторила маневр.

Линда же едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться прямо на глазах у дочерей. Да и Ян, казалось, едва сдерживал слезы. Его лицо было напряженным, а губы плотно сжаты. А глаза... подозрительно блестели. Но он на минуту зажмурился и, когда девочки снова подняли свои головы, он уже улыбался им.

Ян легко поднялся вместе с девочками на руках и посмотрел на Линду. А она подошла ближе и погладила дочерей по их рыжим кудряшкам, чувствуя, как сердце словно становится больше, от переполнившей ее любви и благодарности.

Малышки, довольные полученным подтверждением любви Яна к ним, вскоре оставили их одних, отправившись играть в куклы. А Ян снова обнял Линду и притянул к себе.

— Они так любят тебя. — тихо сказала Линда.

— Они чудесные малышки.

— Уверена, если бы Саймон не взял сегодня Курта с собой, тебе бы и ему пришлось придумать ласковое прозвище.

— Курт храбрый и умный мальчик. Мы сумели бы с ним договориться.

— Я так люблю его. Я так хочу, чтобы он поправился и начал говорить.

Линда не смогла скрыть боль в голосе и виновато опустила взгляд, стыдясь, что портит такой хороший момент грустными мыслями. Но Ян не позволил ей прятаться. Он пальцами приподнял ее лицо за подбородок и нежно коснулся губами ее губ.

— Все образуется. Ему требуется немного больше времени. Если мы не справимся сами, то обратимся к специалисту. Вот увидишь, все будет хорошо.

— Я очень хочу в это верить. И я верю. Особенно сейчас, когда ты рядом и обнимаешь меня. Ян... Когда ты обнимаешь меня я ничего не боюсь. — доверчиво призналась Линда.

— Тогда я всегда буду рядом, если ты захочешь. И буду обнимать тебя. Я не дам вас в обиду. И сам никогда не обижу вас. Я в жизни ни разу не ударил ни одну женщину. Тем более ребенка. Если бы ты только знала, как много значат для меня Дора и Сара. И Курт с Саймоном. — он заправил за ухо выбившую прядь ее волос, провел пальцами по ее щеке, скуле. Большим пальцем погладил нижнюю губу. — Как много стала значить для меня ты. Я хочу быть с тобой и заботиться о детях. Хочу заботиться и о ребенке, который должен родиться. Ты и дети — это семья, о которой я мечтал. Не плачь, Линда. — Ян поймал подушечкой пальца побежавшую по щеке слезинку. — Мне больше нравится, когда ты улыбаешься.

Ян поцеловал ее на этот раз долгим поцелуем. И с каждым касанием его губ Линда все больше освобождалась от сомнений. Она словно сбрасывала с себя панцирь страха и недоверия. Позволяла себе чувствовать и надеяться. Линда, чувствуя себя невероятно смелой, привстала на носочки, обхватила Яна за шею и ответила на поцелуй так, как не решалась до этого. Ян застонал и его грудная клетка. Казалось, завибрировала от этого стона. Он крепче сжал руку на талии Линды, а вторую запустил в ее волосы и углубил поцелуй. Когда он, неосознанно подался бедрами вперед, и Линда ощутила его возбуждение, то замерла лишь на мгновение, а потом вновь расслабилась. Но вскоре ее расслабленность

сменилась волнением. Ее тело разгоралось и тепло сменялось жаром, особенно там, где руки Яна касались ее. Ноги налились свинцом, в то время как голова стала какой-то легкой, словно все тяжелые мысли оставили ее. Линда была рада, что Ян держит ее, иначе бы наверняка упала.

Они долго потом просто стояли, обнявшись, и пытались успокоить дыхание и разгоряченные тела. Линда была благодарна Яну, что он поддерживает ее, ничего не говоря, потому что не знала, как передать чувства, что бушевали в ней. Она не думала, что способна на такие эмоции, особенно после того, что ей пришлось пережить. И все же не могла не признать, что Ян Ривз вызывает в ней желание. То примитивное, но в то же время прекрасное чувство, что заставляет ощущать жизнь каждой клеточкой тела.

Она не знала, была ли готова довериться Яну настолько, чтобы позволить этому желанию войти в полную силу, но уже доверяла ему достаточно, чтобы сделать к этому шаг навстречу.

— Мама! А где Блодыга? — спросила Дора, поднимаясь по ступенькам крыльца.

— Он делает свои собачьи дела! Да, мама? — с умным видом сказала Сара и, наклонившись, приложила ухо к двери дома Яна.

— Да, наверное, так и есть. — согласилась Линда, волнуясь, вопреки недавней уверенности.

Она знала, что Ян не запирает дверь дома, в котором теперь только ночует. Поэтому было нужно просто толкнуть дверь и войти, но Линда медлила. Была еще возможность развернуться и уйти, и возможно, если дочери не проболтаются, Ян вовсе не узнает, что она приходила. Но Линда запретила себе трусить. Она больше не могла себе позволить быть трусливой и поддаваться страху. Ян столько сделал для них, так много дал, и дело не в деньгах. Конечно, нельзя было не признать, что его финансовая помощь ощутимо улучшила их жизнь. Но Линда, как никто другой знала, что никакие деньги не заменят чувства безопасности и надежности. А Ян дал возможность ее детям больше не бояться и подарил шанс на то детство, которое они заслуживали. А ей самой он позволил чувствовать себя женщиной, а не забитым ничтожеством, каким она была еще совсем недавно.

И еще Линда поняла, что могла бы решиться полюбить Яна. Это чувство уже поселилось где-то в ее теле, но пока только давало первые всходы, хрупкие и ранимые, такие уязвимые и все же полные жизни и желания окрепнуть. И Линда надеялась, что и Ян, возможно, когда-нибудь сможет полюбить ее. Это, наверное, было слишком самонадеянно мечтать об этом. Ведь она замужем и беременна от мужа. И то, что Ян полюбил ее детей, и привязался к ней самой, было большим, о чем она должна была бы мечтать. И все же ощущала, как в ней крепнет надежда на что-то большее. То о чем она и не смела мечтать еще недавно.

Но для этого она должна была дать понять Яну насколько стала доверять ему, и сколько он стал значить для них всех. Поэтому она сейчас стояла на крыльце его дома и пока не решалась войти. Ян после обеда уехал на почту в город по делам и обещал заехать за Саймоном и Куртом на конюшни. А Линда, взяв девочек, отправилась к Яну домой, чтобы взять несколько его вещей на смену, дав этим понять, что ему не нужно возвращаться на ночь к себе, и он может остаться у них.

Помедлив еще несколько минут и поболтав с Дорой и Сарой о верном псе Яна, она все же открыла дверь и вошла в пустой дом.

В этот раз в доме было гораздо чище, чем когда она приходила в прошлый раз. Все же было очевидно, что здесь практически никто не бывает. Никаких деталей, которые бы показывали, что дом обитаем. Ни кружки из-под кофе, оставленной на столе, ни газеты, на столике возле дивана. И сам диван, без пледа или диванных подушек придавших бы уют, словно говорил, что в этом доме никто не живет.

И эта тишина и полу-необитаемость еще больше убедили Линду в том, что Ян должен переехать к ним. Дочери уже давно с любопытством сновали по дому, пока Линда стояла на пороге. Но она, отбросив оставшиеся сомнения, прошла вглубь дома.

— Дора! Сара! Осторожно малышки. Не бегайте так.

Продолжая мельком следить за дочерями, Линда приступила к тому, для чего пришла. Для начала она прошла в ванную комнату и забрала бритвенные принадлежности Яна, не удержавшись и немного подержав в руках каждую вещицу, словно желая еще немного узнать мужчину, которому эти вещи принадлежали. Поднесла к лицу мыло и вдохнула ставший таким знакомым запах хвои. Потом она задержалась возле небрежно заправленной постели, но быстро отошла от нее, немного встревоженная образами, промелькнувшим в ее голове, пока она смотрела на оставшуюся вмятину на подушке, и немного примятое покрывало. Но самым сложным оказалось решиться открыть один из ящиков старого комода, чтобы достать кое-что из одежды. На комод не было абсолютно ничего, не безделушек, ни фотографий в рамках. Просто пустая поверхность. Линда провела рукой по ней, и на ладони остался слой пыли. Она потрянула ладони, взялась за верхний ящик и потянула. В ящике лежали на удивление аккуратно сложенные майки и рубашки. Линда взяла одну рубашку. Положив ее на край кровати, она вернулась к комоду и решила взять еще майку, зная, что именно так любит носить Ян. Она выбрала простую белую, наверное, потому что именно белый так хорошо подчеркивал загорелую кожу мужчины. Она провела пальцами по белому мягкому, от многочисленных стирок, хлопку, прежде чем взять майку в руки. Понимая, что не стоит оставлять дочерей на долго одних она взяла майку в руки.

И заметила небольшой белый прямоугольник, лежавший поверх оставшихся маек. Сердце Линды забилося чуть быстрее от понимания, что, не смотря на свои благие намерения, все же делает недопустимое. Она без позволения роется в чужих вещах. И этот белый прямоугольник, а Линда уже догадалась, что это фотография, лишь подчеркивал это. Так же Линда знала, что сделает еще большую глупость, если посмотрит, что это за фотография, но так же понимала — не сможет не посмотреть. Продолжая сжимать майку Яна в руках, она взяла прямоугольник и, чувствуя себя преступницей, прочитала надпись, написанную ровным красивым почерком наискосок.

«Единственному мужчине в моей жизни. Любимому мужу, Яну. Люблю тебя, мой дорогой»

Пальцы Линды дрогнули, а сердце замерло на мгновение. Ей бы положить фотографию обратно! Она не имела права читать эту надпись. Она не имела права смотреть. И все же перевернула фотографию и с волнением посмотрела на женщину, запечатленную на ней.

Линда почувствовала, как холод пробивается ей под кожу. Она еще не до конца осознала то, что увидела и поняла, но уже радостное возбуждение и тревожное волнение сменяется привычным опустошением и разочарованием. Едва только пробивающаяся надежда, не успев увидеть солнца, попала под тень обреченности.

Осторожно, дрожащими руками, Линда вернула фотографию на место, и майку тоже. Затем, то же проделала с рубашкой. Стараясь все уложить так, как было до ее вторжения. Потом вернула все то, что взяла из ванной, надеясь, что сумела все разложить как прежде. Вернувшись в гостиную, она сначала несколько раз вздохнула и выдохнула, чтобы голос не дрожал, и позвала дочерей, которые играли в догонялки вокруг дивана.

— Мы уже уходим? — Дора подбежала к ней и вложила свою ладошку в ее протянутую руку.

— Да, моя милая. Нам пора.

Сара последовала примеру сестры и тоже взяла Линду за руку. Стремясь как можно скорее уйти, Линда не оглядываясь, вышла из дома, позволив двери самой закрыться за ними. Как только они спустились с крыльца, девочки отпустили ее руки, и побежали вперед, по направлению к их дому. А Линда едва могла передвигать ногами, словно старуха. Еще несколько минут назад Линде казалось, что она может начать все с начала. Теперь знала, что так не бывает.

Ей было не на что жаловаться. В ней не было обиды или разочарования. Она, еще недавно не смевшая надеяться на хоть что-то светлое в своей жизни и жизнях детей, получила гораздо больше, чем ожидала. Дом, безопасность, заботу и привязанность самого прекрасного мужчины, которого когда-либо встречала. Он полюбил ее детей и помог им из запуганных малышей, превратиться в веселых детей. Он помог ей из затравленной женщины стать более уверенной. У нее было так много теперь, больше чем было еще совсем недавно.

Тогда почему же было так больно от того, что женщина на фотографии так сильно напоминала ее саму.

Ян говорил о том, что она и дети подарили ему то, о чем он мечтал и то, что он думал, никогда у него не будет. Она еще не понимала, что случилось в прошлом этого мужчины, но было теперь понятно, что Ян Ривз когда-то любил ту женщину на фотографии и потерял. Он был одиноким, потерявшимся человеком. Линда готова была отдать все, что только могла, что бы помочь ему, ведь он так много сделал для них. Он стал особенным человеком в ее жизни. Но теперь она знала наверняка, что никогда не сможет стать кем-то особенным для него. Потому что навсегда останется бледной тенью женщины на фотографии. Потому что не нужно было быть гением, чтобы понять, как же сильно нужно любить женщину, чтобы единственное, что человек взял с собой из прошлого в безликий и полупустой дом — это фотографию жены.

В этот вечер все было как всегда. Линда приготовила ужин, Ян помог ей убрать посуду, пока дети укладывались спать. Она старалась вести себя как обычно, но у нее не очень хорошо получалось, потому что Ян все же заметил, что с ней что-то не так. Но на его вопрос она ответила, что просто устала. За что получила шутливый выговор и в сопровождении Саймона была отправлена отдыхать.

Она немного посидела возле кроваток Доры и Сары, любуясь на их беззаботные личики, а потом долго лежала без сна, прислушиваясь к тихим голосам Саймона и Яна, о чем-то разговаривающих в гостиной. Она слышала, как Ян уходил, прощаясь с Саймоном до завтра. Еще утром она хотела попросить его остаться, теперь же это желание усилилось стократно. С трудом удержалась от того, чтобы не соскочить с постели и не подбежать к окну, открыть его и не позвать Яна обратно. Она не хотела, чтобы он уходил. В тот дом. Тот пустой дом. В котором все сосредоточено на одной маленькой фотографии женщины, так похожей на Линду.

Линда продолжала лежать и с силой зажмуривать глаза.

Одна ночь. Ей нужна ночь, чтобы забыть день, в который родилась и умерла ее надежда.

С Линдой что-то творилось, Ян это чувствовал, но не мог понять, в чем дело. Конечно, было глупо ожидать, что она, даже решившись рассказать о своей жизни с мужем и о том кошмаре, что ей пришлось с ним пережить, перестанет замыкаться в себе, и быть настороженной. Но в какой-то момент ему именно так и показалось. Что-то изменилось в ней в то утро. Он пришел, боясь, что Линда уже пожалела о своей откровенности и сделает все возможное, чтобы отдалиться, но все оказалось совсем иначе. Н был удивлен и поражен ее радостным взглядом и улыбкой, которую она подарила ему во время завтрака. У него что-то переворачивалось в груди, когда она смотрела на него открытым взглядом. Он едва не потерял рассудок, в тот момент, когда она первая сделала шаг ему навстречу и призналась, что чувствует себя в безопасности в его объятиях.

Никогда, ни одно признание не действовало на него так сокрушительно, как ее тихие слова о том, что она не боится, когда он обнимает ее. Казалось в тот момент, он впервые за эти недели увидел Линду такой, какой она, наверное, была до встречи с подонком Хоксли. Застенчивой, но обворожительной девушкой, с горящими жизнью карими глазами. Ни разу он еще не видел Линду такой возбужденной, и в то же время спокойной. Когда она не вздрагивала от случайного громкого звука, не замирала, стоило Яну подойти к ней, а наоборот, оборачивалась, улыбаясь, и старалась придвинуться ближе.

Но сильнее всего Яна поразило, что Линда ответила на его поцелуй. До этого она лишь позволяла себя целовать. Он чувствовал, что его поцелуи приятны ей, но она никогда не стремилась или не позволяла себе проявить хоть какую-то активность. И своей отзывчивостью в этот раз, она что-то сотворила с ним. Ян потерял голову он чувства захлестнувшего все его существо. Если бы он только мог позволить себе стиснуть до боли ее хрупкое тело. Покрыть поцелуями лицо и спуститься на шею и на ключицы. Он желал в тот момент дать волю страсти, что закипала в нем с каждой секундой все сильнее, и только понимание, что Линда все еще уязвима и к тому же беременна, останавливало его.

Но что-то изменилось.

Почти неуловимо. Если бы до этого Линда не показала ему разницу, возможно, он и не заметил бы. Она не боялась его и не пыталась отстраниться. Она была приветлива, предупредительна и мила. Когда Ян приходил ранним утром, Линда встречала его с улыбкой, и как обычно уже бывало, предлагала кофе и завтрак. Потом он помогал ей с посудой, все еще волнуясь по поводу ее самочувствия. Затем работал. Раз в три дня он ездил в город за покупками и заезжал к Полли Дойл, которая, похоже, искренне переживала за них. Даже иногда предлагала посидеть с детьми в случае необходимости. Она так же очень хотела бы навестить их, но когда Ян заикнулся об этом, Линда встревожилась, но с какой-то обреченностью согласилась. Ян понял, что она пока не готова к гостям и больше эту тему не поднимал.

В остальном же можно было сказать, что все в порядке. С каждым днем Линда выглядела все лучше, или просто Яну так казалось. Но это не имело значения. Единственное, что он понимал, так это то, что порой не может отвести от нее глаз. Даже ее немного пополневшая фигура и округлый животик вызывали в нем трепет. Он смотрел на Линду, как на ожившую свою мечту. Ему нравилось наблюдать за тем, как она занимается домашними делами. Складывает детскую одежду, готовит, ловко нарезаю овощи, помешивает что-то в

кастрюльках и сковородках. Или берет ложку и, поддев немного из готовящегося блюда, пробует, забывая о том, что надо подождать, и шипит и морщится от того, что обожглась. Ян так же любил когда Линда просто сидела на диване, после того как уложит девочек и Курта, и читает пока он работает. Оказалось, что Линда любит почитать перед сном. Но не какой-то женский роман, как бы мог предположить Ян, а мрачные детективы, которые она нашла на чердаке этого дома. И Ян иногда становился свидетелем, как она любовно гладит потертые и отсыревшие обложки, на некоторых из которых невозможно было разобрать даже название книги.

И все равно что-то тревожило Яна. Ему не нравилось... он и сам не мог объяснить себе толком, что. Не обреченность, нет. Даже в самом начале, когда только Линда приехала сюда она не отчаивалась. И теперь не смогла бы. Скорее — смирение. Словно смирилась с чем-то. С ним?

Ян задавался вопросом, не смирилась ли она с тем, что он вторгся в ее жизнь. Он помнил, что Линда не была в восторге от его идеи помогать им. Да и сообщение, что их считают мужем и женой привело ее в ужас. Но что она могла противопоставить ему? Она была в отчаянном положении и нуждалась в нем. И ей пришлось принять все то, что он предлагал.

Но, не успев сформироваться, эти мысли отступили, стоило Яну вспомнить полный мягкого света взгляд, когда ее глаза затуманивались после поцелуев. Он вспомнил ее прерывистое дыхание, когда она прижималась к нему своим телом. И не мог забыть, как она смотрела на него, когда он играл с детьми. К тому же Ян успел уже убедиться, что Линде плохо удавалось притворство. И если бы ей действительно было плохо от того, что он находится рядом, то Ян бы непременно понял это.

Причина странного отрешенного настроения Линды была в другом. И Ян хотел понять, что происходит. И отчего вместо того, что бы больше сближаться, они, словно застряли на месте.

А времени у них было не так уж много. Если бы не обстоятельства, Ян мог бы дать Линде больше времени, чтобы она научилась ему доверять. Но Ян хотел, чтобы ребенок, который вскоре должен родиться, никогда не пострадал от рук Райана Хоксли. И больше никогда он не должен хоть пальцем тронуть Саймона и Курта, малышей Сару и Дору. И Линда больше никогда не должна бояться, что подонок причинит ей вред. Но для этого Линда должна доверять Яну.

Чтобы все прекратилось, и Линда освободилась, она должна перестать прятаться. Но вряд ли подобная перспектива обрадует ее. Он не мог винить ее в этом. Ему не хотелось спешить, но и тянуть слишком не стоит.

Для начала Ян решил познакомить Линду со своим братом. Майк всегда умел легко расположить к себе людей. И если уж кто и мог вызвать доверие Линды так это он. К тому же Майк может оказаться надежным союзником в борьбе с Хоксли. Еще накануне Ян попросил Майка выяснить как можно больше об этом подонке, и о шансах в этой борьбе. Если все сделать правильно, то они могут с легкостью преодолеть этот барьер.

Ян обдумывал план действий, предпочитая направлять свои мысли на что-то конкретное, потому что волнение об эмоциональном состоянии Линды тревожили все больше и больше. И понял, что его решение познакомить майка и Линду верное. Конечно, у того будет много вопросов, но Ян готов был на них ответить.

Он сидел на диване в гостиной перед включенным ноутбуком, когда в дом вбежала

Дора, с побледневшим от тревоги личиком. Вслед за ней вошла Линда с плачущей Сарой на руках. Ян подскочил с дивана.

— Что случилось? — он преодолел разделяющее их пространства и уже через секунду забрал Сару из рук матери.

Во-первых, не в положении Линды носить на руках четырехлетнюю девочку, и во-вторых он желал как можно скорее узнать, что произошло.

Он чувствовал, как оглушительно колотится его сердце в груди, когда со встревоженного личика Доры перевел свой взгляд на заплаканные щечки Сары. Она всхлипывала и терлась носом о его футболку. Он чуть с ума не сошел, когда вдруг заметил кровь, которая тонкой полоской прочертила ногу Сары от коленки до лодыжки. А финальная капля впиталась в ткань голубого носочка.

— Я пойду, принесу... — начала Линда.

Но у Яна так зашумело в ушах, что он и разорвавшейся бомбы не услышал бы.

— Пойдешь?... Куда, черт возьми?! Надо же что-то делать! Надо позвонить и... Боже... — он подошел к дивану и, опустив на него, все еще вздрагивающую от всхлипов Сару, принялся ощупывать ее с ног до головы. — Надо вызвать скорую. Скорее же! Надо...

— Ян.

Ян замер, вдруг выдернутый из какого-то безумия, пораженный спокойным голосом Линды. Он впервые посмотрел на нее и увидел, что та совершенно спокойна и казалось просто немного удивленной. Но не больше. Она с пониманием, и еще каким-то снисхождением смотрела на него. А потом улыбнулась. Она улыбнулась!!! Что, черт возьми, происходит?! Значит, Ян оказался прав. И Линда действительно не в себе! В какой это вселенной Линда могла улыбаться, когда ее дочь истекает кровью! Паника вновь всплеснулась в груди, но Линда покачала головой.

— Ян. Я хотела сказать, что пойду и принесу аптечку. Думаю, что скорая помощь из-за содранной коленки — это... эм... как-то слишком.

— Содранной... что? — Ян медленно вновь повернулся к лежащей и странно притихшей Саре. И внимательно посмотрел на ее коленку.

Возможно, это было не самое приятное зрелище, но ничего чрезвычайного. Просто один случай содранных коленей, которые просто обязан получить каждый ребенок в определенный период взросления. И та капля крови, которая так привела его в ужас, была к счастью и единственной. В остальном же, все обошлось содранной кожей, на месте которой, должна образоваться болячка. Ян, чувствуя, как от облегчения ослабли колени, продолжал словно идиот пялиться на Сару. А потом перевел взгляд на Линду.

— Содранная коленка. — повторил он, уже начиная чувствовать себя придурком.

— Да. Так и есть. Нужен антисептик и пластырь. — кивнула Линда и странно поджала губы.

Яну потребовалась секунда, чтобы распознать за этим попытку скрыть смех.

— Тогда, — начал он, сам почему-то сиюсь не засмеяться. — Не стоит вызывать скорую.

— Ты прав. Да. — все-таки у нее вырвался смешок. Но она подавила его и попыталась придать лицу серьезный вид. Ян не хотел огорчать ее, но должен был признать — у нее плохо это получилось. — Прости. Это... Прости.

— Да, нет. Все хорошо. Просто... Я вел себя как придурок.

— О! Нет! Нет. Думаю, это больше было похоже на панику. — явно развлекаясь,

закивала Линда.

— Панику?

— Ага. Я в этом разбираюсь. Это она.

— Ясно. — Ян готов был поспорить, что выглядит он сейчас точно как идиот.

Он отвернулся от Линды и присел перед Сарой на корточки. Дора стояла рядом и держала сестру за руку для поддержки, с таким серьезным лицом, что Ян сам едва сам удержался от смешка. Он ласково погладил Сару по рыжим кудряшкам.

— И как же это случилось? — спросил он.

— Я хотела научиться на велосипеде. — жалобно проговорила малышка. Она уже не плакала. Но светлые реснички слиплись в треугольники, а щеки покраснелись и были влажными от недавних слез.

— Ну, первая попытка не всегда бывает удачной. И в следующий раз все получится.

— А я не упала в первый раз. — гордо заявила Дора.

Ян улыбнулся.

— Ну, ты у нас знатная егоза. А у Сары тоже получится, обязательно.

— Я больше не хочу ездить на велосипеде. — немного обиженно сказала девочка и поморщилась.

— Ну не стоит отказываться от велосипеда после одного промаха. Я помогу тебе и все получится. Хорошо? А теперь давай-ка смажем твою коленку и заклеим пластырем. А уже завтра ты забудешь об этом, я уверен.

Он повернулся к Линде, а она уже стояла, держа в руках бутылочку с антисептиком, мазь, вату и пластырь. Ян не заметил, как она уходила за все этим. Он встал и уступил ей место возле Сары, а сам пристроился рядом на диване, в ногах у пострадавшей. Дора, недолго думая, взобралась к нему на колени.

Линда ловко обработала ранки Сары и теперь старательно дула на ее коленку, словно только так можно было ее подлечить и унять боль. Сама же Сара искусно изображала пострадавшую в вело катастрофе. И Ян с улыбкой наблюдал за девочкой. Как правило, в центре внимания всегда оказывалась Дора. Но сегодня звездой была Сара и она наслаждалась этим сполна. И ей уже было не важно, что причиной тому было падение с велосипеда.

Когда в дом вошли Саймон и Курт, то она продемонстрировала свой маленький трагический спектакль и им двоим. Дора, все же не желавшая уступать сестре, красочно описывала все произошедшее. Ян подошел к Линде и приобнял ее, поцеловал в макушку. Она с тихим вздохом прижалась к его боку. Постояв так несколько минут, пока дети горячо обсуждали произошедшее, вскоре Линда отстранилась и ушла на кухню, чтобы накрыть на стол. Саймон вскоре присоединился к ней. Ян наблюдал за тем, как Линда с любовью смотрит на паренька, как улыбается на что-то, что он сказал ей. Кивнула, а потом небрежно заправила выбившуюся из скрепленных в узел волос, вьющуюся прядь, за ухо.

И Ян понял, что хотел бы однажды, чтобы и на него она хоть раз посмотрела так. Взглядом полным любви. Эта маленькая ранимая женщина могла любить безгранично. Вот только Ян не знал, осталось ли в ее большом сердце хоть немного места для любви к мужчине. Он понимал, что ждет слишком много от нее. Он должен был быть счастлив уже от того, что она позволяет ему быть рядом с ней и с детьми. Она дала ему так много, так сильно изменила его жизнь. В праве ли он ждать что-то еще.

И все же желание большего вперемешку с чувством вины подтачивало его изнутри.

Когда-то он поклялся любить только одну женщину до конца своих дней. Но она умерла, пытаясь родить от него ребенка. А теперь он хотел любви другой женщины, сам любил ее детей. И был уверен, что будет любить и малыша, который скоро появится на свет. Иногда, он даже забывал, что отцом является другой. Сейчас он уже почти забыл, каким мраком была наполнена его жизнь до того дня, как Линда и дети вошли в ресторан Полли Дойл. Но он хотел большего.

Хотел снова любить и быть любимым. И не кем-то, а девушкой, которая показала ему, что значит сила духа и борьба за жизнь. Хотел быть нужным ее детям и надеялся, что когда-нибудь он станет для них хорошим отцом. И эти желания боролись с навязчивой мыслью о предательстве той, которую он когда-то любил.

Наверное, впервые с того момента, как заботы о Линде и детях поглотили его, Ян попытался отстраниться от них. Он попытался представить лицо своей жены, вспомнить аромат ее духов, гладкость кожи. Представить ее смех и вкус ее поцелуев. И сердце защемило от привычной тоски и чувства потери. Но боль уже не была такой острой. Он все еще любил ее, свою Мел. Наверное, он будет любить ее до конца своей жизни. Но то чувство уже отдавало тихой грустью. А не раздирающим отчаянием.

Ян словно немного пьяный обвел гостиную взглядом. Сара сидела на коленях у Саймона, в то время как Дора плела косичку своей изрядно потрепанной кукле. Ян давно купил обеим малышам по новой кукле, но они питали странную привязанность к старым, которых прихватили с собой из прошлой жизни. На кухне Линда мыла руки Курту, подставив ему под ноги табуретку, на которую мальчик встал коленями, чтобы дотянуться до крана. И каждый из них, что-то говорил другому, отчего в доме не смолкали голоса. Почему-то, показалось неправильным думать о покойной жене в этом доме, пока Линда и дети занимались своими повседневными делами. На какую-то бесконечную минуту Ян почувствовал себя лишним. Или вернее не имеющим права находиться в этом доме.

Тогда он встал и встал и вышел на улицу.

Прохладный осенний ветер немного успокоил его. Он присел на ступеньки крыльца и похлопал себя по карманам джинсов в поисках сигарет. Не найдя, вспомнил, что забыл купить новую пачку. А спустя еще минуту услышал, как открылась и закрылась дверь позади него.

Линда присела рядом с ним. Он посмотрел на нее, и хотел было уже попенять ей, что она выскочила на улицу без кофты, но так и не сделал этого. Только приобнял за плечи, когда заметил, как она поежилась под порывом холодного ветра.

— Замерзла? — спросил он.

— Нормально. Что-то случилось? — она пыталась скрыть волнение в голосе, но Ян все равно его услышал.

— Нет. Вышел покурить.

— Это из-за Сары? — осторожно, поглядывая на него, спросила Линда. — Ты из-за нее расстроен?

Ян усмехнулся. Надо же. Заметила. А ему казалось, что она и взгляда на него не бросила с тех пор как ушла на кухню заниматься обедом.

— Нет. Не из-за Сары.

— А почему тогда. Я что-то сделала не так? Прости, что смеялась. Я не над тобой. Правда. Просто... Я знаю, что не должна была...

— Тшшш... — Ян покачал головой. — Все в порядке, Линда. Смейся, сколько хочешь. Я

и правда, немного бурно среагировал. Не привык к детским разбитым коленкам, знаешь ли... Но не волнуйся, привыкну. И больше не буду биться в истерике, если кто-то из детей поранится.

Линда какое-то время помолчала. А Ян посмотрел на нее. Она была невероятно красива в мягком свете, осеннего дня.

— Это было мило. — улыбнулась она ему.

— Мило? — Ян в шутку нахмурился и с удовольствием отметил, что Линда не испугалась. — Не уверен, что это был комплимент. То, что ты считаешь меня милым — это не то, что я хотел бы.

— А чего бы ты хотел.

— Ну, чтобы ты, например, считала меня... мужественным. Пожалуй, это было бы лучше, чем милый.

Линда засмеялась, а потом смутилась и опустила голову. Расправила юбку на коленях.

— А я и считаю. — тихо проговорила она. — Считаю, что ты очень мужественный. И сильный. И... ответственный. Но и добрый. И... милый. Но... Сейчас ты еще и расстроенный. Я не знаю почему. Если ты... мы... Я знаю, что дети иногда бывают шумными. Мне это нравится, раньше они никогда такими не были и я... Но, наверное, тебе они мешают работать. Если так, то я...

Ян придвинул Линду ближе и покачал головой.

— Нет. Дети тут не причем. Тебе не о чем волноваться, Линда. Все хорошо. Я просто думал. Не волнуйся. Иди в дом, на улице холодно. Я сейчас тоже приду.

— Дети обедают. А я... Я посижу тут. С тобой. И... Скажи о чем ты думаешь?

Ян и сам не понял, что это на него нашло. Отчего вдруг он сказал именно то, что говорить не собирался. Да и не следовало бы говорить. Но Линда спросила и неуверенно протянула руку и повела кончиками пальцев по его щеке. Словно успокаивая.

— О Мел. О своей жене. — слова сорвались с губ прежде, чем он успел их остановить.

Они упали тишиной и растворились в ветре. Линда застыла в его руках. Он ощутил это всем телом и обругал себя последними словами. Потом она расслабилась, но окончательно напряжение не ушло.

— Линда...

— Что произошло?

Ян вздохнул. Меньше всего он хотел говорить об этом. Тем более с Линдой. Но теперь молчать у него не было никакого права. И не только потому, что по неосторожности сказал об этом. Еще и потому, что Линда не побоялась рассказать ему о своем прошлом.

— Она умерла. Три с половиной года назад.

— Она болела?

— Нет. В том смысле, что это не была какая-то болезнь. Рак или что-то еще. В ее смерти есть и моя вина.

— Твоя вина?!

Линда отстранилась и пораженно посмотрела на Яна. А еще в ее глазах отразилось неверие. Словно она не могла поверить, что он может причинить кому-то вред. Это согрело ему душу. Может именно поэтому он нашел в себе силы рассказать все.

— Она умерла, пытаясь родить ребенка. Несколько неудачных попыток, произвольное прерывание беременности на разных сроках. А в последний раз... Все было уже позади. Ее перевели в палату, и я только что ушел, потому что она уснула. А мне надо было отъехать в

другую клинику на несколько часов. Они не смогли дозвониться мне, потому что мой телефон был отключен. У Мел открылось кровотечение и она... Когда я приехал к ней, ко мне вышел ее врач. Он сказал, что она умерла.

— Ян...

Линда обвила его шею руками и прижалась к Яну, пытаясь своими объятиями утешить его. Как ни странно, но это помогало. Ему действительно становилось лучше с каждой минутой, пока он в ответ обнимал Линду.

— Мне так жаль. Так сильно жаль, Ян. — повторяла она.

А когда отстранилась, то в глазах ее блестели слезы. Раньше, Яна раздражала жалость и сочувствие в глазах других людей. Но сейчас его бесконечно тронуло это выражение сострадания в глазах Линды. Он поймал пальцем побежавшую по ее щеке слезинку.

— Не надо. Это в прошлом.

Но он говорил не правду, и Линда понимала это. Но Ян не хотел, чтобы она грустила.

— Почему ты думаешь, что это твоя вина? Вы же вместе этого хотели?

— Да. Но я должен был остановить это, когда понял, что последующие попытки уже могут привести к непоправимым последствиям. Но не смог. Не мог сказать ей нет. Когда должен был быть твердым. Она была не в себе последнее время из-за всего этого. Как одержимая идеей иметь ребенка. Я должен был быть твердым и прекратить это. Но не мог. Я никогда не мог ей отказать... И... Знаешь, я ведь этого хотел не меньше, чем Мел. Я мечтал о ребенке. О рыжеволосой малышке, или о сыне, которого научу кататься на велосипеде. — Он покачал головой, горько усмехнувшись. — И сам бы заклеивал ему коленки пластырем. Я никогда не был из тех мужчин, что повернуты на карьере. Я любил жену и хотел, чтобы у нас была большая семья. И мы пытались. Снова и снова. А потом Мел не стало и не стало ничего. Я уехал, сбежал, точно так же как и ты. Только ты бежала от страха, а я от самого себя. Но как ты сама знаешь, от себя далеко не убежишь. Даже чертов виски не помогал. Хотя, на время притуплял мозг. Но не боль. И чем больше я пил, тем сложнее мне было уйти от этого. А под конец, мне стало казаться, что когда я напиваюсь, то боль и вина становятся сильнее. Но меня это уже мало заботило. Пока я не увидел, как ты вошла в ресторан. Я подумал, что ты...

Он оборвал себя на полуслове, едва не сказав то, что говорить, точно не стоило. Но это уже и не имело значения. Потому что Линда неожиданно отстранилась от него и, пряча взгляд, обхватила себя руками. Она не была обижена или расстроена. Грустная, все еще оставаясь под впечатлением от его исповеди, но в ней что-то неуловимо изменилось. Она словно вновь от него отгородилась, невидимой стеной, что беспокоила Яна последнее время.

Ян приподнял ее лицо за подбородок и заглянул в ее глаза. И снова увидел смирение. Но теперь еще и понимание.

— Линда.

Она поднялась и отступила к двери.

— Мне надо проверить как там дети. Ты... Ты приходи обедать. Когда будешь готов...

Она ушла, а Ян, недоумевая, смотрел на закрывшуюся за ней дверь.

Было приятно войти в уютный дом, и спрятаться от холодного ветра поздней осени. Да и она сама чувствовала себя куда увереннее и спокойнее, чем несколько месяцев назад. Даже воспоминание о том страхе, что еще недавно определял всю ее жизнь, теперь стало меркнуть. Линда по-прежнему немного сторонилась людей, но жители городка относились к этому с пониманием. Но Линде нравилось, что она знает уже многих и приветливо с ними здоровалась. Мужчины почтительно кивали, а женщины подходили и интересовались ее самочувствием, с пониманием посматривая на ее округлившийся живот.

До сих пор некоторые из них недоумевали по поводу их брака с Яном, но вопросами не докучали, и теперь она была не иначе, как миссис Ривз. Ей нравилось, как это звучит. Линда Ривз. Может, для некоторых это было просто имя и ничего больше. Но для нее это было символом защиты и надежности. Нежности и доброты. Когда Линда думала о Яне, а с каждым днем она это делала все больше, ее тело наполнялось сладкой истомой, которая грозила вырваться наружу и открыть всем, что она любила.

Это было так глупо. Она не имела права терять голову. У нее дети и она беременна. К тому же замужем. И было не очень умно влюбиться в человека, который все еще любил свою покойную жену. Но борьба с собой так ни к чему и не привела. Линда два месяца пыталась справиться с собой, но у нее ничего не получилось. И тогда она совершила самую большую глупость. Позволила себе любить. Даже понимая, что безответно. Даже понимая, что все может закончиться в одночасье. Никакие здравые доводы не помогли. И тогда Линда решила, что это будет ее сладкий сон. И если наступит время, когда эта мирная, наполненная радостными моментами жизнь закончится, у нее останется ее любовь к лучшему мужчине на земле. Ей было достаточно, что он рядом. Что он любит детей и с нежностью и заботой относится к ней. А еще он желал ее.

Линда не была невежественной глупышкой и могла понять, когда мужчина хочет женщину. И она видела эту страсть в глазах Яна и это ее несколько не пугало. Смущало и волновало, но не пугало. И все чаще она задавала себе вопрос. Если бы не ее беременность, и если бы Ян проявил инициативу, как бы она себя повела. Но в глубине души она знала ответ. Ведь она не могла не признать, как волнуют ее его поцелуи. Как любит она те моменты, когда Ян обнимает ее, и она может ощутить твердость его мышц, силу рук. Вдохнуть его неповторимый запах. И он всегда был так бесконечно нежен с ней.

А еще Линда впервые узнала, что такое счастливая беременность. Воспоминание о том, как она была беременна Сарой и Дорой, заставляло ее сжиматься от страха. Но в этот раз все было иначе. Ей не позволяли подолгу находиться на ногах, носить тяжести или волноваться. Ян следил, чтобы она хорошо питалась. Но самым дорогим для нее оказалось его ожидание. Ян Ривз ждал ребенка чужого мужчины как своего собственного. Сначала редко и нерешительно он стал прикасаться к ее все больше округляющемуся животу, а потом это стало таким привычным и необходимым. Он приходил домой, мыл руки, целовал Линду, а потом, обнимая ее со спины, обхватывал своими горячими ладонями ее живот. И полностью замирал, когда ребенок начинал шевелиться. И потом еще долго в глазах мужчины горел огонь волнительного ожидания и трепета.

Возможно из-за беременности, но она стала слишком эмоциональной. И часто тихонько плакала. Раньше она не знала радости плакать от счастья, теперь же испытывала это почти

ежедневно. Она старалась, чтобы никто этого не замечал, но прекрасно знала, что ни от Яна, ни от Саймона это не ускользнуло. Оба реагировали по-разному. Саймон хмурился, но молчал. А Ян с пониманием смотрел на нее, а потом пытался отвлечь ее чем-нибудь.

Дни пролетали так быстро, а Линде хотелось, чтобы каждый из них длился подольше.

Правда, не все было так безоблачно. Линду огорчало, что Саймон не желает вернуться в школу и категорически против того, чтобы оставить работу, не смотря на то, что Ян поддержал Линду в этом вопросе. А еще Курт. Линда не узнавала своего сына. Он теперь был более подвижен, улыбчив и его синие глаза светились детским счастьем. Но он по-прежнему не говорил. Линда понимала, что не вправе ждать большего, чем у нее есть уже сейчас. Но все же каждый день надеялась, что вот именно в этот день Курт произнесет хоть слово. Но этого так и не происходило.

Это огорчало, но Линда была уже счастлива тем, что дети больше не боялись, были счастливы и в безопасности. Уходя, она оставила их с Саймоном. Несмотря на трудности в общении с Саймоном ее радовало то, что с братом и сестрами он по-прежнему был внимателен. Даже, вернувшись с работы, он не отказывался поиграть с ними или вывести их вечером на прогулку. А сегодня он сам предложил остаться с ними, чтобы Линде не пришлось брать их с собой в клинику, так как Ян уехал в город на встречу.

Ее врач сказал, что все протекает хорошо, и угрозы выкидыша больше нет. И это был еще один повод для радости. Поэтому Линда с улыбкой вошла в дом и позвала Саймона, но вместо сына ей на встречу вышел Ян. Он был чем-то встревожен, но попытался скрыть это за улыбкой. Он подошел, помог Линде снять пальто.

— Почему ты не сказала, что тебе надо к врачу? Я бы отвез тебя. — мягко упрекнул он и, не дожидаясь ответа приобнял ее. — Ты ничего не сказала мне вчера, хотя знала, что я поеду в город.

Линда с наслаждением прижалась к сильному телу и вдохнула полюбившийся запах хвойного мыла.

— Но ты сказал, что тебе нужно кое с кем встретиться в городе. Не хотела задерживать тебя.

— Ты думаешь это важнее, чем ты?

От этих простых слов становилось тепло и спокойно. Линда улыбнулась. Линда знала, что если бы сказала о визите к врачу, то Ян отменил бы встречу и поехал с ней. И не просто подбросил до больницы, но и дождался окончания осмотра, чтобы отвезти домой. Но он и так только и делал, чтобы облегчить ее жизнь и жизнь детей и Линда не хотела лишний раз беспокоить его.

— Где дети? — спросила она, все еще не в силах отстраниться и продлевая объятия.

— Они с Саймоном собирают сухую траву, чтобы устроить Бродяге дом. Они подлатали старую, еще оставшуюся от прошлых хозяев конуру и решительно настроены устроить псу новоселье. — он покачал головой. — Я немного сочувствую Саймону, когда он натягивал ботинки у него было такое лицо... Он явно хотел остаться в тепле, чем тащиться в поле на таком ветру.

Линда беспокоило вскинула голову.

— Надеюсь, он хорошо одел малышей...

— Конечно. Не волнуйся, Саймон хорошо знает свое дело. — мужчина нежно провел ладонью по растрепанным ветром волосам, посылая теплую волну по ее телу. — Ты прекрасно его воспитала. А теперь, ответь, что сказал врач?

— Все в порядке. Прописал витамины и сказал, чтобы я воздержалась от активного образа жизни, но это и так мне не грозит. А в остальном все хорошо.

— Замечательно.

Ян положил свою большую ладонь ей на живот и с нежностью погладил. Наклонился и поцеловал Линду в губы. Они постояли так какое-то время, и Линда готова была остаться в его объятиях навсегда. Иногда в голову приходили глупые, по-детски наивные мысли о том, как же ужасно обидно, что она не встретила его раньше. Что в ее жизни появился Райан Хоксли, а не Ян Ривз. Но все случилось иначе. И этот мужчина был дарован другой женщине и вся его любовь. Запрещая себе думать об этом вновь, Линда осторожно высвободилась из рук Яна, и словно оправдываясь, на вопросительный взгляд мужчины, махнула рукой в сторону кухни.

— Надо что-то приготовить. Скоро придут дети... — и поняв, что это звучит неправдоподобно, замолчала и хотела трусливо сбежать.

Но Ян вдруг перехватил ее за руку и с сожалением посмотрел на нее. И Линда вспомнила, что он был чем-то расстроен, когда она вошла. Сердце тревожно забилося, но Линда заставила себя успокоиться. Если у Яна что-то случилось, то меньше всего ему нужен ее страх. Возможно, настал момент, когда именно ей предстоит поддержать его.

— Что-то случилось? — спросила она, на этот раз, сама подойдя к мужчине и заглядывая в его глаза.

— Надо поговорить. — кивнул он. — Но сначала, хочу чтобы ты знала, ты не должна бояться. Я не позволю ничему плохому случиться с вами. Ты же веришь мне? Скажи.

Линда, повторяя его же недавний жест тоже кивнула, не задумываясь. Она доверяла ему как никому на свете. Даже больше чем самой себе. Но его слова снова встревожили.

— Ян...

— Сегодня я останусь, Линда. — спокойно, но с непререкаемой решимостью сказал он. — Сегодня и завтра. И все последующие дни. Я останусь с вами, в этом доме.

Сердце Линды пропустило удар, и дальше забилося с удвоенной силой. Наверное, это должно было ее испугать. Но она была бы лгуньей, если бы не призналась хотя бы себе, что это заявление ее взволновало не из-за страха. Вовсе не из-за него ее губы вмиг пересохли, а на щеках загорелся румянец, обжигая чувствительную кожу. Она не смогла ответить, только смотрела на Яна, боясь, что сделает что-то не так и он передумает.

— Линда, — Ян осторожно притянул ее поближе, обхватил ее лицо ладонями. — Не хочу торопить тебя. Не хочу, чтобы ты боялась меня. Я мог бы ждать еще очень долго. Я все понимаю, и твои опасения, и что ты еще не готова. К тому же ты ждешь ребенка. Но... — он вдруг весь напрягся, и вовсе не предвкушение совместной жизни изменило черты его лица. А страх и беспокойство. А еще злость. Но не такая, которая могла бы ее напугать. Та, что светилась в глазах Яна, когда Линда рассказывала о муже. Вот и сейчас он с трудом казался, сдерживал гнев. А потом, помолчав, немного жестко сказал: — Ты не можешь оставаться одна с детьми. Я должен быть здесь, чтобы... Линда. Черт!

Он так резко отошел, что она произвольно качнулась в его сторону, растерянная и непонимающая. Ян смотрел на нее с сожалением, так смотрят взрослые на детей, когда хотят рассказать о том, что чудес не бывает.

— Линда, ты больше не можешь прятаться. Я хотел бы, чтобы у тебя... У меня было больше времени, чтобы ты больше доверяла мне и знала, я сделаю все, чтобы защитить тебя и детей, но... Иди сюда.

Он взял ее за руку и усадил на диван, сам опустился перед ней на корточки, сжимая ее руки. Смотрел своими горящими глазами так, словно... Словно любил ее. Линда задохнулась, замерла, страшась, и своих чувств и уже начиная пугаться, чувствуя, что случилось что-то страшное и ее жизнь, только сейчас казалось начавшаяся жизнь, может разлететься на куски.

— Ты... Дети... Для меня вы все, что я... Что важно теперь. Хочу, чтобы ты знала, ты... как мечта. Если бы только я мог избавить тебя от этого. Но ты должна сама пройти через это, чтобы начать сначала. И я надеюсь, что ты останешься со мной. Я мог бы быть здесь с тобой столько, сколько ты бы сама захотела. И я не стал бы просить тебя... Но так сложилось, что теперь ты не можешь больше просто прятаться.

— Ян... — беспомощно произнесла Линда, пока мало что понимая.

— Я сегодня встречался с Майком, моим братом. Ты прости меня, но я просил его кое-что узнать о тебе, вернее о твоём муже. Успокойся, Линда. Это не потому, что я не поверил тебе или что-то в этом роде. Я просто хотел знать, что тебе ничего не грозит и чтобы быть ко всему готовым. И оказалось, что не зря... Линда...

Почему-то страх подступил к горлу. Она уже точно знала, что что-то случилось, но не у Яна, а у нее. Что-то ужасное. Именно поэтому Ян так расстроен. Именно поэтому он решил остаться. Не потому что хотел этого, а потому что в этом возникла необходимость. Стало больно от осознания, но и страшно от того, что мог сообщить ей Ян. Она высвободила одну руку и в каком-то глупом жесте положила ее на грудь, пытаясь успокоить колотившееся сердце.

— Он нашел... Он знает, где... — слова застряли в горле, и было трудно вздохнуть.

— Нет! — Ян вновь взял ее руку. — Нет! Он не знает где ты и дети. Именно поэтому он... Он заявил на тебя в полицию Линда. Он заявил, что ты похитила его детей. Ты в розыске, Линда.

Она побледнела так, что ее веснушки казались коричневыми на абсолютно белом лице.

Разве этого он хотел для нее. На протяжении долгих дней он делала все возможное, чтобы заставить ее перестать вспоминать о прошлом и жить в том настоящем, в котором кто-то оберегает ее. Он только надеялся, что когда-нибудь она позволит стать ему еще ближе. Потому что его жизнь без нее больше не имела значения. Когда он осознал это? Он и сам не понимал. Раньше он думал, что она и дети это тот шанс, который он урвал от жизни. Что именно дети были теми, кто заставлял его желать лучшего не только для них, но и для себя. Линда. Да. Она волновала его. Она нуждалась в нем, она была той, кто позволил ему изменить свою жизнь. Но до определенного момента он не предполагал, что она стала так бесконечно дорога ему. Что он желает ее для себя. С детьми или нет. Замужнюю и беременную не его ребенком. Он хотел ее тело, с нежной полупрозрачной кожей в веснушках. С копной непослушных огненных волос. Располневшую, из-за беременности и ставшую немного неуклюжей.

Он хотел каждый ее день, с ее робкой радостью, ранимой доверчивостью, нежной любовью. Хотел быть тем, кто дарит ей радость и утешает в печали. Хотел защитить ее от всего на свете, от сурового осеннего ветра, от любопытных взглядов, от тревоги за детей. От

страха из-за мужа. Он желал быть той стеной, которая бы встала между ней и тем прошлым, что все еще не желало ее отпускать.

Но не сумел. Е прошлое было слишком настырным и жестоким, чтобы выпустить несчастную жертву из своих когтистых лап. Этот зверь догнал ее и готовится к прыжку. И единственное, что было утешение для Яна, что теперь Линда не одна. Он не сдастся без боя и не отдаст ее на растерзание. Он рядом и готов к бою. Вот только он не сможет избавить от битвы и ее. Он не хотел, чтобы Линде тоже пришлось сражаться, но теперь она должна. Должна встать рядом с ним и драться, как никогда в жизни. Но Ян знал, что она не готова...

Ее бледное лицо, дрожащие губы и темный, наполненный ужасом взгляд говорил об этом. Она тряслась, это не было похоже на дрожь, это был дикий страх. Тот, что он видел в ее глазах и глазах ее детей в первые дни.

Ян быстро пересел на диван, прижал Линду к себе.

— Не надо. Не надо так. Ты должна успокоиться и послушать меня. Я тут, и я не позволю ничему плохому случиться с тобой. Я помогу тебе. Мы сможем все исправить, Линда. Ты слышишь? Ты не одна.

— Они найдут меня. Найдут. — Сдавленно всхлипнула Линда и, вцепившись в его рубашку, помертвевшими губами просипела. — Они заберут у меня детей...

— Никогда. — Легонько встряхнул ее за плечи, чтобы не причинить вреда, но привести в чувство, потому что видел, Линда, словно отключается, погружаясь в свой кошмар. Когда ее взгляд немного сфокусировался на нем, Ян покачал головой, четко произнося каждое слово. — Слушай меня внимательно. Никто не доберется до них. Поняла? Слышишь? Никто не заберет их. Никогда. Никогда. Ты веришь мне? Я не позволю Хоксли добраться до них. Линда.

— Но как? — отчаянно спросила она, и слезы покатались из ее глаз. — Как? Я должна увезти их. Увезти. Только я не знаю, куда... Я не знаю... Где они? Где мои дети, пожалуйста! Где они?

— Тише, Линда. Успокойся. Мы должны поговорить до того как они придут. Ты же не хочешь напугать их, правда? Нет?

— Нет. Не хочу.

— Хорошо! Тогда слушай! Твой муж мелкая сошка. У нас же будут лучшие адвокаты. Они уже собирают всю информацию и материал. Они раздавят его Линда. Возможно, ты думаешь, что я не больше, чем простой алкоголик, не имеющий ничего кроме жалкой лачуги и уродливого пса. Но это не так. У меня достаточно денег и связей, чтобы защитить тебя и детей. Я не хотел, и не стал бы возвращаться к тому, что имел, если бы не острая необходимость. Но для тебя и детей... К тому же мне и не придется быть там. Всеми формальностями займется Майк и адвокаты. А я буду все время рядом с тобой. Но и ты должна будешь кое-что сделать. Ты должна заявить о себе. Рассказать о том, что с тобой и с детьми делал муж. Ведь он не только бил тебя, он неоднократно тебя изнасиловал. Майк пообщался с твоими соседями и все как один заявили, что первая его жена покончила с собой из-за его жестокого обращения. И они догадывались, что и ты стала жертвой домашнего насилия. Я уверен, что нам удастся убедить некоторых из них быть свидетелями и дать показания. Репутация у твоего мужа не из лучших. У него нет постоянно работы. Есть еще и Саймон. Он достаточно взрослый чтобы так же быть свидетелем, и я уверен, что его показания станут решающими. Мы сделаем так, чтобы тебе даже не пришлось видеться с мужем. Твое местонахождение не будет раскрыто. Все сделают адвокаты, но на суде ты

должна будешь присутствовать.

— Боже...

— Линда. Это единственный выход. Я не оставлю тебя. Этим делом будут заниматься такие люди, которые выигрывали и в не таких делах. А тебе нечего беспокоиться об исходе. Твой муж имеет две судимости и после неоднократно задерживался полицией за разбой. К тому же твое последнее заявление на него сыграет нам на руку. Все будет хорошо. Я могу тебя защитить, и я это сделаю! А потом ты получишь развод, Линда и сможешь уже никогда не бояться мужа. Ты родишь ребенка, и я дам вам столько сколько смогу. Я всегда буду рядом и стану заботиться о вас. Это последняя битва, Линда. И я буду тем, кто прикроет тебя, но это твоя битва.

Ее все еще трясло, но она хотя бы слушала. Вернее она казалось, как замороженная впитывала каждое его слово. И Ян снова и снова, не останавливаясь, убеждал ее, объяснял, порой повторяя одно и то же по несколько раз. Но он мог повторять снова, чтобы из ее глаз, наконец, исчез ужас, и на смену ему пришла надежда. Он понимал, что она будет бояться, и знал, что это время станет для нее очень тяжелым. Но он только хотел, чтобы она поверила, что все будет хорошо. Поверила ему. И у него получилось. Когда на заднем дворе слышались голоса детей, Линда немного пришла в себя. По ее лицу уже не бежали слезы, а руки перестали быть ледяными. Она как кукла кивала на его слова, и в ее глазах появился проблеск надежды. Она, возможно, не очень поверила в успех, но доверилась ему. Это ставило его на колени, но не делало слабым, а наоборот придавало ему сил для борьбы.

— Я не могу тебя заставить Линда. — тихо проговорил он, погладив ее по все еще влажной из-за недавних слез щеке. — И если ты только скажешь, я могу увезти и тебя и детей. Прямо сейчас мы соберем самое необходимое и уедем. Но как долго ты будешь убегать? Саймон должен закончить школу, малыши тоже скоро пойдут учиться. У них должен быть дом и у тебя тоже. Скоро родиться еще ребенок, и он с рождения будет в бегах. Это не то, чего ты хочешь для них, Линда. И не то, что я хочу для тебя. Но если ты скажешь, я согласен и на это, и я буду с тобой. Но еще мы можем сделать все как надо и больше не прятаться. Скажи мне. Скажи, что ты хочешь, Линда.

Она молчала, а потом наклонилась и спрятала лицо на его плече. Он обнял ее, стараясь передать ей собственную решимость.

— Мне страшно. Мне так страшно, Ян.

— Я знаю. Но я же тут. И я позабочусь о вас. Я обещаю. Я сделаю все, что только возможно. Доверься мне. Я буду с тобой.

— Обещаешь?

— Обещаю, Линда.

Она больше не сказала ни слова. Замерла в его руках до тех пор, пока на ступеньках крыльца не затопали дети. А потом выпрямилась и, вздохнув, поднялась с дивана. Ян встал следом. И вдруг она сама нашла его руку. Это был ее ответ. И он сказал ему больше, чем она могла бы сделать это словами. Когда он посмотрел в лицо этой маленькой и хрупкой, но такой храброй женщины он понял, что это не он дан ей для защиты. Это она дана ему, чтобы вывести его на свет.

Встреча с Майком прошла напряженно и вовсе не так, как предполагал Ян. Не смотря на то, что Линда доверилась ему в этом деле, все это давалось ей крайне тяжело.

Она была напугана, и никак не могла успокоиться, как бы Ян не пытался поддержать ее. Казалось, что проявление заботы с его стороны лишь усугубляет положение. Встреча с самого начала пошла наперекосяк. Ян забыл, какое первое впечатление произвела на него Линда, вернее, с чем это было связано. Теперь она не была напоминанием о его жене, и даже их внешнее сходство было для Яна таким незначительным, что он не подумал предупредить об этом брата.

И Майк, при первом взгляде на застывшую немного позади Яна Линду, удивленно приподнял бровь и вместо банального приветствия, поперхнулся. Удивленно посмотрел на Яна, а потом понимающе кивнул, от чего Яну сделалось не по себе. Он знал, к каким выводам пришел брат. Что Ян нашел визуальную замену своей умершей жене и поэтому так печется о Линде. Ему было неприятно, что брат думает так, но объяснить что-то в данный момент не мог. От внимания Майка не укрылся и округлившийся живот Линды и сочувствующий взгляд брата снова полоснул по нервам Яна.

Линда же взволнованно стояла позади Яна и смотрела на Майка как загнанный в ловушку зверек. Она выглядела так, словно готова была вот-вот сбежать. Ян быстро представил их друг другу. Майк был в своем репертуаре, одет с иголки во все самое лучшее. Идеально уложенные волосы. Ухоженные руки и начищенные туфли. На первый взгляд Майк Ривз создавал впечатление красавца-обаяшки и располагал к себе людей искренней белозубой улыбкой. Но Ян знал, каким уверенным и безапелляционным он может быть в зале суда. Если уж кому-то Ян и мог доверить дело Линды так это брату и проверенным людям, которые работали в их фирме.

Вот и сейчас Майк включил свое обаяние на полную мощность. И вначале беседы он был мягок и деликатен. Ян видел, что Майк всеми силами пытается добиться расположения и доверия Линды. Но Ян знал, как трудно это давалось Линде, и не мог ее винить. К тому же времени на завоевание расположения не было и очень скоро с общих вопросов им пришлось перейти к более конкретным. Майк задавал вопросы Линде и она, дрожа всем телом, пыталась отвечать. Вот только ее испуганный взгляд, который она время от времени бросала на входную дверь, заставлял Яна внутренне сжиматься. Особенно в те моменты, когда произносилось имя подонка Хоксли. Она словно боялась, что он вот-вот войдет в комнату и набросится на нее. Она чувствовала себя незащищенной в собственном доме, даже рядом с ним, готовым ее защищать. А когда Ян пытался приободрить ее, сжимая ее руку или приобнимая за плечи, она смотрела на него с упреком в глазах.

Нет, она делала это не специально. Ян понимал это. Он обещал ей безопасность и что никто никогда не узнает где она. А теперь она вынуждена раскрывать омерзительные подробности своей жизни перед двумя мужчинами. И она понимала, что это не просто в общих чертах описать прошлое. Майк знал, какие вопросы нужно задавать, на что обратить внимание. И эти подробности вспарывали сознание почти с физической болью. Ян не мог даже предположить, как же приходится Линде, если даже для него это так трудно. Недавно она рассказала ему то же самое, но в общих чертах, ограничиваясь лишь упоминаниями о побоях и насилии как о причинах своих поступков. Но сейчас ей приходилось вдаваться в

омерзительные подробности, вспоминая детали.

Но им нужно было как можно больше подробностей, чтобы судья выписал Хоксли запрет, который не позволит ему и близко подойти к Линде и детям. Они должны были убедить судью в том, что подонок несомненно, представляет угрозу для них. Когда Майк закончил, на Линду было больно смотреть. Она сидела с побелевшим лицом, глазами наполненными ужасом воспоминаний и сжимала перед собой дрожащие руки. И все же, когда его брат поднялся, чтобы попрощаться, Линда дала Яну еще один повод гордиться ей. Она предложила Майку пообедать с ними. Но тот видел, чего ей это стоило и, найдя подходящий предлог, отказался, но обещал принять приглашение в другой раз. Например, завтра, после разговора с Саймоном.

Когда Ян вышел с братом на крыльцо, чтобы проводить до машины, он желал лишь поскорее вернуться в дом. Но Майк не собирался его так скоро отпускать. Он повернулся к нему с задумчивым выражением лица.

— Я не знаю, что сказать.

— Тогда быть может лучше ничего и не говорить. — раздраженно посоветовал Ян. -

— Может и так. Но я все же... Слушай, мне не так уж и важно из-за чего, или из-за кого ты пришел в себя. Как бы там ни было, ты изменился. Вернулся к работе, и не пропадаешь. И я так понимаю, больше не пьешь. Но... Все это может плохо кончиться.

— О чем ты?

Брат с сожалением посмотрел на него.

— Она не Мел, Ян. И рано или поздно ты это поймешь.

Ян усмехнулся. Рано или поздно? Ладно. Он понимал, что брат решил, будто он нашел замену жене и пребывает в полубреду. Да и лицо у Майка было такое, словно он предпочел бы, чтобы Ян снова пил, чем пребывал в этом безумии.

— Я не спятил, Майк. Я прекрасно знаю, кто такая Линда. И что она не моя жена. Она даже на нее не похожа. Цвет волос и только. Ты это поймешь, когда узнаешь ее поближе.

— Мне это и так очевидно, брат. Я просто хотел удостовериться, что и тебе тоже. И еще... ребенок...

— Ты знаешь, что он не может быть моим. Но будь я проклят, если Хоксли хоть пальцем до него дотронется. Для всех, и для меня в том числе — этот ребенок мой. Этот подонок не должен знать о нем.

Одна мысль о том, что кто-то может навредить еще не рожденному ребенку, привела Яна в бешенство. Он понимал, что нужно быть спокойным и собранным. Но он все время представлял, что стало бы с Линдой, если бы он не встретил ее. Ее бы арестовали? Бросили в тюрьму и забрали детей? Или бы ей удалось снова сбежать, и скитаться вместе с детьми.

— Ладно. Ты же знаешь, я сделаю все возможное. Да это и не будет сложно. С тем, что у нас есть и с показаниями старшего сына Хоксли у нас все козыри на руках. Для нас это мелкая сошка, мы давили рыбку и покрупнее.

— Я рассчитываю на это.

Ян проводил взглядом автомобиль брата и вернулся в дом. Он застал Линду за столом, она сидела перед стопкой разномастных тарелок, видимо собираясь накрывать обед. Ян подошел к ней и погладил по плечу. Она затравлено посмотрела на него, а потом отвернулась.

— Линда... Ты в порядке?

— Да. — тихо ответила она, по-прежнему не глядя на него. — Сейчас я накрою на стол.

Скоро вернуться дети...

Она хотела встать, но Ян легко надавил на ее плечо, и сам, выдвинув стул сел рядом с ней.

— Саймон с детьми у Полли, Линда. Сколько шансов на то, что она отпустит их, предварительно не накормив обедом? Что с тобой? Посмотри на меня.

Но она не поднимала глаз. Обнимала руками живот и смотрела куда угодно, только не на Яна.

— Вы с братом очень похожи.

— Ну, считается, что он симпатичней, да и характер у него получше. — пытаюсь разрядить обстановку сказал Ян, пока еще не понимая, что тревожит Линду.

— И он работает в юридической фирме?

— Он руководит ей, да. Это семейное дело. Фирму основал наш отец и уже тогда заработал хорошую репутацию. А со временем мы стали считаться одной из лучших. Так что тебе не о чем беспокоится. Ты попала в хорошие руки. Мы сумеет отстоять тебя, Линда.

Но она, казалось, его не понимает, потому что расстроилась еще сильнее.

— Ты тоже... Ты... работал там?

— Я старший сын, поэтому да. Сначала во главе стоял я. Но думаю, Майк всегда больше подходил на эту роль.

— Значит, ты богат?

Ян напрягся, сам не понимая почему. Возможно от того, что не мог разгадать мысли Линды и ее вопросы. Он знал, что эта встреча тяжело ей далась. Но он думал, что это от того, что ей пришлось вспоминать те мерзости, что с ней творил муж. Но причем тут его богатство он не понимал.

— В какой-то степени, да. Скорее, хорошо обеспечен. Больше не руковожу фирмой, но получаю часть доходов. Был период, довольно долгий, когда я совсем не касался их. Потому что совсем отошел от дел. Но в последнее время, ты знаешь, я помогаю Майку, хоть и не напрямую. Но сейчас время компьютерных технологий и я могу делать это удаленно. Так что вполне могу хорошо обеспечить тебя и детей. Ты не должна волноваться. Я дам вам столько сколько смогу. А если потребуется больше, то найду способ и достану больше. Линда... посмотри на меня. Я не понимаю...

И она посмотрела. Он давно замечал в ее взгляде какое-то смирение. А сейчас оно было таким явным, что Ян замолчал.

— А твоя жена? Она тоже была... богата?

Упоминание о Мел болью отозвалось в груди. Ему хотелось бы избежать разговоров о ней, но он не смел. Линда открылась ему так, как только возможно. Она доверила ему все свои страхи и свою жизнь. Жизнь своих детей.

— Ее родители владеют несколькими ресторанами. И одноименными кофейнями. Так что, можно сказать, что они богаты. Но какое это имеет значение...

— Я никогда не смогу быть такой... — обреченно проговорила она. — Никогда...

— Какой? О чем ты?

— Я никогда лично не встречала таких людей. Как твой брат и... ты. Но я видела по телевизору. Успешные мужчины, дорогие машины и... красивые женщины. А однажды, когда я работала в баре, это был обычный бар, и народ там собирался самый обычный, но однажды туда приехала женщина. О, как она была красива. И вот казалось бы, ничего особенного, просто черное пальто, сумочка через плечо. Но было сразу понятно, что она

совсем другая. И пальто ее было... другое. Дорогое. А она его так небрежно носила, а казалось, что на ней соболиные меха. И волосы у нее были вроде в беспорядке, но нельзя было перепутать эту намеренную небрежность с простой растрепанностью. С ней были два охранника. Чем-то расстроенная она села за столик и заказала выпить. Она ушла очень быстро, а я... Я ее почему-то запомнила. Потому что она была из другого мира, другой жизни. Даже расстроенная она казалась мне полной гордости и чувства собственного достоинства. А я... Я никогда не была такой. Я делала такие ужасные, постыдные вещи, только чтобы выжить. Но дело даже не в этом... Теперь, когда я знаю, что ты... Ты другой. А я никогда не смогу дотянуться, и сколько не буду пытаться не смогу стать такой как она. Твоя жена тоже была красивой и... богатой. И она была достойна тебя. У меня нет никаких шансов, не смотря даже на то, что я на нее похожа.

Ян почувствовал, что кровь отхлынула от его лица. В первое мгновение он подумал, что, наверное, ошибся. А потом мысли понеслись с бешеной скоростью. Ему стало дурно от смысла, который Линда вкладывала в свои слова. И от того, что это могло означать для него. А потом возник вопрос: откуда она могла знать? Или он не правильно ее понял... Может она слышала их разговор с Майком? Но это было невозможно. Даже если бы Линда вышла на крыльцо, ей вряд ли удалось бы услышать хоть слово. А Линда сидела потерянная и расстроенная. И казалась усталой. Ему захотелось прекратить разговор и просто обнять ее. И быть может отнести на руках в спальню. Но глядя на нее он понимал, что это вряд ли чем-то поможет.

— Линда, почему ты решила, что похожа на нее? — осторожно спросил он.

А она испугалась. словно очнувшись, она вскинула голову и посмотрела на него. И это был не просто страх, привычный, из прошлого. Линда боялась именно его. Это скрутило его внутренности в тугий узел.

— Я хотела, чтобы ты остался. Чтобы не уходил ночевать к себе. Мне хотелось показать тебе, как ты нам... Как ты мне важен. — грустно сказала Линда.

А сердце Яна ухнула куда-то, пропустив удар.

— Ты хотела, чтобы я остался? Но почему не сказала. Не дала понять. Одно твое слово и я перенес бы все свои жалкие пожитки.

— Я... стеснялась. Не решалась сказать... И, когда тебя не было, я взяла Дору и Сару и отправилась к тебе домой. Я подумала, что если, вернувшись, ты увидишь свои вещи у нас, то поймешь... догадаешься... И останешься. — она сильно занервничала, ее спина и плечи напряглись. — Я не хотела ничего плохого. И я не... Теперь я понимаю, как это было глупо. Я не должна была идти туда. Это твой дом, а я пришла и... Я просто взяла бритвенные принадлежности и хотела, чтобы у тебя на утро была чистая футболка. Просто хотела найти футболку... Я не хотела... Я правда... прости меня.

Она смотрела на него испуганно и виновато. А он прекрасно все понял. Это и испугало и в то же время принесло облегчение. Наконец-то он знал, почему Линда была все время чуточку отстраненной. Почему вместо того, чтобы становиться ближе она словно держала дистанцию.

— Ты видела фотографию. — озвучил он то, что она пыталась ему сказать.

Он мог, как наяву увидеть этот снимок. Счастливую молодую женщину на нем, с копной рыжих растрепанных волос. Тогда был сильный ветер, и тщательная укладка жены не выдержала и позволила превратить аккуратные локоны в непослушные завитки. Мел редко позволяла себе появляться в таком виде, но Яну отчего-то она нравилась именно такой. Ее

щеки покраснелись, а глаза искрились от радости. Это была их годовщина, которую они отмечали на свежем воздухе с друзьями и родственниками. К своему стыду Ян даже не мог вспомнить, сколько лет супружества тогда они праздновали. Но это было и не важно, важно то, что они были счастливы в тот время. Наверное, это были последние дни, когда они были по-настоящему счастливыми. Может быть, поэтому из всех остальных фото, а их было много, он взял с собой именно эту. Только одну. Линда, скорее всего думала, что он часто смотрел на это фото и вспоминал жену. Но это было не так. Он редко вынимал ее из шкафа. И только тогда, когда боль и тоска становились особенно сильными.

Но в последнее время он делал это чаще. И причина была не в тоске. А в чувстве вины. За то, что стал забывать. Забывать ее смех и улыбку. Что вместо ее голоса все чаще в его голове голос Линды. И именно ее глаза ему сняться, а не глаза жены. Что желание, которое порой становится бритвенно острым, зажигается для другой. Что воспоминания больше не причиняют непереносимой боли, и сожаление больше не душит. Он помнил, все еще помнил. Но по другую сторону была Линда и дети, и это стало более важным, необходимым. Теперь они наполняли его жизнь.

Ян всматривался в лицо женщины, которая перевернула его жизнь, и не мог насмотреться. Сейчас, он может и хотел бы найти хоть какое-то сходство, но уже не мог. Линда была особенная. Красивая, храбрая, нежная, заботливая. Испуганная...

— Все, что есть похожего в вас — это цвет волос. — тихо сказал он, протянув руку и погладив Линду по щеке. — Да и то, мне так казалось вначале. Теперь я знаю, что твои волосы больше золотые. Они... солнечные. Когда я увидел тебя впервые, Линда, я был с жуткого похмелья и уже успел сделать пару глотков виски. Я чертовски плохо соображал. А потом вошла ты, и я не видел твоего лица, солнце было позади тебя... Ты вошла, с этой копной волос, такая хрупкая, и стала воплощением моих молитв. Я подумал, что брежу... Или сошел с ума.

Но вечером, возвращаясь в стельку пьяным, я увидел тебя опять. И... захотел. Уже тогда. Ты была близко и я знал, что ты не Мел. Я знал и все равно я хотел тебя поцеловать. И я нашел себе оправдание. Вот и все. А потом... К черту, я решил держаться от тебя подальше. И не смог. Навязался с этим ремонтом и уже не дал тебе шанса.

Я знаю, что ты думаешь. Теперь понимаю. Но хочу, чтобы ты знала, это не правда. Я не вижу Мел в тебе. Ты совсем другая. Ты тут упоминала о стыде. Линда, ты хоть понимаешь, какая ты отважная. Ты защищала своих детей. Посмотри, что ты делаешь сейчас, ты снова готова сражаться. А я ведь предложил тебе альтернативу. Ты могла бы уехать. Но ты здесь, хоть для тебя это не просто, чтобы победить и дать детям будущее. Тебе нечего стыдиться, я не вижу ни одного повода. Когда я смотрю на тебя, то испытываю гордость.

Ты просишь прощения, что пошла в мой дом без разрешения. Напрасно, Линда. Ты не представляешь, каким счастливым это меня делает. Я забыл, как это бывает. Я забыл об этом еще задолго до смерти жены. Ты и дети делаете меня счастливым теперь.

Ян встал и за плечи поднял Линду. Потянул ее за руку и обнял. Если бы не ее живот он сжал бы ее так сильно, что она не смогла бы дышать. А сейчас он мог лишь приобнять ее одной рукой, а второй обхватить затылок, чтобы она больше не прятала глаз. Она плакала. Но больше не боялась. И надежда, что светилась в ее глазах, наполняла Яна теплотой и решимостью. Эмоции захлестнули его, когда он понял, что может получить. Что Линда готова ему отдать.

— Я любил свою жену, Линда. И если бы она была жива, любил бы ее и дальше. Но ее

не стало и я годы без нее были страшными. Пустыми. Пока не появилась ты. Не потому что похожа на нее. А потому что ты такая невообразимо красивая и смелая. Потому что я могу обнимать тебя, потому что ты позволяешь мне быть рядом. Потому что ты подарила мне возможность получить любовь таких особенных детей. Потому что даешь надежду. Надежду, что и ты полюбишь меня. Ведь я тебя уже люблю.

И в тот момент, когда он сказал это, Ян понял, что это правда. Каждое слово. Это было так больно и так сладко одновременно. Он и не знал, что можно чувствовать себя так плохо и так хорошо одновременно. Его раздирало на части прошлое, вырывая куски в попытке задержать его. Но женщина в его объятиях звала на солнечный свет, и он шел, потому что по-другому уже не мог.

Линда знала, что должна спуститься вниз, к детям и Яну. Но продолжала сидеть в комнате наверху и прислушиваться к звукам и голосам, доносившимся из гостиной. Час назад, Ян сообщил, что Линда получила развод. Завтра утром должен был приехать Майк Ривз с документами, подтверждающими, что Линда теперь свободна.

Она провела ладонью по своему огромному животу и глубоко вдохнула, словно впитывая новое ощущение. Линде было немного стыдно, как она повела себя в тот момент, когда Ян сообщил ей эту новость. Но она не хотела, чтобы дети видели ее слезы. Девочкам и Курту было бы трудно объяснить, что это от счастья. Вот она и сбежала в свою спальню, не сумев справиться с эмоциями.

Это были самые долгие месяцы в ее жизни. Ожидание выматывало ее, подпитываясь страхом неудачи, хоть Ян с его братом уверяли ее в успехе постоянно. И вот на последнем месяце беременности Линда убедилась, что чудеса бывают. Хотя она ошибалась. Чудо случилось гораздо раньше. В тот день, когда она вошла в ресторан Полли Дойл, и там ее увидел Ян Ривз. Именно тогда она получила лучшего мужчину на всей земле.

Линда поднялась и вышла из комнаты, но не спешила спускаться. Она замерла на верхней ступеньке, пытаясь справиться с бурлящими пузырьками радости от увиденного.

Ян, в неизменных джинсах и рубашке поверх футболки, держал на плечах Курта, который сиял от счастья, пытался достать с люстры застрявший бумажный самолетик. Сара и Дора, путаясь под ногами и перебивая друг друга, старались объяснить Курту как лучше это сделать. Саймон, понимая, что из-за цеплявшихся за джинсы мужчины девочек, Ян не может сделать и шагу, подхватил визжащих сестер и, держа их подмышками, потащил к дивану. Они хохотали, и вывертывались, тогда Саймон бросив их на диванные подушки принялся щекотать неугомонных девочек. Курту же удалось достать свой самолетик, но мальчик не спешил спускаться на пол. Он вытянул руку и его самолет парил под потолком, пока Ян крепко держал мальчика за ноги.

Когда Саймон потерял бдительность, Сара и Дора снова подбежали к Яну и потребовали, чтобы и их покатали на плечах. Они скакали вокруг Яна, требуя к себе внимания, которое всегда получали сполна.

— Извини, сынок. — сказал Ян, спуская Курта на пол и потрепав его по черноволосой макушке. — Желание женщины для нас мужчин закон, так ведь герой?

Курт, ее маленький Курт, гордо расправил плечи и кивнул. А потом, ни сколько не обижаясь, вложил в руку Доре свой драгоценный самолетик. И терпеливо стоял рядом с Сарой, пока Ян катал Дору, и следил, чтобы сестра не путалась под ногами. Саймон сидел на диване и изображал диспетчера, указывающего курс, переговариваясь с Яном.

Больше не в силах оставаться в стороне, Линда медленно спустилась. Ян не сразу заметил ее, потому что в этот момент, место доры на его мужественных плечах занимала Сара. Она, более робкая, чем сестра, инстинктивно вцепилась пальчиками в волосы Яна. Мужчина же, не проявив ни капли раздражения терпеливо высвободил свои волосы из захвата Сары, чуть поморщившись и выпрямился. В этот момент он заметил Линду и его глаза зажглись теплым светом. Тем особенным теплом, которое находило отклик в ее собственном теле. Он, с ее дочерью на плечах подошел к ней и на минуту застыл. Потом улыбнулся в ответ на ее робкую улыбку и чуть наклонившись, подарил ей быстрый поцелуй.

Сара взвизгнула и засмеялась. А Ян, засмеявшись в ответ, закурил девочку.

Разве это все не стоило того, чтобы пройти через изнурительные месяцы судебного процесса. Через неприятные вопросы адвокатов, томительных дней ожидания судебного запрета для мужа. А потом долгого процесса развода. И каждый день с ней рядом был Ян. Он не уставал повторять ей снова и снова, что все получится. Что нет ничего такого, чтобы они не смогли преодолеть. Иногда Линда не могла найти в себе силы, чтобы хоть попытаться быть сильной и тогда Ян делал все, чтобы младшие дети не ощущали тревоги. Только Саймона не удавалось провести. Может потому что и ему пришлось участвовать во всем этом. Порой он был внимателен к Линде и детям. Дружелюбен и открыт. Но иногда не желал ни с кем разговаривать и тогда, возвращаясь с работы, закрывался в своей комнате. Не Линде с Яном, ни даже Курту не удавалось до него достучаться. Линда видела, что Саймон злиться на нее. И ее сердце обливалось кровью от справедливости его чувств.

Она не смогла уберечь его от Райана. А теперь заставляла еще проходить и через этот судебный процесс. Разговор о возвращении в школу в который раз вызвал лишь раздражение и агрессию. Но Линда решила немного подождать, пока все не уляжется.

Сейчас Саймон был в хорошем настроении и улыбался, глядя на резвящихся малышек. Его так преображала улыбка. Он был красивым мальчиком, с темными, почти черными волосами и синими глазами. Высокий, худощавый, он обещал вырасти настоящим красавцем. Но часто хмурое выражение делало его лицо не по-детски суровым. Но улыбка возвращала ему мальчишеское озорство и миловидность. Линда так хотела, чтобы Саймон чаще улыбался.

Она присела рядом с сыном на диван. Саймон посмотрел на нее, и в его глазах она уловила промелькнувшую печаль, но он быстро спрятал ее.

— Бедняга. — сказал он и кивнул на Яна.

Тот уже изображал дракона или кого-то вроде этого. Получалось неважно, но девочек и Курта это мало волновало и они всеми силами старались победить его.

— У него нет шансов. — согласилась Линда, когда Курт запрыгнул мужчине на спину.

Они снова замолчали. Почему-то ей было неловко. Она ненавидела Райана. Но Саймон и Курт, ее любимые мальчики были и его детьми тоже.

— Ты осуждаешь меня? — спросила она.

— Нет. — сердито бросил Саймон и попытался встать.

Линда взяла его за руку, молча призывая остаться. Он опустил обратно на диван.

— Саймон...

— Я должен был сделать это сам.

— Что?

— Защитить тебя. — его глаза сверкнули беспомощностью, которая полоснула по Линде словно лезвие. — А я только прятался!

— Нет! — тихо, но твердо возразила Линда. — Ты не прятался! Ты был с сестрами и братом! Ты был нужен им.

— Я был нужен тебе. Ты осталась из-за нас. Я должен...

— И осталась бы снова. Ты ни в чем не виноват, Саймон. И я не виновата. Твой... отец, он...

— Ублюдох! — холодно сказал Саймон, отнимая свою руку. — И когда-нибудь я его убью.

Однажды Саймон уже говорил это. И в очередной раз от того с какой уверенностью

подросток произносил эти слова и от того, каким холодом наполнялись его глаза Линда замирала от страха.

— Не говори так, Саймон. Все кончено теперь. Мы начали новую жизнь. Ты...

— Я его ненавижу!

Линде не удалось остановить Саймона на этот раз, когда он резко поднялся и ушел на улицу, хлопнул дверью. Линда какое-то время смотрела ему вслед, а потом закрыла глаза. Саймон. Он стал таким далеким. Он сказал, что ненавидит отца и у него были на то все основания. Но в данную минуту ей казалось, что он ненавидит и ее тоже.

Она почувствовала, как рядом с ней сел Ян. Его запах окутал ее и позволил вдохнуть свободнее.

Он смотрел на нее своими серо-зелеными глазами, все понимая и ни о чем не спрашивая.

— Я боюсь за него. — призналась ему Линда.

— Он переживает. И сейчас ему непросто. Хоксли его отец. Хотя и тот еще мерзавец. А Саймон успокоится. Я поговорю с ним.

— Он сердится и на меня.

— Он любит тебя. Даже может чуть больше, чем полагается любить мачеху. И не знает, как с этим быть. И естественно ему проще обращать свое смятение в агрессию. В четырнадцать я был влюблен в нашу повариху. Ей было тридцать два. И к негодованию родителей бранил ее стряпню. Чтобы она не приготовила, я делал вид, что это не бог весть что. Морщился, плевался. А иногда ел с таким видом, будто у меня просто нет выбора. Не переживай. Саймон умный и добрый паренек. Он сумеет справиться с этим. А я попробую ему помочь. Надо просто немного времени.

Линда прижалась к Яну, а он обнял ее в ответ. Его объятия были самым любимым и безопасным местом для нее. Мужчина поцеловал ее в макушку.

Какое-то время они сидели так, наблюдая, как Курт учит Сару и Дору делать самолетик из бумаги. У шустрой Доры получилось быстрее и она принесла фломастеры, чтобы раскрасить свою поделку. А вот Сара, высунув кончик языка, все еще пыталась собрать свой, под чутким руководством брата.

— У нас получилось. — тихо сказала она и почувствовала как Ян крепче сжал руку, которой обнимал ее.

Другую он положил на ее живот и погладил. Это движение было уже привычным и очень приятным.

— Да. Получилось. Ты в порядке?

— Да. Просто немного не верится. Это так много, что я даже не знаю, что с этим делать.

— Зато я знаю. Пошли.

Ян встал и потянул ее за собой. Она неуклюже поднялась, и последовала за ним.

— Куда мы?

— Наверх. Я хочу ее получить.

— Что получить? — засмеялась Линда.

— Благодарность. Ты улизнула раньше и я не получил ее. А я хорошо потрудился.

— Но дети...

— Мы ненадолго.

Ян за руку привел Линду в комнату наверху и, не медля ни секунды, обхватил ее лицо

ладонями и поцеловал. И оказывается, это было именно то, что ей было нужно. Линда вздохнула, положила ладони на грудь мужчины и приняла его поцелуй. А когда Ян одной рукой приобнял ее за плечи, то сама ответила на его поцелуй. Живот не позволял прижаться к нему сильнее, а Линда хотела этого как никогда. Почувствовать его силу и жар. Она застонала, отчасти от огорчения, но больше от удовольствия. Они услышали, как хлопнула входная дверь, потом голос Саймона. И поняв, что дети больше не одни, Ян разорвал поцелуй и, протянув руку, закрыл дверь в комнату. Наклонился и ловко, как будто без усилий поднял Линду на руки. Подошел к кровати и опустил ее на постель. Сам лег рядом и, наконец, крепко прижал Линду к себе. Она вдохнула его неповторимый запах. Хвойного мыла, крема после бритья и мужчины. Это было не передаваемым ощущением лежать рядом с ним, чувствовать себя любимой и защищенной.

— Я тебя люблю.

Это вырвалось случайно. На выдохе. Как во сне. То, что было внутри, что наполняло ее надеждой на протяжении этих долгих дней. Что росло и множилось с каждым вздохом, и не могло больше оставаться несказанным. В тот момент, когда она произнесла эти слова, поняла, что всего трех слов достаточно, чтобы выразить, как много человек может значить. Ян казалось перестал дышать, а потом своими губами нашел ее губы и целовал так долго, что голова начала кружиться.

Она не знала, сколько это могло продолжаться, может быть целую сладкую вечность, но ребенок выбрал именно этот момент, чтобы толкнуться. Они оба вздрогнули, отстранились. Ян погладил живот, потом снова прижал Линду к себе.

— Как же я люблю тебя! — сказал он.

— Что же теперь будет?

Линда часто спрашивала себя об этом в последнее время. Когда она приехала в этот городок она хотела только одного — найти безопасное место для нее и детей. Подальше от Райана. Потом она хотела сохранить ребенка и чтобы ее дети научились снова радоваться. Недавно ее целью стал развод. И вот когда самое трудное было позади, Линда словно утратила силы и растерялась. Она не понимала, как теперь быть. Она была в смятении. Предстояло сделать еще так много. Но если честно, Линда не знала с чего начать.

— Теперь я женюсь на тебе.

Линда подскочила на месте, не веря в то, что услышала.

— Не смотри так на меня. — успокаивающе погладил ее по щеке Ян. — У тебя есть время подумать. Целая неделя. Пока я все подготовлю. Я мог бы подождать и больше. Сколько угодно. Но хочу, чтобы когда ребенок родиться, ты уже была моей женой.

— Ты хочешь этого из-за ребенка?

— Да. Я женюсь на тебе, потому что ты вот-вот родишь. Я женюсь на тебе, потому что у нас уже есть четверо. А еще я женюсь, потому что хочу заботиться о тебе. Но самое главное... Нет, посмотри на меня. Посмотри. Я хочу жениться на тебе, потому что люблю тебя.

— Правда?

— Не сомневайся. Понимаю, это не самое лучшее предложение. Все должно быть гораздо лучше. И я могу отвести тебя в ресторан, заказать ужин, встать на колени... Но ты сегодня стала свободной. И лежишь со мной, такая огромная с этим животом и очень красивая. А еще я чуть не умер, когда ты, наконец, сказала, что любишь меня. И я не смог удержаться. Не думал, что это случится. Я знаю, что ты встретила меня не в самое мое

лучшее время. Я пил, и бывало, неделями не просыхал. Все, что я хотел, это... Да и так все понятно. Но ты и дети все изменили. И я хочу, чтобы мы были вместе. Ты нужна мне, Линда. Не бойся. Пожалуйста. Я никогда не обижу вас. Обещаю. Выходи за меня.

Ее немного трясло от переполнявших чувств. Каждое слово наполняло ее нежностью и любовью. Она не боялась. Линда верила Яну. Даже больше, чем себе. Кто мог подумать, что среди того ужаса в котором она жила последние годы, в дни самого большого отчаяния она встретит того, кого по-настоящему полюбит. Так имеет ли значения то, как Ян сделал ей предложение. Линде казалось сейчас, что ничего более романтического не может быть.

— Я согласна. — пряча лицо на его груди, ответила она.

Они спустились к детям через десять минут, когда Линда перестала плакать от счастья. А Ян поцелуями стер все слезы с ее щек. Саймон встретил их угрюмым взглядом. А потом принес Линде чай и подложил подушку под поясницу, пока Ян заваривал детям какао. И словно извиняясь, сидел рядом с ней и виновато посматривал на нее. Линда нашла руку сына и сжала ладонь, и почувствовала, как Саймон ответил на пожатие.

Линда смотрела на свою семью, на мужчину, которого любила и никогда еще не была счастливее, чем в этот день.

Дети, сидевшие в машине, уже начинали терять терпение. Кто бы мог подумать, что они станут такими непоседами. Ян не уставал радоваться тому, как они все больше и больше становились подвижными и жизнерадостными детьми, а не запуганными зверьками. Даже Саймон за последние две недели, казалось, успокоился. Линда все еще не теряла надежды уговорить его вернуться в школу. Правда в этом году уже не получится, начало учебного года уже прошло. Но может на следующий. И оставался еще Курт. Ян знал, что молчание мальчика было непрекращающейся болью Линды. Он и сам переживал за ребенка. Этот смелый паренек стал ему так дорог. Его большие, невероятно синие глаза смотрели словно в душу. Этот ребенок молчал, но казалось, видел и понимал гораздо больше, чем можно ожидать от шестилетнего. В свои шесть он уже умел заботиться о сестрах и присматривать за ними. Любил играть в самолеты и если рисовал, то только их. Иногда Ян видел, как Курт, сидя на крыльце, смотрел в небо и выглядел таким взрослым. Он мог быть таким грустным, что у Яна сжималось сердце. Но, к счастью, Курт стал больше смеяться и резвиться, чем радовал Линду и Саймона.

А сегодня был особенный день. Впервые за несколько лет Ян собирался повидать родителей. К тому же приедет не один, а со своей семьей. Линда утверждала, что он должен был сначала поехать один. Но Ян был уверен в том, что поступает правильно. Теперь Линда и дети — его семья. И он очень хотел познакомить с ними родителей. К тому же Майк немного подготовил тех к встрече. Они знали о Линде и о том, какую борьбу Майк вел за ее свободу от мужа.

Вчера Ян позвонил родителям и сказал, что хочет приехать. Разговор с матерью не получился, из-за того, что она расплакалась. Поговорив с отцом, Ян почувствовал облегчение. Он знал, что был не прав, когда просто исчез и только спустя год связался с Майком. И позволил приехать. Но тогда он считал это правильным. Меньше всего ему хотелось, чтобы родители видели его состояние.

Ян услышал шум подъезжающей машины, и, повернувшись, увидел автомобиль Майка. Он плавно затормозил рядом с «бронко» Яна. Курт и Дора выглянули в окно. Малышка Дора радостно хлопала в ладоши. За эти последние недели Дора странным образом привязалась к Майку. Она болтала без умолку, рассказывая ему обо всем, что с ней произошло за день. Вкладывала ему в руку фломастеры и Майк с легкой паникой на лице принимался рисовать для девочки домики и деревья. А однажды Дора крепко на него обиделась, когда Майк отказался рисовать принцессу с короной на голове.

Брат пытался делать снисходительный вид, но Ян прекрасно видел, что он без ума от Доры. Сара же держалась в стороне. Хотя Майк неоднократно пытался вовлечь ее в их с Дорой забавы. Но Сара предпочитала общество Яна любому другому.

— Итак, все в сборе? — спросил Майк, легонько щелкнув Дору по носу и потрепав по волосам Курта. — Кто хочет поехать на красивой машине с дядей Майком, а не на этой развалюхе?

Желающая нашлась очень быстро. Дора энергично закивала, повторяя «Я, я» и подпрыгивая на месте от восторга. Она принялась упрашивать Сару пойти с ней, но малышка отказывалась. Тогда было решено, что с Майком поедут Дора и Саймон. А с Яном — Сара, Курт и Линда, которая продолжала прятаться в доме. Ян понимал, что она волнуется. Он и

сам немного нервничал, и все же это было странно. Да и Майк осмотрев всех, вопросительно приподнял бровь.

— Где же Линда?

— Должна была уже выйти. Сейчас схожу за ней. Возможно, она решила, что и меня с нее достаточно. Да и ты в последнее время ошиваешься поблизости.

— Ну, можешь не рассчитывать, что я оставлю вас в покое. Да и мама теперь я думаю, тоже. Она послала меня проследить, чтобы вы приехали. Потому что тебе она не доверяет.

Ян усмехнулся. Но все же беспокойство разрасталось, и он решительно зашагал к дому. Без детских голосов дом был тихим. Ян вбежал по ступеням на второй этаж и подошел к спальне Линды и девочек, на ходу думая о том, что пора начинать готовить Линду к тому, что им надо будет построить дом побольше и понадежнее.

Легонько постучал.

— Линда? Все в порядке? Мне можно войти?

— Входи.

Ее голос заставил сердце Яна пропустить удар. Страх? Он давно не слышал в голосе Линды такой паники. Не медля ни секунды, он распахнул дверь и его ноги едва не подкосились от облегчения, когда он увидел ее, целую и невредимую, стоящую посередине комнаты. Но одного взгляда в глаза хватило, чтобы понять, что-то не так. Она испуганно смотрела на него и ее губы дрожали.

— Что...

— Прости. — тихо произнесла она. — Пожалуйста, прости.

Она была такая красивая. С огненно-золотистыми волосами, рассыпавшимися по плечам, обрамлявшими лицо с остреньким подбородком. С огромными, цвета шоколада глазами. Губами, которые он не уставал целовать. Веснушки четко выделялись на переносице и несколько расположились на щеках. Она поправилась, и ее формы округлились. Но самым круглым был живот, где находилась новая жизнь. Он четко выделялся под длинным трикотажным платьем.

Внешне с Линдой было все в порядке. Но в ее глазах было смятение. Ян двинулся к ней, пытаясь понять, в чем дело. Протянул руку и Линда нырнула в его объятия. Яну нравилось, как она охотно принимала их. А он любил обнимать ее.

— Что случилось?

Она хотела ответить, но вдруг ее тело напряглось, она застыла в его руках, прижала ладонь к животу и тихонько застонала. Яну не нужно было других объяснений. Его сердце, казалось, сделало кульбит в груди, остановилось, а потом загрохотало так, что его стук отдавался в ушах.

— Я не смогу... поехать. Я не... — она замолчала и всхлипнула. Потерлась щекой о его рубашку.

— Тихе. Тихе, Линда. Все хорошо. Не думай об этом. Давай, присядь. — Ян подвел ее к кровати, и, пытаясь не показать, как боится сам, помог ей устроиться на краю постели.

Он хотел отойти, чтобы... он сам не знал, зачем. Ему надо было всего пару минут, чтобы прийти в себя. Он не знал, что надо делать. Он не понимал, что должен сделать в первую очередь. Но Линда не позволила ему отстраниться. Она вцепилась в его руки, ища поддержки и защиты. И ее полный волнения и доверия взгляд привел Яна в чувство. Он понял, что именно сейчас она нуждается в нем как никогда.

Он присел на корточки перед Линдой и ее огромным животом. Положил обе свои

ладони на эту округлость.

— Пора, да? Боже...

— Немного раньше положенного, но не критично. Сара и Дора тоже появились на две недели раньше.

Ян выдохнул, прикрыл глаза.

— Я люблю тебя, ты знаешь?

— И я тебя люблю.

— Тогда все будет хорошо. — уверенно произнес он, вовсе не чувствуя уверенности. —

Тебе больно?

— Немного. Схватки пока редкие, и не такие сильные.

Ян почувствовал, как побледнел.

— Схватки... Боже мой! — его голос надломился. — Нам надо ехать в больницу. Тебе что-то нужно?

— Под кроватью, сумка. В ней все, что мне понадобится.

— Хорошо.

Он поднялся, достал из-под кровати сумку. Протянул Линде руку. И когда она вложила в них свои прохладные пальчики, легонько сжал, помогая ей подняться.

— Давай, милая. Я отвезу тебя. Возьмем машину Майка, в ней тебе будет удобнее.

— А дети?

— Побудут с Саймоном и Майком.

Боль снова заставила Линду застонать, и Ян обнял девушку, поддерживая. Она уткнулась лицом ему в плечо, пытаясь восстановить дыхание. А Ян не знал, чем ей помочь.

— Твои родители ждут нас. Они подумают...

— Они поймут. Мама уж точно. Как-никак она родила двух таких оболтусов, как мы с Майком. Не волнуйся, Линда. Ни о чем не думай, только о малыше и о себе. А обо всем остальном позабочусь я. Хорошо?

— Ты же поедешь со мной? Ты же не оставишь меня там одну?

— Нет, конечно. Я буду с тобой, милая.

На лестнице им пришлось снова остановиться, на этот раз схватка была сильнее, и чтобы прийти в себя Линде потребовалось чуть больше времени. Тогда Ян, безумно волнуясь за нее, повесил сумку на плечо, а Линду поднял на руки.

— Я такая тяжелая. — запротестовала она. — Зачем ты...

— Ты замечательная. — он поцеловал ее в макушку. — И я так хочу позаботиться о тебе. Не волнуйся, я держу тебя.

Но все же Яну пришлось спустить ее на пол, перед тем как выйти на улицу. Чтобы надеть на Линду плащ, а еще, чтобы не напугать детей. Яну пришлось приложить немало усилий, чтобы выглядеть беззаботным, когда подошел вместе с Линдой к машинам. Он объяснил Саймону, что случилось и тот, не теряя времени, увел детей в дом. Майк предложил сам отвезти их в больницу. Дорога не заняла много времени, но Линду мучили схватки. А потом она испуганно вскрикнула и расплакалась. У Яна сердце остановилось, а когда Линда виновато призналась, что у нее отошли воды, и она испортила сидение в машине, ему захотелось завывать.

Он страшно боялся того, что происходит и в то же время испытывал благоговейный трепет. А еще ему было жаль Линду, потому что она испытывала боль. Ему плевать было на машину, он купит брату другую, как только все закончится. О чем и сказал Линде. И в его

голосе откуда-то взялось раздражение. Он подумал, что все только усугубил, и сильнее расстроил Линду. А она, почему-то, улыбнулась и погладила ладошкой по щеке. Он перехватил ее руку и поцеловал.

Он занес ее в больницу на руках, хоть Линда и твердила, что в этом нет необходимости. Но необходимость была. Ян боялся выпустить ее из рук. Он вздрагивал и испытывал почти физическую боль, когда Линда стонала от схваток, когда ее губы бледнели от боли. И его руки дрожали, когда он стирал выступавший на ее лбу пот. Стоило им войти в больницу и объяснить в чем дело, Линду усадили в кресло и увезли. Он смотрел ей вслед даже после того, как двери отделения за ней закрылись. Теперь и у него выступил холодный пот, и он обессиленно опустился на один из стульев, стоявших вдоль стены.

Он много раз вот так провожал взглядом жену, когда ее увозили после очередного кровотечения. А потом были опустошение и боль. И отчаяние в глазах женщины, потерявшей ребенка. И отчего-то сейчас ужас парализовал Яна, когда он представил, что такое может случиться с Линдой. Рациональной частью он понимал, что для страха нет оснований. Но прошлое основательно схватило его за горло.

Все о чем он мог думать, что если с Линдой и малышом что-то случится, то он сойдет с ума.

Подошел Майк и громко окликнул его. И посмотрев на брата, он понял, что уже какое-то время рядом с ним стоит регистратор и пытается узнать данные о Линде. Теперь Ян знал ее настоящую фамилию и возраст. И номер медицинской страховки. Но все это пришлось называть Майку. Потому что Ян был не в силах думать об этом.

— Линда не Мел, брат. — сев рядом, Майк похлопал Яна по плечу. — Подумай о том, через что она прошла. К тому же она мать двоих чудесных малышей. Она наверняка знает, что делать. Все пройдет хорошо, вот увидишь.

Ян не знал, откуда Майк догадался о его страхах, но это было не важно. Он был благодарен за поддержку. Они не унимали страх, но отзывались теплом в груди, позволяя вздохнуть. И Ян осознал, что ему сейчас легче от того, что брат рядом. И подумал, что возможно ему было бы легче и тогда, после смерти жены, если бы он позволил близким быть с ним.

— Я рад, что ты здесь, Майк. — честно признался Ян. — Ты всегда... Ты младше меня. А все это время присматривал за мной.

— Об этом и говорить не стоит. Ты мой брат. Мы должны присматривать друг за другом. И... я рад за тебя. Ты достоин такой женщины как Линда. И таких детей. Тебе повезло.

— Да. Ты прав. Спасибо, Майк.

А потом начались долгие часы ожидания. И каждая минута будто отнимала немного жизненных сил у Яна. Он хотел бы не представлять, Линду, мучающуюся от схваток, пытающуюся произвести на свет ребенка, и не мог. Он помнил, какая она хрупкая, какая уязвимая. Вспомнил об угрозе выкидыша на ранних сроках. Он вдруг вспомнил, какой испуганной она была. Он обещал, что будет рядом, а теперь сидит в коридоре, пока она там, среди чужих людей.

Он хотел жениться на ней до родов. Чтобы сделать ее окончательно своей. Тогда, может быть, сейчас смог бы быть там с ней, держать ее за руку. Он никогда не думал об этом. И когда его жена была беременна, Ян никогда не думал, что хотел бы присутствовать при родах. А теперь все бы отдал, чтобы ему позволили быть рядом с Линдой.

Когда прошло два часа, Майк принес ему кофе в бумажном стаканчике, но Ян не почувствовал вкуса. Напиток лишь обжог горло и оставил горький привкус на языке. Все попытки узнать о Линде проваливались. Единственное, что говорил персонал больницы, что когда станет что-то известно, ему сообщат. Его многие знали, это был маленький городок, к нему подходили, поздравляли. Мужчины шутливо сочувствовали. И только единственный человек знал, что ему нужно на самом деле. И поэтому Майк молча сидел рядом, ожидая новостей.

Яна все еще потряхивало от потрясения, когда час назад, доктор сообщил ему, что Линда родила мальчика. И что ему позволят увидеть их, когда маму и ребенка устроят в палате.

Майк поехал рассказать новости родителям и обещал заехать и проведать детей. А Ян, дождавшись разрешения, на негнущихся ногах отправился к палате Линды.

Он приоткрыл дверь и увидел ее. Линда лежала с закрытыми глазами. Темные круги усталости обозначились под закрытыми веками. Бледное лицо, заострившиеся скулы. Рыжие волосы были забраны в хвост, а их яркий цвет контрастировал с бледной кожей.

Ян подошел к кровати, и Линда открыла глаза. Улыбнулась, увидев его, чем перевернула ему душу.

— Привет. — сказал он, не зная, что можно говорить в этот особенный момент.

— Привет. — ее губы пересохли, и она облизала их.

— Как ты?

Ян не удержался и, присев на край ее кровати, протянул руку и погладил по волосам.

— Устала немного. А так все хорошо.

— Я волновался о тебе. — признался он.

— Я знаю. Но теперь все хорошо. Ты видел его, Ян? Видел моего мальчика? Он такой чудесный.

— Нашего мальчика. — поправил он и увидел, как повлажнели от слез глаза Линды. — Нет еще. Медсестра сказала, что его скоро принесут сюда. — он поймал пальцем слезинку, побежавшую по ее щеке. — Но и так уже уверен, что он действительно чудесный.

— Он рыжий.

— Рыжий? — засмеялся Ян, чувствуя, как в его груди нарастает что-то неизведанное. Такое огромное, что он испугался, не уместить в себе все эти чувства и эмоции. — Рыжий, как мама? Мне не терпится посмотреть. А пока... Линда...

Ян наклонился и осторожно коснулся губ Линды своими. А она легко обхватила его за шею и ответила на поцелуй.

Когда он отстранился, Линда прикрыла глаза.

— А вот и мы!

Они оба повернулись. В палату вошла медсестра, держа на руках младенца. Ян быстро встал, давая возможность той подойти к Линде. Но к его удивлению она шагнула прямо к нему.

— Ну, что? Познакомимся с папочкой?

— Что? — ошеломленно сказал Ян. — Я не могу. Я никогда...

— Ничего, у вас все получится. Давайте. Сложите руки и принимайте сына.

Ян будто со стороны наблюдал, как сложил руки у груди, и медсестра аккуратно вложила в них маленькое тельце. Как медленно она отошла, и заулыбалась, когда Ян в панике посмотрел на нее.

— Вот и чудесно! Расслабьтесь! Нам же не нужно, чтобы вы упали в обморок.

Она о чем-то начала переговариваться с Линдой. Кажется, что-то спрашивала про грудное кормление. И в это же время застилала пеленкой колыбельку рядом с кроватью Линды.

Ян застыл, боясь не то, что шевелиться, даже дышать. Он опустил взгляд на крохотного человечка на своих руках, и горло перехватило жестким спазмом. Вся его жизнь казалось, заключалась в этом моменте. В этой самой минуте, когда он держал на руках ребенка. От сознания того, что еще час назад он был внутри Линды, а теперь Ян держит его у своей груди, его пробирала дрожь.

Он не видел, как вышла медсестра, предварительно приподняв изголовье кровати Линды. И на какое-то время забыл о Линде, наблюдающей за ним. Видел только круглые щечки и крохотный носик, черные глазенки-пуговицы. И рыжие волосики на голове. Крохотные пальчики на руках и миниатюрные ступни, в белых носочках. Младенец шевелился и кряхтел, двигал головкой и пах младенческим запахом. Неповторимым. Едва уловимым ароматом новой жизни.

Ян посмотрел на Линду и присев на кровать передал ей ребенка, которого она с жадностью прижала к груди. Держа ребенка одной рукой, она дернула завязки больничной сорочки, намереваясь покормить сына. Но тут бросила смущенный взгляд на Яна. А он не мог отвести глаз. Возможно, он должен был отвернуться, или вовсе выйти, дать возможность Линде покормить новорожденного. Но не мог. Он встретился с ней глазами и ждал ее ответа. Если она попросит, он уйдет. Но она не попросила. Отогнула край ворота и приложила ребенка к груди, помогая ему поймать сосок влажными ищущими губками. Это было так интимно, так волшебно.

— Я так люблю вас. — благоговейно прошептал Ян. — Так люблю. Мне кажется, что я не смогу этого вынести.

Он увидел потрясенный взгляд Линды и испугался, что сказал что-то не то. Но потом по ее щекам покатались слезы, и он понял, что они стали лишь отражением его собственных слез. Он провел ладонью по лицу, стирая влагу.

— Он действительно чудесный, наш сын.

— Наш сын? — словно не веря, переспросила Линда.

— Да. Наш с тобой сын.

— Ты, правда, так думаешь? Ты сможешь забыть, что он... что он не...

— Мне не нужно ничего забывать, любимая моя. Это мой сын. Как и ты — моя. И Саймон с Куртом мои сыновья. Дора и Сара мои дочери. Так и есть. И я люблю вас. Больше, чем мог себе когда-нибудь представить. Ты такая красивая сейчас. Никогда еще я не видел никого прекраснее.

Линда молчала какое-то время, наблюдая, как их сын жадно причмокивает, сося грудь. А, потом, не поднимая глаз заговорила.

— Знаешь. Я ведь никогда не любила. До тебя. Я вышла за Райана из-за жалости к его детям. И я... я не могу жалеть об этом. Не смотря на все, что он... сделал со мной. Потому что у меня нет никого дороже, чем мои дети. И... ты. Я люблю тебя. Я даже и не мечтала о

таким. Я не думала, что смогу... А ты... ты появился и я полюбила тебя. Я даже знаю, когда это случилось. Когда я полюбила тебя, Ян. Я разбила чашку, и поранила руки. Ты помнишь? Я так испугалась тогда. А ты... Ты промывал порезы и успокаивал меня. Ты обещал, что все будет хорошо и что я в безопасности. И я поверила тебе... Только очень боялась.

— Меня?

— Нет. Вообще. Ты, наверное, не поймешь как это. Когда просто боишься. Не зависимо от того, что происходит. Этот страх — он внутри. В голове. Но в тот день я слышала тебя. И даже не осознавая это, поверила. Ты сказал, что не причинишь мне зла.

— Никогда.

— Я знаю. Я это знаю.

Они оба замолчали. Линда продолжала кормить сына, а Ян смотрел на них и снова едва сдерживал слезы.

Он подумал о Мел, и ему стало грустно. Ему было жаль, что она так и не смогла почувствовать это. Материнство. Что никогда не подержит на руках своего ребенка, не вдохнет его запах, не приложит к груди. Ему было жаль. Но уже не больно. Сожаление оставляло отпечаток в душе, но счастье было таким сильным, что этот след терялся, позволяя смотреть в будущее. Где он будет вместе со своей семьей.

Полли Дойл никогда не отличалась сентиментальностью. Ян, конечно, не сомневался, что она одна из самых добрых людей, которых он знал. Но ему так же было известно, что она скорее шутливо обругает от переизбытка чувств, чем начнет промокать наворачнувшиеся слезы. Но именно это и произошло, когда Ян пришел к ней с предложением купить у нее землю, чтобы построить там большой дом для Линды и детей. Полли Дойл расплакалась, как сентиментальная девица и, шмыгая носом, кинулась обнимать Яна, неслабо прижимая его голову к своей необъятной груди.

Пришлось напомнить расчувствовавшейся женщине, что ему позже надо к Линде в больницу, а если она намочит ему рубашку, то придется делать круг и заезжать домой, чтобы переодеться. Полли фыркнула, шлепнула его по плечу и обозвала «гадким мальчишкой». Это было лучше, чем «милый мальчик»

— Я всегда знала, что если ты перестанешь пить и возьмешься за ум, то станешь замечательным человеком! — торжественно заявила Полли, усаживаясь за свой стол и позволяя Яну вздохнуть свободнее. — А ты, я помню, еще и упрямылся, негодник. Сразу же поняла, что Линда — это твой шанс. Как ты на нее смотрел в тот день в ресторане. А потом я поняла, что ей пришло, ой, как несладко. И детки ее, натерпелись. Я знаю, что нельзя сравнивать горе одного человека с бедой другого. Но, к сожалению, ты не хотел сражаться. А Линда, эта кроха, показала тебе пример того, как надо сражаться. И я так рада, что теперь вы заживете одной семьей. И деток ее я любила.

Ян молча слушал, как добрая женщина Полли Дойл, больше не пытаясь изображать суровую хозяйку ресторана, говорит о том, как жалеет, что у нее нет внуков. И она надеется, что со временем Линда перестанет быть такой пугливой и позволит ей навещать детей. И непременно пожелала стать крестной для малыша, который только что родился. А пока велела Яну непременно привезти Курта и девочек к ней, потому что очень соскучилась.

Ян пообещал поговорить с Линдой об этом, и почему-то, был уверен, что Линда не захотела бы другой крестной матери для новорожденного сына. И хоть Полли Дойл думала, что Линда все еще не доверяет ей, Ян считал, что все совсем наоборот. Потому что ни за что она не позволила бы привозить малышей к Полли в ресторан, оставляя их с ней, если бы не доверяла Полли. Именно это Ян и сказал Полли отчего так еще больше расчувствовалась.

Когда эмоции поутихли Полли Дойл со всей серьезностью, на которую была способна в тот момент, заявила, что не могла бы заключить сделку более выгодной. И дело было не в деньгах. Ян и сам знал это, потому что многие состоятельные люди из соседних городов предлагали Полли большие деньги за эту землю, но она отказывала всем подряд. Она хотела, чтобы эта земля стала домом для кого-то, а не просто местом зарабатывания состояния.

Полли и Ян договорились о встрече с юристами и о сумме, которую надо будет заплатить. Она была меньше той, которую готов был заплатить Ян, но больше той, что запросила сама Полли. А через три дня все было готово. Именно в тот день, когда Линду и их сына должны были выписать из больницы, Ян получил на руки документы, подтверждающие о владении землей, которая станет для них залогом будущего.

Утро было холодным, но радостным. Сара и Дора, под чутким руководством Майка собирали пазлы с персонажами какого-то мультика. Курт же что-то рисовал в альбоме, наверное снова самолеты. Ян взял теплые вещи для Линды и малыша и кивнул Саймону, который собирался поехать с ним в больницу за Линдой.

Линда обрадуется, увидев Саймона. Парень сал гораздо спокойнее за последние дни. Он уже навещал Линду пару раз в больнице. Однажды вместе со всей ребятней, а одни раз вместе с Яном. Казалось, увидев, что Линда действительно в порядке и счастлива, Саймон расслабился. Увидев младшего брата, он снисходительно улыбнулся, и ненадолго прикоснулся к крохотным пальчикам на руке малыша. Но ни от Яна и не от Линды не укрылась выражение глаз Самона. В них было столько благоговейного трепета и нежности к ребенку, что Ян ни на секунду не усомнился, что подросток будет любить самого младшего брата не меньше, чем уже любит Курта и сестер.

Яна всегда поражало, какой удивительный ребенок Саймон. Он был в том возрасте, когда все дети бунтуют, начинают отстаивать свою независимость. Заводят подружек, ходят компанией и увлекаются футболом или еще чем-то вроде этого. Но Самон, пережив трудное детство, лишения и страх не ожесточился, а стал более чутки и любящим для своих близких. Он мог еще делать вид, что ему все равно, сказать какую-то грубость Линде, протестующе посмотреть на Яна. Но потом он всегда сожалел об этом, Ян это знал. Об этом свидетельствовало то, как после таких действий он пытается загладить вину. С двойным усердием присматривает за младшими, помогает Линде, прислушивается к нему.

В этот день они ехали всю дорогу практически молча, занятый каждый своими мыслями.

Они назвали сына Кевином. Это был простой, но самый правильный выбор. Линда спросила Яна, как они хотели назвать своего сына с женой, до того, как произошел первый выкидыш. Она видела боль, промелькнувшую в глазах Яна, но он ответил. А Линда просто обняла любимого и сказала, что уже определилась с именем для новорожденного. Она боялась, что Ян будет возражать. Но он замер, прижав ее сильнее, а потом поцеловал. Он не сказал, что думает об этом, но в этом не было необходимости. Линда знала, что это правильно. Только недавно Линда начала понимать, какую вину все это время нес в себе этот сильный и добрый мужчина. На какую любовь и заботу он был способен. Он так много сделал для них, для нее и детей, но утверждал, что это несравнимо с тем, что сделала для него Линда. Только он не понимал, что это было легко. Так легко полюбит его и быть любимой им. Линда знала, что они с детьми стали чем-то вроде отдушины для него, шансом начать сначала, и возможно искуплением. Хотя она не понимала, было ли что-то, что требовало искупления. В том, что случилось, не было его вины, но так же понимала, что Ян видит все иначе. А потому назвать ребенка Кевином было ее подарком ему. Это сделает его вину чуть меньше, а радость и благодарность в глазах любимого станет наградой для нее.

А еще он рассказал ей о том, что своих детей у него быть не может. В ту ночь, когда умерла его жена, Ян был в другой клинике, где ему сделали вазэктомию. А потом она плакала о его не рожденных детях. Ян же успокаивал ее, вместо того, чтобы искать утешение у нее.

Линде не надо было представлять, каким бы отцом стал Ян своим детям, потому что и так видела это на примере ее детей. Родной отец стал для них кошмаром, а Ян стал их настоящим родителем, отдавая как должное им свою любовь и заботу.

«Ты теперь мой папа, да?» — спрашивала его Дора.

И руки этого сильного мужчины дрожали, когда он обхватывал своими натруженными ладонями нежные щеки девочки и целовал ее рыжие кудряшки. А потом искал глазами Сару и звал в свои объятия, зная, что девочка сама всем сердцем стремиться туда.

А Кевин... Если в больнице у Линды и оставались какие-то сомнения, то уже спустя пару дней, проведенных дома, от них не осталось и следа. Можно было ли быть более привязанным и нежным по отношению к ребенку, чем это видела Линда, когда смотрела на Яна с Кевином на руках. Могла ли она пожелать лучшего отца своим детям, чем Ян Ривз? Нет.

Вот и сейчас он стоял возле кровати со спящим Кевином он объяснял Саре и Доре, что те пока не могут взять поиграть брата с собой. Но уже скоро они смогут помогать маме заботиться о нем. Вскоре девочкам стало скучно смотреть на спящего ребенка, который к их сожалению не проявлял к ним никакого интереса и убежали вниз, поиграть с Куртом и Саймоном.

Линда, отложила детскую одежду, которую складывала после сушки и подошла к Яну. Обняла его со спины и, прижавшись, впитала обжигающий жар его тела. Он же недолго думая, переместил ее вперед, она положила руки на бортик детской кровати, а Ян обнял ее сзади и уткнулся лицом в ее волосы. Глубоко вдохнул и выдохнул, обжигая своим дыханием. Что-то невообразимое творилось с ней в руках Яна. Словно все тело начинало гореть, и кожа делалась такой чувствительной. Дыхание сбивалось, и сердце начинало стучать протяжнее и

тяжелее.

— Устала? — заботливо спросил он.

— Нет. Вы же ничего не позволяете мне делать. Удивляюсь, как это мне разрешили сложить распашонки Кевина. — Линда покачала головой. — Чувствую себя беспомощной.

Ян тихо засмеялся, быстро развернул ее лицом к себе.

— План у меня был другой. Хотел, чтобы ты чувствовала себя любимой.

— А я и чувствую! Просто я хочу что-то делать. И еще... Мне кажется, что ты...

— Что?

Линда не знала, как объяснить. Не понимала, как дать понять Яну, что хочет нравиться ему. Что впервые в своей жизни она испытывала такое физическое влечение к мужчине, и так неправильно то, что он видит в ней только беспомощную женщину, о которой надо заботиться. Она боялась сказать об этом открыто, потому что возможно хотела слишком много от Яна. Но ведь он говорил, что любит ее, а она, любя его еще и желала в ответ. Но не знала, как дать ему понять это, потому что никогда не делала этого раньше. Никогда не флиртовала, не соблазняла мужчину. Она чувствовала себя такой глупой и неопытной, хотя всего два месяца назад родила третьего ребенка.

— Линда? — позвал ее Ян, заметив, что она смутилась и отводит глаза. — Что такое, хорошая моя?

— Все замечательно. Правда.

— Я вижу, что нет. Тебе правда хочется заниматься домашними делами, да? Ну, хорошо. С завтрашнего дня и начнешь. Например, приготовишь ужин. У нас будут гости.

Упоминание о гостях моментально выветрило все сомнения о ее желаниях из головы. Линда опарашенно уставилась на Яна. В последнее время Ян наоборот казалось, пытался оградить ее от посетителей. И сам редко оставлял ее одну. А если ему приходилось отлучаться, то непременно приезжал Майк. Брат Яна стал неотъемлемой частью их странной семьи. Он давно стал чувствовать себя у них как дома. Дети его обожали не меньше чем Яна, Линде он нравился. Майк умел рассмешить даже ее, но не переходил границ. Он был открытым с детьми, но с ней соблюдал дистанцию, не потому что не хотел сближения, а потому что понимал, что Линда все еще остается немного настороже. Еще одним частым гостем в их доме стала Полли Дойл. Она безапелляционно заявила, что теперь они от нее не избавятся, и регулярно навещала, принося огромные пакеты с едой.

Но если раньше Ян стремился почаще отвезти детей гулять или в ресторан Полли, чтобы они больше находились среди посторонних людей и привыкали к обществу, как он утверждал, то теперь напротив настаивал, чтобы они все оставались дома под чьим ни будь присмотром. Линда пыталась узнать, в чем причина, но мужчина просил ему довериться, уверял, что это временно, но пока необходимо. А Линда, действительно доверяя Яну, как не доверяла самой себе, погрузилась в заботы о новорожденном и других своих детях. Ей нравилось проводить с ними время, играть с ними, рисовать и читать им, не волнуясь о безопасности, о том, что они будут завтра есть, и смогут ли поесть вообще. Впервые она наслаждалась материнством в полной мере, позволив кому-то другому позаботиться обо всем остальном.

А теперь Ян сообщил о гостях, и по серьезному выражению лица Линда поняла, что это не Майк, и даже не Полли Дойл.

— Не пугайся. — понимающе попросил Ян, не позволяя отстраниться. — Приедет моя мама. Хочет познакомиться с той, которая «вправила мне мозги на место». Это я цитирую. А

еще хочет познакомиться с внуками.

— Ян! Я не... Она не...

— Тише. Не волнуйся так. Все будет хорошо. Ты же знаешь, я тебя и детей в обиду не дам. Неужели я бы позволил приехать кому-то, кто расстроил или бы напугал вас? М? Нет, конечно. Даже если это и моя мама.

— А если я ей не понравлюсь? И у меня дети...

— Ты уже ей нравишься, Линда. Поэтому она и хочет приехать. Майк ей уже все уши прожужжал о тебе и детях. Он тоже будет завтра. Линда. — Ян обхватил ее лицо ладонями, поцеловал в губы. — Все будет хорошо. Поверь, мама волнуется не меньше твоего. Я был... В последние годы я был не лучшим сыном для нее. Не мог и не хотел делить с ними свою боль. Я не мог позволить им видеть меня таким, каким встретила ты. Но я так хочу разделить с ними свою радость. Я люблю тебя и наконец-то хочу жить. Но и хочу, чтобы родители увидели это. К тому же уверен, тебе тоже нужен кто-то рядом кроме меня. Женщина. Ты подарила мне семью, детей, себя, Линда. Я хочу сделать то же. У меня прекрасные родители. Они станут и для тебя близкими, я уверен. Посмотри на Майка. Разве плохие люди могли бы воспитать такого хорошего человека, как мой брат?

— И как ты. — Линда улыбнулась, немного успокоенная словами Яна.

— Не уверен.

— А я уверена! Ты лучшее, что могло случиться со мной, Ян.

— А дети?

— А дети — это лучшее, что могло случиться с нами.

Она поцеловала его. Сама потянулась к его губам. Обняла за шею, прильнув к нему всем телом. Вздохнула от ощущения его ладоней переместившихся на ее талию. Было нужно так мало, всего несколько секунд, чтобы голова закружилась, а во всем теле появилась невероятная легкость и одновременно какая-то натянутость каждого нервного окончания. И когда Ян кончиками пальцев провел по ее спине, пробрался под волосы и обхватил горячей ладонью шею, Линда тихо застонала, не сумев сдержаться. И словно что-то случилось, Ян весь подобрался, напрягся и его объятия стали жестче. Он крепче прижал ее к себе, губы стали настойчивее, дыхание сбивалось, мешая ее и его. Мужчина, с легкостью приподняв ее над полом, отошел от кровати и прислонил к стене, прижимаясь, давая ощутить силу его желания. Потом, наверное, не желая напугать ее, он попытался отстраниться, но Линда, несколько не испугавшись, потянулась за ним, сама требуя большей близости. Он шептал ее имя, пока его губы спускались по ее подбородку, скулам, затем на шею, оставляя легкие поцелуи.

Не хотелось, чтобы это прекращалось. Но им пришлось все же прерваться, потому что Ян оказался гораздо разумнее ее. Он помнил, что дома дети и что после родов прошло мало времени. Но он еще долго держал Линду в своих объятиях, шепча нежные слова любви. Успокаивая ее легкими поцелуями и ласками.

Ян едва сдерживался, чтобы не взять Линду за руку и не увести снова наверх. Чтобы, как еще недавно, вновь поцеловать ее, но на этот раз уже не останавливаться. Он понимал, что еще рано, что это может еще подождать, но как же сложно это было объяснить собственному

телу. К тому же было так много всего, что нужно решить. Первоочередным было решить вопрос безопасности Линды и детей. Он уже с помощью мамы и Майка подготовил комнаты для Линды и детей в доме родителей. И как только завтра состоится знакомство мамы и Линды он перевезет их всех подальше от опасности. А как только разрешится ситуация с бывшим мужем Линды они вернуться и весной займутся строительством нового дома. Яна злило, что он не может практически ничего сделать. А хотелось найти подонка, и свернуть тому шею, чтобы его семье больше не пришлось бояться.

Он так и не смог рассказать Линде, что Райли Хоксли пропал. И есть вероятность, что он разыскивает их. Они с Майком делали все, чтобы найти его первыми, но пока не обнаружили никаких следов. Он не пользовался кредиткой, не регистрировался в отелях, по крайней мере, на свое имя. Что понятно, иначе его бы арестовали. Ян не хотел, чтобы Линда знала. Он прекрасно понимал, какой будет ее реакция. А она только теперь была полностью спокойной и счастливой. И с каждым днем становилась все больше раскованной. И как же его сводило с ума желание все чаще появляющееся в ее темных глазах.

— Папа смотри! — к нему подбежала Дора, отвлекая от собственных мыслей, и, притопнув ногой, протянула помятый бумажный самолетик. — Смотри, что он наделал! — указала она на Курта, который делал вид, что его это не касается, смотрел, как Сара заплетает кукле косичку.

У Яна каждый раз заходило сердце, когда девочки называли его так. Каждый раз ему хотелось схватить этих маленьких проказниц и как можно крепче прижать к себе. Но приходилось делать вид, что ничего особенного не произошло. Он посмотрел на Линду, а та в свою очередь, улыбаясь, смотрела на него, машинально поглаживая головку сына, миро лежащего у нее на руках.

Она прекрасно знала, что он просто не в состоянии отругать кого-то из детей, даже если они стояли на головах. Она словно бы говорила своими лукавыми глазами «Ну, и что ты собираешься с этим делать?»

И она была права. Он все еще помнил, какими эти дети были, когда только приехали. Да к тому же Ян знал, что Курт помял самолетик Доры только для того, чтобы Ян в наказание велел смастерить для сестры новый взамен испорченного. Что Ян и сделал. Курт послушно принялся исполнять «приговор», а Дора в благодарность одарила Яна поцелуем в щеку, и деловито отправилась контролировать процесс создания бумажной игрушки. Линда рядом тихо посмеивалась. И даже Саймон улыбнулся. Ян же в ответ лишь пожал плечами, признавая поражение в борьбе за звание «строгого отца», чем не мог не гордиться.

Стук в дверь застал их врасплох. Но не удивил. Его брат любил являться без предупреждения. И хоть Ян в шутку ворчал на частые визиты Майка, на самом деле был счастлив, что тот легко вошел в его новую семью, и привязался к детям, и их расположив к себе.

Ян встал и подошел к двери. А когда открыл, то за секунду узнал мужчину, стоящего на пороге. Как раз перед тем, как сознание померкло от оглушающего удара в голову.

Ян сквозь оглушающий шум в голове и нестерпимую боль слышал, как сын зовет его. Он понимал, что этого не может быть и все равно каждая клетка в его теле напряглась, силясь

ответить на этот зов. От звука испуганного детского голоса заболело в груди. Ян не знал этот голос, слышал его впервые, но впитывал как благословение, и тянулся за ним, хоть темнота и пыталась вновь поглотить его разум.

— Папа! Вставай, папа. — плакал ребенок. Его сын.

Холодные маленькие ладошки прижались к его подбородку и погладили. Ян подумал, что умер и теперь на том свете его встречают их с женой не рожденные дети. Это было сладкой мукой. Такой желанной. Но потом что-то тревожное закралось в сознание. Дети. Его дети. Он не мог умереть, ведь теперь у него есть те, кому он так нужен. Линда... дети...

Ян застонал. Ужас заставил его распахнуть глаза и перед ними заплясали черные круги, мешая видеть. Боль прострелила голову. И вместе с тем пришло осознание произошедшего и последнее, лицо того, кого он увидел перед тем, как потерял сознание. Вернее перед тем, как его вырубili.

— Папа...

Ян резко повернул голову и увидел синие испуганные глаза Курта. Он стоял на коленках возле него и слезы лились по его перепуганному бледному лицу. Обветренные во время прогулок губы дрожали и вновь и вновь повторяли «папа».

— Курт. — хрипло произнес Ян из-за пересохшего горла и страха.

Он никогда не слышал голоса этого мальчика, и оказалось, что он самый прекрасный из всех какие он только слышал. Только теперь, услышав его, Ян понял, что желал этого не меньше, чем Линда.

А ребенок дернулся, распахнул глаза еще шире и бросился к Яну, обнимая его за шею, и горькие рыдания сотрясали хрупкую детскую грудную клетку. Ян прижал одной рукой мальчика к себе, а другой опирался об пол, не уверенный, что не рухнет, потому что голова нещадно кружилась. Он обвел гостиную взглядом, все больше пугаясь тишины. Он еще крепче прижал вздрагивающего Курта к себе. Пытаясь успокоить ребенка, провел по его спине ладонью. Потом осторожно отстранил его и только тут заметил, что руки мальчика испачканы кровью. Ужас холодом сковал Яна.

— Курт, что с тобой? Ты в порядке? Где-то болит, сынок? Скажи мне. Где больно?

Ян не успел порадоваться тому, что Курт заговорил. И страх за семью помешал в полной мере ощутить волнение от того, что Курт назвал его папой. Но за то Ян успел испугаться, что мальчик больше ничего не скажет. Нет. Только не сейчас!

— Сынок, скажи мне, что-то болит?

Ребенок покачал головой и испачканной в крови рукой вытер слезы с лица, испачкав и его тоже. Но Ян не поверил и взял руки мальчика в свои, ощупывая их. И только теперь почувствовал, что-то влажное на виске, на скуле и шее. Он провел рукой по своей шее и увидел на ладони кровь. Это успокоило его. Курт, правда, не пострадал, а испачкался его кровью.

— Он забрал маму, папа. — прошептал Курт, поперхнувшись, закашлялся от страха, зажмурил глаза. — Он забрал маму и Саймона.

— А где твои сестры, Курт? Где маленький Кевин?

Курт снова заплакал и Ян, разрываясь между страхом, что его семья в руках подонка, и жалостью и желанием утешить Курта снова притянул к себе ребенка.

— Сынок. — позвал Ян. — Мой храбрый Курт. Успокойся. Мы должны найти маму. И твоих братьев с сестрами, малыш.

Курт с надеждой посмотрел на Яна, выворачивая его внутренности наизнанку, от

доверия, что светилось во взгляде ребенка. Он все еще верил в него, хоть Ян и оказался таким безответственным, что так близко подпустил к себе их самый страшный кошмар.

— Они там. — хлюпая носом, ответил Курт. — Наверху. Сара плачет. И Кевин тоже. Я сказал сидеть им там.

— Ты молодец, сынок. Молодец.

Курт, привыкший выражать свои чувства прикосновениями, протянул ладошку к лицу Яна и дотронулся холодными пальчиками до его подбородка.

— Папа?

— Что, сынок? — перехватывая дрожащую ладошку, спросил Ян. — Я боялся, что ты умер. Я так испугался.

Ян снова прижал мальчика к себе.

— Нет, Курт. Я не мог. Потому что нам с тобой надо найти нашу маму, так? Мы сейчас проверим твоих сестер и брата. А потом будем искать маму.

— Он... — Курт вздрогнул и сжал кулачки. — Он снова будет ее бить, да папа? Он всегда так делал. Мама боится его. Я знаю. Я точно знаю.

— Мы постараемся найти ее как можно быстрее. Мама не успеет испугаться сынок. Знаешь, какая она храбрая? Теперь мама очень храбрая. Пошли, сынок. Проверим твоих сестер.

Ян стал подниматься на ноги. Он должен был подняться наверх и убедиться, что дети целы и невредимы. Но это было трудно сделать. Курт мертвой хваткой цеплялся за его плечи, а голова все еще кружилась и боль подтачивала силы. Но сжимая зубы до боли, Ян все же встал на ноги и пошел к лестнице. Схватился за перила одной рукой, второй придерживая Курта. Но понял, что не сможет подняться с Куртом на руках и медленно поставил ребенка на пол. Тот в панике схватил его за штанину джинсов.

— Все хорошо, сынок. Не бойся. Давай мне руку.

Он взял ребенка за руку и поднялся с ним по лестнице. Курт подвел его к спальне Линды. За дверью была тишина. Но Курт сел возле двери и позвал сестер по именам. Девочки тут же отозвались. Ян открыл дверь и такие же зареванные, как и Курт, малышки бросились к нему. Ян позволил себе лишь на минуту прижать дочерей и устремился к кровати, где спал Кевин. Ребенок спал, устав от собственного плача. Ян на мгновение прикрыл глаза, позволяя себе мгновение на охватившее его облегчение оттого, что Курт, Сара, Дора и Кевин целы и рядом с ним. Но радость не была долгой, потому что ужас того, что Линда и Саймон с Хоксли сводил с ума.

Хотелось завывать в голос, но три пары перепуганных глаз смотрели на него с надеждой и верой. Дора всхлипнула, икнула и прижалась к ноге Яна. Он присел на корточки, позволяя всем троим снова прижаться к нему. Дрожащими руками обнял детей. И пообещал найти их маму, прогоняя леденящую душу мысль, что этого может не случиться. Он даже не знал, как долго был в отключке. Как далеко мог уйти Хоксли. Он забрал детей вниз, устроил Кевина на диване и пошел на кухню, зная, что в ящике можно было найти смесь для ребенка.

— Курт, найди мой телефон. — велел он, открывая кухонный шкаф.

Ян достал коробку и порадовался, что на обратной стороне написано, как ее приготовить для ребенка. В голове промелькнуло воспоминание, как Линда расстроилась, что ее молока недостаточно и пришлось подкармливать Кевина еще и смесью. И его сердце сжалось от мысли, как, наверное, сейчас она переживает за детей. И в каком ужасе, что снова оказалась в руках, мучающего ее и детей, подонка.

Заметив, что Курт стоит и смотрит на него, Ян еще раз попросил найти телефон. Но мальчик виновато потупил взгляд.

— Его забрал Саймон. — шепотом сказал Курт.

Ян застыл с коробкой в руках, хотя Кевин уже снова заходился в плаче.

— Хоксли позволил Саймону взять телефон?

— Нет. Саймон ему не сказал. Он просто положил его в карман. Но Саймон его отдаст. Это точно! Он не специально. Он не украл его. Только...

— Все хорошо, Курт! — сказал Ян, поняв, что тот переживает за брата. — Я знаю, что Саймон его не украл. Мы же семья, Курт. Саймон сделал все правильно.

Ян быстро приготовил смесь для ребенка, вернулся в гостиную и велел девочкам и Курту собираться. Покормив малыша, Ян одел и его тоже, завернул в теплое одеяло, захватил коробку со смесью и усадил детей в машину.

Ян старался не ехать быстро, но страх за Линду Саймона подгонял его. У них мало времени. Саймон был умным парнем и сообразил прихватить телефон Яна. И это может очень помочь в поисках мерзавца Хоксли. Но тот может обнаружить телефон и забрать у Саймона, поэтому надо действовать быстро.

Он привез детей к Полли. От нее же позвонил Майку, а потом в полицию. Полли стояла тут же, и поэтому, когда Ян закончил со звонками, она больше не задавала вопросов, только принесла ему полотенце и отправила наверх в свой кабинет, принять душ и смыть кровь. Пообещала, что присмотрит за детьми и что ему не надо беспокоиться еще и о них.

Ян смыл с себя кровь, но рубашка с майкой тоже были испачканы, но это было мелочью. Он натянул на себя окровавленные вещи. Полли увела детей на второй этаж в свою квартирку над рестораном. Ян прошел к ней и увидел, что женщина укачивает Кевина, пока Сара и Дора пили какао с булочками. Курт смотрел телевизор. Увидев Яна, он спрыгнул с дивана и подбежал к нему. Ян потрепал мальчика по волосам и тот словно истосковавшийся по ласке котенок, потерял лицом о его руку.

— Присмотришь за сестрами, сынок? За Кевином присмотрит Полли, а тебе я поручаю сестер. Хорошо?

— Ладно. — расправив плечи, ответил Курт.

— Тогда я спокоен. Я горжусь тобой сынок.

Он оставил детей с Полли Дойл, а сам вернулся домой, дожидаться Майка и полицию.

Потребовалось несколько часов, чтобы обнаружить местонахождение Райли Хоксли. И эти несколько часов были для Яна наполнены страхом. Он никогда в жизни так не боялся. Ян мог по пальцам сосчитать сколько раз за свою жизнь он молился. И сейчас снова делала это, потому что нуждался в том, чтобы верить. Без веры ему было не под силу справиться с охватившим его страхом за любимую женщину и за сына. Он изо всех сил старался не думать, что мог сделать с ними Хоксли за то время пока полиция пытается их найти. А Ян слишком хорошо знал, на что был способен бывший муж Линды.

На протяжении всего времени Ян пытался не думать и не представлять себе плохой исход поисков. Потому что не представлял себе, как сможет пережить это. Однажды он прошел через потерю любимой жены. Потерять Линду будет во много раз труднее. Потому

что когда он женился на Мел, то был взрослым, уверенным мужчиной, способным противостоять всему и верившим в хорошее. Линда же встретила его в самый худший период его жизни. Развалившегося на куски и не знающего как собрать себя обратно. Даже хуже. Не желающего себя собирать. Линда и дети научили его жить заново. Заставили оставить прошлое там, где ему и место. Показали, что значит бороться и быть сильными. И Ян не знал, как сможет без Линды встретить завтрашний день.

Мысли же о Саймоне сводили с ума. Ян слишком сильно привязался к этому парню, чтобы потерять его сейчас. Этот храбрый сильный мальчик, всем сердцем любящий свою семью не мог оставить равнодушным и не вызвать к себе уважения и любви. Он заслуживал того, чтобы закончить школу, и пойти учиться дальше. Но если он не захочет, то Ян вместе с ним будет выращивать виноград и это станет их семейным делом. А Саймон будет принимать полноправное участие во всем. Потому что после Яна именно Саймон достоин носить звание «Глава семьи»

Ян сидел на диване, уперев локти на колени и спрятав лицо в ладони. Майк расхаживал по гостиной, мрачнее тучи и все время созванивался то с полицией, то с частными ищейками, которых подключил сразу же после звонка Яна. Они решили, что лучше задействовать все возможные ресурсы. И оказались правы. Именно доверенное лицо Майка первым обнаружил местоположение Хоксли. Правда он назвался другим именем, и с ним были его жена и сын. Когда Майк сообщил Яну об этом, то он испытал облегчение. Значит Линда и Саймон живы.

— Звони в полицию, Майк. Сообщи координаты. — на ходу хватая ключи от «бронко», сказал Ян и вышел на улицу.

— Куда ты, черт возьми? — следуя за ним, спросил Майк, прекрасная зная ответ на свой вопрос. — Ты же не собираешься сам ехать за этим подонком, брат.

— Я еду за своей женой и сыном.

— Ян, не делай глупостей. Мой человек уже звонит в полицию. Они все сделают как надо.

— Отлично! — усаживаясь в машину, кивнул Ян. — Тем более я должен быть там. Я не стану мешать им, но я должен быть рядом с Линдой, когда все будет кончено.

— Ян, подумай о детях.

— Я о них и думаю, Майк. Им нужна мать. А мне нужны они и Линда. И я не отдам из этой мрази.

Ян гнал машину, не жалея. Сейчас он был один, и единственной его целью было добраться до места как можно быстрее. Когда есть цель дышать гораздо легче. Он обещал Майку, что не станет мешать полиции. И не соврал. Если они приедут раньше, то Ян предоставит профессионалам делать свое дело. Но если нет... Он не позволит какому-то ублюдку издеваться над Линдой и Саймон дольше, чем уже есть.

Ян протянул руки и достал из-под пассажирского сиденья металлический ящик. Поставив его на колени, Ян открыл его и достал из него пистолет. Когда-то он был его путевкой на тот свет, если все же паскудная жизнь станет совсем невыносимой. А алкоголь не сможет хоть на время заглушить боль и вину. Но теперь оружие станет гарантией того, что бывший муж Линды никогда не притронется к ней и детям. Никогда.

Дорога показалась Яну мучительно долгой. Те три часа, что он гнал машину, ощущались как целые сутки. Каждая минута растягивалась в час, за который Ян минуту за минутой прокручивал в голове прошедшие месяцы.

Он вспомнил тот момент, когда увидел Линду впервые и обезумел. Уже тогда она запечатлелась в его сознании. И потом, когда он целовал ее на крыльце ресторана. Те долгие дни, когда она словно испуганная мышка следила за ним, настороженным взглядом, пока он ремонтировал крыльцо. И поцелуй на крыльце его дома. Он целовал ее, пока садилось солнце. Как много раз он потом целовал ее? Много. Очень много. Но слишком мало. Слишком мало. Чтобы он только не отдал сейчас за возможность снова прижать Линду к себе, и поцеловать ее дрожащие губы. Посмотреть в ее темные глаза и осыпать быстрыми поцелуями веснушки на ее лице и плечах.

Он обещал ей, что позаботится о ней. Он обещал ей, что будет защищать ее. Так и будет.

Когда Ян нашел ряд заброшенных домов на окраине города, то по угнетающей тишине вокруг понял, что успел раньше полиции. Он оставил машину и дальше пошел пешком. Каждый дом, с облупившейся краской, с палисадниками, заросшими сорняком смотрел на него слепыми глазницами окон, словно укоряя в том, что не смог уберечь тех, кого он так любил. Раз за разом он дает обещания, которые не может сдержать.

Было легко определить, в котором из домов прячется Хоксли. Только в нем окна не были темными. На первом этаже горел свет, а возле низкой изгороди был припаркован автомобиль. Ян достал пистолет и подошел к дому. Обогнув крыльцо, он пробрался к черному входу, осторожно заглядывая в окна. Задняя дверь была не заперта, потому как в эти заброшенные дома, оставленные без присмотра, много раз успели забраться все кому не лень. От воров, до местной шпаны и наркоманов. А то и вовсе бездомных, ищущих, где можно провести ночь.

Ян, приоткрыв дверь, прислушался к звукам дома. И сначала ему показалось, что он абсолютно ничего не слышит. Но пройдя чуть дальше, Ян услышал тихий разговор. И ему хватило секунды, чтобы узнать голос Линды. Она здесь! Она жива. Ян попытался вздохнуть, но грудь сдавило спазмом, когда вслед за тихими голосом Линды он услышал, как ей отвечает Саймон.

Ян подошел до двери, которая отделяла задние помещения, судя по полкам и ящичкам, кладовой, от основного дома. Еще несколько минут прислушивался к разговору, и понял, что Хоксли в помещении нет. Потому что Линда убеждала Саймона, что их непременно найдут. Что Ян сделает все возможное, чтобы разыскать негодяя. «Негодяй» вряд ли молча бы слушал, как Саймон в ответ говорил, что сам убьет этого «козла».

Но Ян, не смотря на грубые слова парня, отчетливо слышал в его голосе панику и страх. И это разжигало огонь ярости. Ян приоткрыл дверь и, сжав пистолет в руке, шагнул в комнату. Хватило минуты, чтобы увидеть Линду и Саймона, связанных, и сидящих на полу. Рассеченную губу Линды и ссадину на щеке Саймона.

— Ян... — не веря выдохнула Линда и всхлипнула, словно растеряв всю свою выдержку. Ее губа задрожала, глаза наполнились слезами. — Ян...

Он подбежал к ним и присел на корточки. Ему хотелось как следует осмотреть их, чтобы проверить, являются ли ссадины на лице единственными повреждениями. Но времени не было. Линда все больше нервничала, в ужасе разглядывая рану на его голове. Они с Майком, как могли, обработали ее, но лучше бы было наложить пару швов. Ян же только приложил сложенный в несколько слоев бинт и заклеил пластырем, которые вскоре пропитались кровью.

— Ты пришел. Я говорила... Я говорила. Ты пришел за мной. Ян...

— Я здесь, родная. Я здесь. — спрятав за пояс пистолет, Ян уже развязывал узлы на

руках Линды и Саймона. — Вы одни? Где он?

— Ян... — казалось, Линда не могла сказать больше ни слова. Слезы лились из ее глаз, и она как безумная смотрела на него.

— Он пошел проверить обстановку. — ответил Саймон.

— Хреновая у нас обстановка. В конце улицы стоит моя машина, так что надо поторопиться. Потому что Хоксли ее быстро обнаружит. Надеюсь, что полиция уже на подходе.

Ян освободил руки Саймона и парень, несколько секунд потеряв запястья, начал развязывать свои ноги. Ян же развязал Линду и помог ей подняться. Ян снова достал пистолет из-за пояса. Надо было убираться из этого дома как можно быстрее. Но Линда застыла, словно ослепленная фарами оленуха.

— Дети... Что с детьми?

— С ними все хорошо, Линда. Они сейчас у Полли. Они в безопасности. Пошли, родная Уведем и вас отсюда. — Ян протянул к ней руку.

А она, дернулась и бросилась в его объятия, будто только что поверив, что он действительно пришел. Ян на мгновение прижал ее к себе.

— Тише. Тише, моя хорошая.

Он хотел бы вечность стоять и прижимать ее к себе. Но им нужно было уходить. Линда была немного не в себе, но на удивление Яна Саймон был сосредоточен и собран. Поэтому Ян велел ему взять Линду за руку и идти за ним.

Они дошли до задней двери, через которую вошел Ян. Он велел подождать им, пока не выйдет первым. Но на улице никого не оказалось. Тогда они втроем побежали к машине.

Он ждал их там. Бывший муж Линды прислонился к «бронко» сжимая в руке пистолет и направляя его в сторону Яна. Линда в ужасе вцепилась в его плечи сзади. Все замерло как в дурацком фильме, поставленном на паузу. Мерзавец, который держал их под прицелом, со взглядом безумца. Линда, прильнувшая к его спине. Саймон, чье прерывистое дыхание было единственным, что нарушало тишину.

— Уйди с дороги Хоксли.

— Эта шлюха моя жена. А этот щенок мой сын. И это тебе стоит убраться как можно дальше.

Именно в этот момент издали послышались звуки сирены. У них могло бы быть время, но паника плохой советчик. Хоксли слишком хорошо понимал, что он отправиться в тюрьму, если его поймают. Он выстрелил не думая, просто на автомате, попав в руку Яна. Удар отбросил Яна назад. Линда закричала, упав на землю. Но Яну было не до этого. Важнее было то, что Хоксли снова целился. Боль от пули распространялась на плечо, постепенно охватывая все тело. Но Ян заставил себя выпрямиться. Это была секундная заминка. И пока Ян целился в Хоксли, Саймон бросился на своего отца. От неожиданности тот повалился на землю. Но Саймон был хоть и храбрым, но всего лишь подростком, а его отец здоровым мужиком. И ему быстро удалось приложить парня к земле. Но в тот момент, когда он рукой с пистолетом замахнулся для удара, Ян выстрелил.

Прошла секунда, после оглушительного выстрела и Райли Хоксли повалился на землю. Ян остановил Линду, когда она попыталась подбежать к Саймону, и сам приблизился к нему. Помог подняться на ноги. А уже в следующее мгновение сам упал на колени. С пальцев на землю капала кровь. Пистолет стал казаться непомерно тяжелым, и Ян позволил ему упасть на землю.

Линда упала на колени вместе с ним. Здоровой рукой Ян обнял ее и снова и снова повторял, что теперь все будет хорошо. Вой сирен стал слишком громкими Ян зажмурился от боли в ушах. Он слышал, как его зовет Линда. И Саймон. Ему хотелось сказать парню, как он гордится им. И как любит их всех. Но не мог.

Последнее, что он почувствовал, как Линда целует его лицо и слышал, как Саймон говорит, что помощь уже здесь. Но Ян так и не сумел ответить, что он нашел их. Теперь им не нужна помощь.

Грусть бывает светлой. Линда теперь это точно знала. И сейчас она с удовольствием поддалась этой грусти, ни капли, не торопясь ее прогнать. Потому что не каждому выпадает возможность погрузиться не потому, что все плохо, а потому что все хорошо. А скоро станет еще лучше, если такое вообще возможно.

Почти два года длилось строительство их нового дома. И сегодня настал тот день, когда они все переедут туда. Правда, это было практически сделано. Они уже довольно много раз оставались там ночевать. Да и вещи в основном были перевезены. Но именно сегодня, когда Линда собрала последние мелочи, она поняла, что теперь ее дом не здесь.

Отныне они будут жить в большом двухэтажном доме за холмом, где не так давно стоял ветхий дом Яна. Год назад Ян начал подготавливать землю под виноградники, а уже в этом собирался посадить свой первый виноград. И Линда была уверена, что все у него получится. У них получится. Ян никогда не делал ничего значимого без Линды. Советовался с ней, обсуждал практически каждый вопрос. И это было так хорошо каждый день чувствовать себя такой значимой, такой необходимой. И любимой. Можно ли быть более любимой, чем она своим мужем.

Они поженились сразу, как только Яну позволили покинуть больницу, после того, как Райли ранил Яна. Те дни были наполнены волнением и в то же время триумфом. Линда не чувствовала даже грусти. Иногда ей было стыдно за облегчение, которое испытывала, просыпаясь и понимая, что в живет в мире, где больше нет ее бывшего мужа. Она даже забыла, что он отец ее детей. Потому что это было не так. Их настоящий отец Ян. Ее мужчина. Ее любовь. Тот, кто заботился о ней. Кто любил ее. Кто каждый день наполнял ее жизнь светом. Он показал ей, что значит быть настоящей семьей.

А у них была большая семья. И это не только Ян и дети. Еще Майк, Полли Дойл. И родители Яна и Майка. Поначалу Линда всегда терялась и стеснялась, когда принимала родителей Яна. Ей было не по себе, что все члены этой семьи такие важные и самодостаточные люди. Они были хорошо образованны, имели профессию. И сумели реализовать себя в жизни. А у нее было только школьное образование и профессия официантки. И когда она однажды сказала об этом Яну он, наверное, впервые на нее рассердился. Он строго посмотрел на нее и сказал, что не желает слушать такую ерунду. А потом долго и рассказывал и доказывал, что она в совершенстве владеет самой важной и самой значимой профессией. Быть мамой. И что это самая сложная профессия, потому что ей не научат ни в одном университете. Что «мама» это почетная аббревиатура, почти звание, которое вмещает себя объединение самых разных специальностей. От домработницы, до повара. И от врача до психолога. И, похоже, родители Яна считали так же. Потому что Линда, отбросив свое смущение, смогла открытыми глазами посмотреть на все. И она видела перед собой двух любящих друг друга людей, которые гордятся своими сыновьями. И в них не было высокомерия или чувства превосходства. Они приняли Линду в свою семью и любили ее. Но больше всех они любили внуков. С самой первой минуты, когда Ян познакомил их, со словами «а это мои дети».

Особенно они любили Кевина. Как-то Линда даже усомнилась, что они знают, что Ян не является биологическим отцом мальчика. И боялась, что однажды, узнав об этом, станут по-другому к нему относиться. Линда решила рассказать им правду. Тогда мать Яна

понимающе посмотрела на Линду и сказала, что знает об этом. А потом вдруг улыбнулась, подмигнула и заговорщицки наклонив голову к Линде, сказала: «Только не говори этого моему сыну. Потому что Ян об этом даже не подозревает» От этих слов отец Яна рассмеялся. И Линда тоже не смогла сдержать смех. Именно с тех пор Линда перестала чувствовать неловкость. А родители Яна стали частыми гостями в их доме.

— Есть еще коробки? — спросил Саймон, входя в дом.

— Да. Возьми вот эту. Она последняя. — улыбнулась Линда. — Все уже погрузили?

— Да. — подхватив коробку, кивнул Саймон. — осталось погрузить детей и можем ехать.

Саймон снова ушел, а Линда счастливо улыбнулось. Он так изменился. Ее Саймон. Вырос. И не в росте дело, хотя он действительно подросток. И не в том, что прошла его подростковая угловатость и худоба. А их место стали занимать крепкие мышцы. Дело было во взгляде. Более понимающем, спокойным. Более сознательным. Саймон много черт стал перенимать у Яна. Он впитывал поведение мужчины, его жесты, его взгляды на определенные вещи, отношение к окружающим людям и предметам. И многое другое. И это явно шло ему на пользу. Саймон вернулся в школу и был намерен идти учиться дальше по направлению сельского хозяйства. Идея Яна восстановить виноградники привела Саймона в восторг. И не было у Яна лучшего и более усердного помощника, чем Саймон. Чем Ян был только рад. Они вместе изучали книги по разведению винограда. По обработке земли. Искали лучшие удобрения, сорта винограда. И многое другое.

— Ты передумала, родная? Решила остаться тут?

Ян подошел и обнял Линду со спины, уткнулся в шею и глубоко вдохнул и выдохнул, посылая мурашки по всему ее телу. Линда откинула голову назад, позволяя мужу подарить ей несколько поцелуев в шею.

— Нет. Я просто прощаюсь. Немного жаль...

— да. Я чувствую то же самое. Но нет повода грустить, Линда. Никто же не собирается его сносить. — Ян развернул Линду Лицом к себе и обнял. — Этот дом может занять одна из семей, которая захочет работать на этой земле. Пока что все наши работники холостяки, да их е так и много. Но скоро мне потребуется больше рабочих рук. И у кого-то будет семья. Построим еще несколько домов для них.

— О! Это правда, замечательно! Знаешь, я так все это хорошо представляю себе. Наш дом. Виноградники, на которых трудитесь вы с Саймоном. Рабочие с семьями. Их дети вместе с нашими детьми растут и дружат. И праздники у нас будут. Такие шумные! Длинные столы и все мы. И дети. И танцы. Я не умею танцевать, но ты меня научишь! Да? Твоя мама мне сказала, что ты хорошо танцуешь. Да? Научишь?

— Конечно.

— И ты пригласишь меня танцевать?

— Да. Приглашу. Продолжай. Мне нравится ход твоих мыслей. Что будет дальше? — Ян, начал целовать ее щеки, скулы, снова шею.

— Дальше?

— Да. Дальше. После того, как мы потанцуем? Ты разрешишь увести тебя в дом, в нашу спальню? Пока гости развлекаются, а наши дети играют с детьми рабочих?

— А ты хочешь?

— Не сомневайся. Всегда.

Линда покраснела и спрятала лицо на плече мужа. Он рассмеялся, обхватил ее лицо

ладонями и поцеловал в улыбающиеся губы. Она все еще смущалась. Но это длилось ровно до того момента, как Ян начинал ее целовать. А потом все переставало иметь значение. Кроме его губ и рук, которыми он дарил ей откровенные ласки. Ян любил ее нежно и медленно. Терпеливо и неторопливо доводя до сумасшествия. Или быстро и напористо, разрывая ее мир на ласки. Но всегда это было прекрасно. Он любил ее так, что Линда не только забывала о смущения, она начинала чувствовать себя соблазнительной и невероятно желанной.

— Так что насчет того, чтобы позволить мне отвести тебя наверх?

Ян ловко расстегнул верхнюю пуговку ее простой хлопковой блузки и, крепче прижав к себе, стал покрывать поцелуями открывшийся кусочек кожи.

Линда уже ощущала, как жар возбуждения покрывает румянцем щеки и грудь. Как сбивается ее дыхание, когда Ян провел рукой вверх по спине, забираясь под легкую ткань и лаская ее тело под ней.

— Ян, — теряя голову и, уже испытывая головокружение, произнесла Линда. — Дети...

Ян вскинул голову, несколько секунд смотрел на Линду, а потом прижался лбом к ее лбу. Некоторое время восстанавливал дыхание.

— Хорошо, что сегодня мы будем ночевать в новом доме. И у нас будет отдельная спальня. Я смогу делать с тобой, все что хочу, и не бояться, что нас застукают дети. Я безумно их люблю. Но иногда мне хочется оказаться на не обитаемом острове только с тобой. Знаешь, никогда не думал, что буду так радоваться хорошему замку на двери в спальню. Жду не дождусь, когда закроюсь в ней с тобой. Сегодня... Ночью.

— И завтра.

— Каждую ночь. День, так и быть я отдаю тебе в полное распоряжение. Можешь заниматься детьми, но ночи мои. Только мои.

— Только твои.

Он еще раз поцеловал ее. Долго, медленно, лаская ее язык своим, смешивая их дыхание. И они снова увлеклись друг другом. Но Ян был прав, днем им редко удавалось побыть вдвоем. Вот и сейчас в дом вбежал Курт. За два года мальчик подрос, окреп и стал более подвижным. На самом деле он и минуты не мог усидеть. А еще много болтал. Он говорил порой не прерываясь. Перескакивая с темы на тему. Иногда так быстро, что было трудно разобрать. Слово наверстывал то время, пока молчал.

— Мама! Ну, поехали уже! — воскликнул он. — Я хочу есть! А Сара хочет взять Бродягу. Он не хочет лезть в грузовик. Дора тащит его и он скулит. Пап! Мы же возьмем его? Возьмем? А где он будет жить? Ему надо сколотить будку. Вот он будет рад, да мама? Да? Поехали! Дора тоже хочет есть. А еще у меня царапина! Вот!

Он указал на локоть и унесся на улицу так же быстро, как прибежал. Ян вздохнул, отошел от Линды, но взял ее за руку и потянул за собой.

— Пошли спасать Бродягу. Эта псина хоть и бывает настырной, но я пока не готов от нее избавиться. А судя по всему, Дора вполне может это устроить.

Линда засмеялась и послушно пошла за Яном. Но он вдруг остановился, повернулся и серьезно сказал:

— Я люблю тебя.

Он всегда так делал. Говорил ей, что любит при каждой возможности. Много раз. И каждый раз Линду захлестывало счастье. Всепоглощающее счастье.

— И я люблю тебя. — неизменно отвечала она.

А потом всегда наблюдала, как такое же счастье вспыхивает в глазах Яна.

Иногда, Ян говорил, что за то, что убил человека, пусть и такого мерзавца, как Райли Хоксли, он попадет в Ад. И поэтому он создал Рай на земле для себя. Она и дети, это его земной Рай. Линда не знала, прав ли Ян или нет. Грех ли то, что он сделал в тот день. Может быть — это был грех, а может искупление. Линде было все равно. Она каждый день благодарила Бога за это.

Линда вышла под палящие лучи солнца, ведомая рукой мужа. На секунду ослепла от яркого света. А потом увидела свой Рай. Их общий Рай. Она, ее муж. И их дети.

Больше книг на сайте - Knigolub.net